

[Polaris]

А. КЛЕМЕНТ

ПОД ДНОМ МОРСКИМ

POLARIS

ПУТЕШЕСТВИЯ · ПРИКЛЮЧЕНИЯ · ФАНТАСТИКА

СССХХХ

Salamandra P.V.V.

**Александр
КЛЕМЕНТ**

ПОД ДНОМ МОРСКИМ

**Фантастический
роман**

**Затерянные миры
Том XXIII**

Salamandra P.V.V.

Клемент А.

Под дном морским: Фантастический роман (Затерянные миры, т. XXIII). — Б. м.: Salamandra P.V.V., 2019. — 143 с. — (Polaris: Путешествия, приключения, фантастика. Вып. CCCXXIX).

В поисках сокровищ средневековых пиратов экспедиция исследователей и изобретателей прибывает на таинственный и недоступный остров. Загадочные обезьянолюди и зарытые повсюду клады, как им предстоит узнать — лишь малая часть секретов острова Ло-Хо. Роман «Под дном морским» был издан в 1927 г. и переиздается впервые.

А. КЛЕМЕНТ

ПОД ДНОМ МОРСКИМ

ПУЧИНА

**ПОД ДНОМ
МОРСКИМ**

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Остров Ло-Хо расположен в одном из уголков Тихого океана, между тропиком Рака и 30 параллелью северной широты, близ 174 меридиана восточной долготы. О нем ходили легенды одна фантастичней другой.

Говорили, что весь остров — золотоносная жила, игрой природы вынесенная на поверхность; говорили, что пираты свозили сюда, как в банк, все самое драгоценное из похищенного; говорили, что извергавшийся в далекие времена вулкан выбросил в вулканическом пепле неисчислимое количество алмазов — словом, с островом связывались необозримые богатства.

Много было попыток овладеть ими. Но подойти к острову никому не удавалось. Подводные скалы, точно шилом, дырявили днища судов, играючи пускали их ко дну, увеличивая легендарные богатства океана.

Легенды рождали слухи. Среди них был один, повисший в воздухе и дразнивший аппетиты. Говорили, что капитан Лихой знал подходы к острову, что он там побывал... но... но в ответ на все вопросы капитан ухмылялся, принимая непроницаемый вид... и только.

А слухи были не без оснований. С ним была команда из 15 человек. Ныне из них на суше было двое. Они не брались вести судно к острову, но утверждали в пьяном и в трезвом виде, что на острове были.

В трезвом они подробно описывали, как подходили, как лавировали между скал, как высадились. В пьяном рассказывали были и небылицы о богатствах острова. На вопрос собутыльников, откуда же знал ходы капитан, помолчав, отвечали: «От отца своего, старого волка, а тот от деда, дед от прадеда, а прапрадед старого волка был главным лоцманом у пиратов».

Несомненно, капитан знал дорогу на остров. Лихого обхаживали, ласкали, грозили. На ласку улыбался, а при угрозе тень набегала на лицо и становилось очевидным (один

блеск глаз чего стоил!), что этим путем от него ничего не добьешься.

Деньги! Много денег давали капитану. Но зачем ему нужны были деньги, холостому, пожилому, одинокому, без любви и привязанности?

Нет, он никому не покажет подступов к острову. Ведь если золото и алмазы перейдут в чьи-либо руки — это будет несметная сила, сильнее пороха, сильнее всякой силы.

Государство задушит всех и вся — все будет плавать в золоте у ног алмазных истуканов.

Каждый раз, когда Лихой входил в гавань на своей яхте для того, чтобы 1-2 месяца провести на суше, городок приходил в неописуемое волнение... золото и алмазы мутили неустойчивые мозги.

В этом же городке, только и славном своим капитаном, вернее, его легендарным островом, жила небольшая группа научных деятелей, полюбивших городок за его тишину и те богатства, какие представляла собой окружающая местность в естественной историческом отношении.

Наиболее оригинальным и изобретательным из группы был Аконт; он как бы поставил своей задачей преодолеть все, что обычно кажется непреодолимым. Его небольшая квартира представляла комбинацию разных приборов. И стены, и потолок, и даже часть пола были заняты разными установками. Было рискованно пройти по его квартире без проводника.

Геолог ушел в изыскание тончайших способов определения мест залегания полезных ископаемых. Если жители Огненной земли умели по запаху находить медь и железо, то приборы должны были еще утонченнее разрешить эту задачу, и геолог вплотную подошел к новым методам.

Инженер занят был использованием сил морского прилива, приливов и отливов.

Каждый ушел в свое дело, и только присутствие Макса объединяло их и вливало живую струю в их отношения. Макс не был ученым, но он был организатором по натуре. Созидание — вот его стихия. Сейчас он был погружен в создание таких условий, такой обстановки, где жизнь была

бы созвучна человеческим порывам.

Где устроить? Все равно — на земле, над землей, на воде, под водой, но устроить. Для этого нужны были немалые деньги. Все зиждилось на высочайшей технике, исключавшей труд человека; эту возможность давали работы Аконта, геолога, инженера и одного физиолога, которого ожидали в городке со дня на день. Но как реализовать эту возможность?

В очередной приезд капитана, когда снова пошли легенды о золоте, Макс встрепнулся.

Излюбленным местопребыванием капитана в вечерние часы, когда закат золотил горизонт, был бар недалеко от пристани.

Макс отправился туда и сразу, не давая опомниться капитану, изложил ему свой проект. Он говорил страстно, увлекательно и с той убедительностью, какую владеют только люди, влюбленные в свою идею.

Капитан вначале слушал рассеяннo — много приходилось ему выслушивать разных предложений — но по мере того, как Макс расширял рамки своего рассказа, как выявлялся рисунок нового мира, капитан, помимо своей воли, начинал прислушиваться.

Эта смелая затея была в его духе. Да, это предприятие может увлечь его. Он перестал пить кофе, все чаще почесывал бородку, а умные глаза из под густых серо-седых бровей начинали метать стрелы в сторону Макса.

Макс уже передвинулся ближе, за угол стола. Капитан оставил кофе и тоже пододвинулся. Макс уже не рассказывал, а как-то вводил капитана в новую жизнь, и тот входил, не сопротивляясь. Кивком головы он подчеркивал свое согласие.

— Итак, — кончил Макс, — идет?!

— Есть, — ответил капитан — и вопрос был решен.

— Да, — рассуждал сам с собой капитан, возвращаясь из бара, — для этого стоит открыть тайну!

Через неделю Макс познакомил капитана с членами экспедиции, с ее научными силами. Капитан был в восторге от людей, был восхищен идеей и планом ее осуществления.

— Только бы не умереть, — говорил он, — не увидя этот вольный город, свободный, независимый...

Дальше не говорил, а жестикулировал.

Частые встречи с Максом не могли пройти незамеченными, а слежка установила и подробности. Не знали главного... Но для тех, кто следил, этого и не надо было. Важно было одно — капитан с кем-то уезжает.

Весь городок зашумел, а кое-кто от слов перешел к делу. Зафрахтовали тайком судно и спешно начали его снаряжать... И чего только там не было!.. Научные силы, аппараты, провиант на годы!.. Словом, придаться не к чему. Судно называли «Разведчик». Через неделю оно было готово к отплытию... по следам экспедиции капитана Лихого.

Капитан Лихой сам укомплектовал свою команду. Одно-го к одному. Как на каменную стену! Свою собственную яхту он переименовал в «Искатель». На «Искатель» был перенесен ряд приборов, машин и аппаратов. Груз был порядочный, и яхта сидела устойчиво.

5 мая 19-- года яхта ночью снялась с якоря, и бесшумно, на приличной дистанции, за ней последовал «Разведчик».

* * *

— Ускорьте ход, капитан! Опять на горизонте «Разведчик».

— Есть!

«Искатель», окрашенный в цвет морской волны, понесся, как стрела.

Вот уже три дня, как они кружили на одном месте, тщательно избегая встречи с каким-нибудь судном. Собственно, этого бояться не приходилось. Путь лежал вдали от паромных линий и был слишком опасен для того, чтобы сюда без нужды заглядывать.

Пристать к острову, где гавань знал один лишь капитан Лихой, на виду у «Разведчика», значило создать неисчисли-

мые препятствия, вести работу среди постоянной борьбы и выслеживания. Лучше потерять еще неделю, бесцельно скитаясь по океану, но сбить «Разведчика» с пути.

Так рассуждал Макс, начальник экспедиции, и весь многочисленный экипаж был с ним всецело согласен. «Согласен» — это неверно, это слово было исключено из обихода, как только яхта снялась с якоря. Все участники дали клятвенное обещание беспрекословно исполнять все распоряжения Макса.

Они хорошо знали цену себе и каждому из них. Еще на суше были взвешены умом и сердцем взаимное доверие, а главное, творческая сила. Теперь каждый вел свое дело, передав Максу общее руководство экспедицией.

Яхта шла в северо-восточном направлении. День был на редкость ясный, воздух был изумительно прозрачен.

«Разведчик» давно исчез из виду, но не было никаких гарантий, что он снова не попадет в поле зрения.

Макс решил пристать к берегу лишь тогда, когда опасность встречи с «Разведчиком» будет совершенно исключена.

«Разведчик» нервничал. Потерять «Искателя» из виду! Это значило погубить всю экспедицию. Во что бы то ни стало надо было всегда иметь его перед собой. «Разведчик» принял все меры к тому, чтобы остаться незамеченным, но случайный маневр «Искателя» выдал его пребывание в этих водах. Теперь предстояла борьба; все силы должны были быть сосредоточены на том, чтобы не терять «Искателя» из виду.

Началась бешеная гонка по водным полям. Сильные подзорные трубы компенсировали недостаточную скорость хода... но все же «Искатель» уходил. Уходил уже в силу своей смелости, в силу знания места и безбоязненного маневрирования.

Беспрерывно заседала тройка из представителей капиталистов, субсидировавших «Разведчика», ученых и правительства, приложившего свою руку к этому делу.

— «Искатель», — говорил представитель капиталистов, — уходит от нас. Терять его из виду нельзя, иначе погибли все затраты и, как ушей своих, нам не видеть золота с ост-

рова.

— Ваше мнение правильно, — взял слово ученый, — но скорость «Искателя» больше нашей, и я думаю, что попытка угнаться за ним безнадежна. Мы рискуем наскочить на подводные скалы. Я полагаю, рациональнее попытаться осторожно нащупать землю. У нас есть научная возможность это сделать.

Представитель правительства сосредоточенно молчал. Вначале его глубоко захватила экспедиция, но чем больше было разговоров о подводных скалах, тем быстрее испарялся первоначальный подъем. Он склонен был к осторожности. Поэтому при голосовании он присоединился к ученым, и представитель капитала с большим неудовольствием отдал распоряжение капитану:

— Умерьте ход. Ориентируйтесь на землю. Пристанем при первой возможности. Будьте осмотрительны.

Он не терял надежды снова, при каком-либо маневре, нащупать «Искателя». Он не мог рассказать всего, что знал.

К вечеру горизонт стал тускнеть, а к утру все было покрыто сплошной пеленой тумана. Как будто молоко висело в воздухе. Яхта была скрыта от всех. Это радовало Макса.

На палубе можно было ходить только ощупью. Если терялись перила или канат, казалось, что ты оторвался от реального мира, что никогда не встретишься снова с людьми.

Капитан был в подавленном настроении — терялось время — это было не по нем. Он не выходил из каюты Макса.

В каюту постучался Аконт. Без предисловий он заявил, обращаясь одновременно к Макс и к капитану:

— Я могу вам очистить от тумана полкилометра в длину и метр в ширину.

Макс и капитан переглянулись. Это звучало настолько необычно, что оба в один голос переспросили. Аконт подтвердил. На вопрос, что ему надо для осуществления этой меры, он лаконически ответил:

— Ничего. Все взято с берега.

Аконт вышел, оставив их в почтительном недоумении.

Это был исключительно удачный выход из положения.

В каюте, превращенной в лабораторию, Аконт заканчивал последние приготовления. Сейчас должен быть пущен в ход аппарат, и «Искатель» двинется в путь. Машинально он открыл тетрадь, пробежал все вычисления.

Стрелки манометра показывали максимальное давление в баллонах с газами.

— Генрих, а ты сможешь пробраться с зеркалами на палубу — ведь ни зги не видать?

Генрих, молодой матрос, был помощником Аконта в его работах. Он был до самозабвения предан всем опытам Аконта. Все свободное время он проводил среди приборов. Какое счастье трогать их руками, чувствовать их дыхание, видеть, как чудесно они оживают!

Генриха, несмотря на его молодость, житейские препятствия мало смущали. По блеску глаз видно было, что порученное дело он выполнит.

Внезапно лицо просияло: какая-то мысль прорезала мозг.

— А что, если пустим аппарат сразу, как выйдем из каюты, тогда и на палубе станет светло?

На лице Аконта изобразился ужас. Он весь как-то сжался и застыл. Генрих почувствовал, что задел что-то очень болезненное, какую-то невысказанную тайну. Через несколько секунд Аконт овладел собою, отмахнулся, точно перед глазами кто-то стоял, и уже спокойным тоном сказал:

— Генрих, дай слово, что ты никогда не тронешь в лаборатории ни одного винтика без меня и без моего ведома. Даешь?

— Есть!

— А теперь осторожно бери вот эти зеркала и неси их на палубу. Прикрепи к той тумбе, на которой вчера мы сидели. Когда будет готово, скажешь.

Генрих с необычайной осторожностью взял зеркала и направился к двери. Он надавил ее плечом, дверь приоткрылась и с силой захлопнулась. Он инстинктивно, защищая зеркала от удара, откинулся назад, оступился и упал. Аконт

остолбенел. Генрих лежал неподвижно. Перед собой на вытянутых руках он держал зеркала. Первая мысль — о зеркалах. Аконт скользнул по ним взглядом — целы, перескочил через Генриха и налег на дверь — она легко и бесшумно открылась. За дверью никого не было.

— Генрих, все обошлось благополучно. Будь осторожен!

Аконт взял из его рук зеркала, пощупал выводные трубки — все на месте; затем помог ему подняться и вместе с ним вышел в коридор.

Туман был так силен, что все выходы на палубу были закрыты.

Аконт поднял крышку от выходного люка и вывел Генриха на палубу. Все было в молочной пелене.

В лаборатории трещал звонок телефона.

Аконт осторожно опустил крышку люка и поспешил к телефону.

— Алло, ты, Аконт? Говорит Макс. Как прибор?

— Генрих понес его устанавливать. Макс, распорядись, чтобы не было ни живой души ни на палубе, ни в коридоре. Пусть все остаются в каютах.

— Будет сделано.

Медленно повесил Аконт телефонную трубку, провел энергично рукой по лбу, как бы стараясь стереть с него что-то неизгладимое, и взял в руки соединительные трубки.

Он продел их сквозь отверстия в стенке каюты и вывел в коридор. Затем пропустил в коридор трубки, бывшие на палубе и соединенные с зеркалами, которые Генрих понес устанавливать.

Теперь надо было тщательно свинтить концы. Несколькими оборотами серебряной муфты он скрепил трубки.

Какое-то неуловимое чувство говорило о присутствии постороннего человека — и это чувство нервировало Аконта. Он тщательно осмотрелся — никого нет.

— Нервы... — и с этими словами подошел к баллонам с газом. Он взял газовые трубки, которые надо было проверить до самого зеркала.

Аконт вышел на палубу и крикнул Генриха. Слева четкий голос ответил:

— Есть!

Так, переключаясь, он дошел до него. Генрих кончал установку прибора.

Они отошли от зеркал, пробрались вдоль трубок к люку, и Генрих занял место, указанное ему Аконтом. Вдоль газовых трубок тянулись электрические провода. Пройдя в лабораторию, Аконт присоединил концы проводов к полюсам аккумулятора.

Все в порядке.

Он взял телефонную трубку.

— Алло, дайте Макса! Говорит Аконт. Приступаю.

Повесил трубку и подошел к баллонам. Открыв вентиль, он пропустил газ через счетный аппарат, установив скорость и объем выхода газа. Левой рукой он включил рубильник, а правой... правая застыла в воздухе.

Раздался взрыв. Казалось, что вся яхта разлетится вдребезги. Последние минуты!! Вот-вот вода ворвется в каюты и затопит все.

Первым движением было закрутить вентили у баллонов. Эта небольшая работа привела его несколько в себя — и в следующую минуту он был уже на палубе. Генрих, совершенно бледный, стоял у люка. По лицу текли маленькие струйки крови, а на правом рукаве был вырван кусок ткани. Рубашка заметно окрашивалась в красный цвет.

Генрих стоял совершенно неподвижно и пришел в себя только в тот момент, когда Аконт взял его за руку.

— Ты жив?

Вопрос был машинальный, ненужный по существу. Генрих провел рукой по лбу, ощутил теплое и липкое. Глаза выразили недоумение, и первое его слово было:

— Погибло?

— Нет, Генрих, не погибло — тут какая-то ошибка; мы ее сейчас найдем. Ты цел?

Аконт ощупал его. Как будто цел. Под ногами мелкие осколки стекла. Он направился было вдоль шнура к зеркалам, но услышал сзади голос Макса.

— В чем дело, Аконт?

— Не знаю, сейчас посмотрю. Расчет верен, да кроме того...

Но сейчас было не до воспоминаний.

Со всей быстротой, какую позволял туман, он добежал до места, где был аппарат. Ничего не осталось — даже мелких осколков. Тумба была помята, других повреждений туман не позволил рассмотреть.

Бегом вдоль проводов, назад к трубкам; быстро перебирая пальцами, он нащупал оставшиеся в целых концы и от них пошел к лаборатории.

Отвернута соединительная муфта! Утечка газа! Трубки почти разъединены!

На лице была полная растерянность. Ничто не могло ему объяснить происшедшего.

Само? Нет, это невозможно. Тогда — кто же? Команда была подобрана один к одному — все точно по круговой поруке. Он терялся в догадках и не заметил, как почти весь свободный экипаж собрался около него.

Он переводил глаза с Макса на трубки. Макс видел, понимал, что произошла какая-то ошибка, но не знал, в чем дело, и меньше всего склонен был думать о злом умысле.

— Однако, — сказал Макс, — медлить нечего: раз причину нашел, продолжай дальше.

И, обратившись к окружающим, коротко отрезал:

— По местам!

Только когда все ушли, Аконт вспомнил о Генрихе. Его не было среди окружавших. Оставив Макса, он отправился к Генриху в каюту и застал его у умывальника.

— Не погибло! Вот это главное! А мои раны, — ответил он на безмолвный вопрос Аконта, — перевяжем и заживут.

— Аконт, — прибавил он, продолжая мыть лицо, — тут что-то неладно. И дверь... и трубки.

— Быть может, — сказал задумчиво Аконт, — но у меня нет оснований для каких-либо подозрений — это скользкий путь. Итак, завтра снова за работу.

Он прошел к себе.

Подозревать беспредметно было не в натуре Аконта. Он верил лишь в то, что видел и ощупывал. Он мог творить, но

вне творчества он доверял только своим органам чувств.

Но где-то далеко, в подсознательной сфере, все же зародилось подозрение.

* * *

На следующий день туман был еще гуще. О каком-либо движении не могло быть и речи. Бездельничанье в течение суток особенно располагало к разным разговорам о причинах вчерашнего взрыва.

Ровно в девять звонок Макса:

— Алло, Аконт, приступаешь?

— Да.

Трубка повешена.

Поврежденная тумба уже не годилась. Генрих с утра по указанию капитана ощупью искал другую. Когда подходящая была найдена, он обмотал вокруг нее веревку. Веревку потянул за собой к люку.

Шаг за шагом была проделана вчерашняя работа; у соединений был поставлен Генрих. Палуба была в безопасности — туда, после вчерашнего, никто не рискнет выйти. В десять часов 15 минут был включен аппарат. Уверенность Аконта в правильности расчетов и... словом, не дрогнула рука, а глаза впились в счетный аппарат. Легкими движениями он регулировал выход газа.

Тихо, ни звука. Весь экипаж в эту минуту застыл по своим каютам. Горящие глаза впились в стрелки и, когда секундная дошла до момента, назначенного к включению, у всех на секунду остановилось дыхание и сердце; а в следующую, когда стрелка оставила за собой роковую цифру, по яхте пронесся вздох облегчения, который заглушили стены кают.

Макс спокойно сидел у телефонной трубки.

— Алло, говорит Аконт. Включен!

Оставив Генриха следить за сохранностью соединений, он вышел на палубу.

Вдоль трубок, с необычайной осторожностью, боясь на

них наступить, он пошел в направлении к аппарату. Чем ближе, — тем сильнее билось сердце. Не произошел контакт?! Газ не воспламенился?! Подобные мысли, как молния, прорезали темноту сознания. Все ушло куда-то далеко. В голове было пусто, стучало в висках.

Еще шаг — и он у аппарата. Вблизи зеркал туман начал редеть. Капля за каплей, сантиметр за сантиметром таял туман. Аконт ни о чем не думал, он ничего не видел, кроме нарастающей светлой полосы.

Тихо шипел аппарат, без блеска, без пламени, и медленно расступался туман.

Время! Нет, времени он не замечал. Он хотел идти туда, вслед за уходящим паром — и только случайный взгляд, упавший на черную перчатку на левой руке, приковал его к месту.

Тепло уходило все дальше и дальше, поедая туман. Вот очистился метр, полтора, два... и чем больше становилась очищенная полоса, тем быстрее работала мысль Аконта.

Он повернулся и вдоль трубок вернулся в лабораторию.

— Алло, Макс, очищается!

Затем вызвал к аппарату капитана.

— Капитан, говорит Аконт. Скажите, какое расстояние надо очистить от тумана? Ширину, высоту и длину. Предупредите команду, что всякий, кто подойдет к аппарату, рискует заживо испечься.

— Есть!

В лаборатории Аконту не сиделось. На палубу! Там с каждой пядью, отвоеванной у тумана, светлела его собственная мысль.

Он прошел мимо Генриха. Из повязки глядели на него восторженные глаза. Ни звука, ни просьбы.

Пространство очищалось все глубже и определить его на глаз уже не удавалось, — слишком обманчиво расстояние на море.

Когда приглашенные Макс и капитан подошли к аппарату, их изумлению не было пределов. В массе молочно-белой жидкости, точно ножом, был вырезан светлый цилиндр.

На их глазах он продолжал медленно увеличиваться. Капитан невольно сделал шаг вперед.

— Ни с места, капитан! — Аконт схватил его за плечи. — Этот светлый цилиндр — это цилиндр смерти. Все, что попадет в его поле, неминуемо погибнет.

Капитан куда-то исчез и, вернувшись через минуту, передал Аконту длинную деревянную палку. Палка была введена в полосу светлого цилиндра — и на глазах быстро обуглилась. Это было слишком убедительно; палку решено было передать всему экипажу, как наглядное предостережение.

— Да, — сказал Аконт, вы испытали это на палке, а я... — и он махнул рукой.

— А вы? — переспросил Макс.

— Об этом когда-нибудь! Однако, — продолжал он, обращаясь к капитану, — нужная длина?

— Двойная, — четко ответил капитан.

И чудно было. Друг друга они едва различали в тумане, а сквозь тонкую пелену, точно свет среди мглы, блестел цилиндр атмосферы, очищенной от тумана. От этого вблизи становилось еще темнее.

Аппарат продолжал невидимыми лучами сверлить молоко тумана.

— Еще четверть часа, и половина вашего двойного расстояния будет пройдена; но это предел, за которым цилиндр начнет бледнеть и постепенно переходить в молочную пелену.

— Однако, экономия!

Он быстро, насколько позволял туман, прошел к люку и, остановившись около Генриха, сказал ему:

— Поди посмотри. Дистанция шаг. Никакого прикосновения, — и он показал ему левую руку в перчатке.

Генрих не заставил второй раз повторить предложение. Еще не отзвучали последние слова Аконта, как Генрих был наверху.

В глазах его было еще больше лучистости, чем в светящемся цилиндре. Казалось, что туман должен испариться от одного лишь сияния этих глаз. Генрих не знал, что делать.

Гладить аппарат? Нет, его запрещено трогать. Петь? Танцевать? Он весь был застывший восторг.

Победоносно перевел глаза с аппарата на Макса, потом

на капитана, затем быстро, по-военному, повернулся и пошел к люку.

Аконт возился у муфты. Он завернул ее изолирующей лентой и крепко перевязал проволокой. Теперь за соединение он был спокоен и можно было использовать Генриха для новых установок.

Направились в лабораторию и выключили баллоны. Предстояло осуществить новую установку.

Мимо лаборатории, в полуоткрытой двери, промелькнула чья-то фигура. Генрих метнулся в коридор, но никого там не было. Одним прыжком он очутился у места соединения трубок — все в порядке.

Ему хотелось поделиться с Аконтом своими подозрениями, но... далеко устремленные глаза Аконта и вся его фигура, куда-то ушедшая из этого мира... словом, он ничего ему не сказал.

— Генрих, прикрой чехлом приборы и подыщи подставку для нового прибора... так... чтобы он был над... нет, под... нет, справа от этого.

Он рассуждал сам с собой и при этом перед глазами вставала вся конструкция и те трудности, которые возникали с каждым из вариантов новой установки.

Подвигав в воздухе руками, придавая им различное положение и наклоны, Аконт остановился на одной комбинации.

Он обернулся, чтобы дать Генриху указание, но того уже не было в каюте.

Аконт взял новый аппарат и перестроил его так, чтобы лучи получили боковое направление. Теперь оставалось и этот прибор укрепить. Генрих еще не вернулся.

Аконт вышел в коридор и столкнулся в дверях с сияющим Генрихом. Подставка была найдена — устойчивая, плотная, а главное, той же высоты.

Аконт поручил Генриху вывести трубки и провода от нового аппарата, а сам пошел на палубу, чтобы проверить новую подставку.

В поисках тумбы Аконт вспомнил, что не указал Генриху, как вывести провода; он поспешил вернуться в лабора-

торию. Дверь заперта. Ключ от английского замка остался внутри каюты. Он постучал. Никто не ответил.

Аконт не допускал мысли, чтобы Генрих оставил аппараты и запер дверь.

«Однако, — подумал он, — возможно, что Генрих временно вышел и предусмотрительно запер каюту».

Аконт оставил Генриху записку и вернулся на палубу.

Действительно, тумба оказалась удачной. Теперь надо было только установить приборы.

Аконт спустился к себе. Дверь еще была заперта. Он постучал — оттуда раздался стон. Это его совсем озадачило. Он повторил стук — повторился стон.

— Открой, Генрих!

— Я не мо-о-огу! — слова шли, точно из глубокой бочки.

Немедленно был вызван Макс. Слесарь взломал замок и начали осторожно открывать дверь. Она туго поддавалась — кто-то мешал по ту сторону. Налегли сильнее.

— Не надо... больно... подождите!

Отпустили. Несколько секунд напряженного, недоуменного ожидания.

Аконт чувствовал, что начинает цепенеть. На карте стояла вся его жизнь. Там, в этой аппаратуре, было лучшее, единственно ценное...

Эти мысли прервал голос Макса.

— Попробуем!

Осторожно налегли — дверь легко приоткрылась и застопорилась. Отверстие было достаточным, чтобы просунуть голову.

Аконт побледнел. На полу, окровавленный, лежал Генрих. Видно было по положению тела, с каким невероятным усилием он отполз от двери. И это усилие лишило его сознания.

Кругом все было в порядке.

Был вызван врач. Генриха в бессознательном состоянии отнесли в каюту, игравшую роль лазарета. Аконт осмотрел все приборы — не тронут.

Кто же закрыл дверь? Почему тело Генриха очутилось у двери? Кто ранил Генриха?

Аконт поручил Максу остаться в лаборатории, слесарю вделать новый замок, а сам пошел к Генриху. Он все еще не приходил в сознание. На голове был продолговатый кровоподтек.

Врач тщательно осмотрел его, нашел, что жизнь вне опасности, но Генрих, по-видимому, не скоро придет в себя.

Закравшееся накануне подозрение получило новую пищу. Сам не отдавая себе отчета, Аконт решил быть осмотрительнее и тщательнее в изолировке всей аппаратуры. Неосторожное обращение грозило неисчислимыми бедствиями всему экипажу.

С этими мыслями он вернулся к Максу и, посоветовавшись с ним, решил все включить в прочные футляры.

Присоединение нового аппарата было отложено до следующего дня. Теперь же занялись изоляцией трубок и аппарата.

Генрих не приходил в сознание.

* * *

На следующий день в состоянии Генриха наметилось кой-какое улучшение, но сознание к нему не возвращалось.

Каждую свободную минуту Аконт проводил в лазарете. Этот мальчик стал ему очень дорог. Надеяться на скорое выздоровление не приходилось. Как быть?

Словно отвечая на этот вопрос, к нему в коридоре подошел молодой матрос, известный под кличкой «Орел».

Красивый малый, густые черные волосы, нежно-розовое — почти девичье лицо. Из-под черных тонких бровей глядели глубокие черные глаза. Все черты лица были словно точеные.

Поздоровавшись с Аконтом, он осведомился о здоровье Генриха и, узнав, что тот еще не скоро встанет, предложил свою помощь.

Аконт скользнул взглядом по всей его фигуре.

Нет, он благодарит его, но пока в помощи не нуждается.

Орел метнул глазами, раздул ноздри, ничего не сказал и отошел.

Аконт подумал, не воспользоваться ли, действительно, предложением Орла, но вспомнил Генриха, его любовь, преданность, и такая замена показалось ему изменой. Нет, он сам справится, коль скоро аппаратура изолирована.

Аконт сам установил аппарат, укрепил его при содействии капитана и, проделав все процедуры прошлого дня, спокойно закрыл дверь лаборатории и вышел на палубу.

Предстояла трудная задача.

Когда он подходил к приборам, туман вблизи них уже начинал редеть. Зеркала резали два цилиндра. Косое размещение скрестило лучи, и цилиндры вклинились один в другой. Надо было направить их по одной линии.

Капитан и Аконт молча стояли у аппаратов. Минутная стрелка часов, близко поднесенных к глазам, подходила к 3. По подсчетам, заряд каждой волны истощался через 30 минут. Оставалось 15 минут. Надо соорудить приспособление для одновременного вращения зеркал. Две палки могли с успехом выполнить эту роль.

Попросив капитана не отходить от приборов, Аконт направился к себе в лабораторию.

Дверь была открыта. Аконт отчетливо помнил, что он ее запер.

Кто мог это сделать? У кого мог быть второй ключ?

Разрешение этих вопросов он предоставил Максу, которого срочно вызвал в лабораторию; сам же, не теряя времени, вышел на палубу.

Стрелка дошла до 6. Укрепив палки, Аконт начал медленно вращать ими. Цилиндры передвигались с места на место, оставляя след от своего движения в виде туманной вуали, маскировавшей границы цилиндров.

В одном из положений стало заметным, как отдаленный конец цилиндра начал расти. Еще поворот — и рост ускорился. Еще — еще быстрее. Дальше цилиндр начал быстро отступать и не только отдал завоеванное пространство, но как бы обратился в позорное бегство.

Это указало Аконту границы вращения. Он привел зер-

кала в предыдущее положение — и цилиндр стал завоевывать пространство.

Старый капитан, видывавший виды, стоял как вкопанный. Им овладело какое-то оцепенение, почти молитвенный экстаз.

Три четверти своей жизни он плавает в этой части океана. Он знал, как свою, историю каждого островка; все подводные скалы были у него на учете. Сколько погибло судов — вот в эти безумные туманы. А сейчас открылся горизонт, более, чем достаточный, чтобы вести судно не только ему, морскому волку, но и капитану помоложе.

А сколько тревожных гудков!.. И, как бы в подтверждение своей мысли, он услышал протяжный гудок, точно плач ребенка. Он знал этот призыв о помощи. Призыв, который терзает сердца молодых капитанов и часто заставляет их делать роковые ошибки. Да, это гудок смерти — это весть о гибели. Но он, он не поддастся этому — море своих жертв не уступает.

Иначе реагировал на гудок Аконт. Он оставил рычаги, которыми регулировал положение зеркал, и устоял на капитана.

— Да, это гибель, ответил капитан на его немой вопрос, — это неизбежная гибель.

— Но ведь тут, в этих широтах, другое судно — это «Разведчик».

— Значит, — отчеканил капитан, — гибнет «Разведчик».

— Да! но...??!!

— «Но» должно быть забыто.

В этот момент раздался второй протяжный призыв. Капитан машинально снял фуражку и перекрестился.

— Я на время вас покину, чтобы доложить начальнику экспедиции о гибели «Разведчика».

Аконт остался у аппаратов. Он машинально следил за движением цилиндра, резавшем мглу тумана.

Когда капитан спустился в каюту Макса, он застал там, кроме начальника экспедиции, слесаря и двух матросов. Атмосфера была очень напряженная. Из вопросов, задаваемых Максом, капитан понял, что слесарь в чем-то подозревался.

Как только капитан сел за стол, Макс прервал допрос и в кратких словах изложил капитану историю с трубками, открытой дверью и таинственную историю с Генрихом, еще не пришедшим в сознание.

Слесарь был белее полотна. Все складывалось не в его пользу. Он один был знающим техником. Кому другому были знакомы винтили, муфты и у кого другого мог оказаться второй ключ от двери? Все улики были налицо. Слесарь отрицал свое участие.

Макс и капитан отошли в дальний угол.

За подобные поступки в море, на яхте, могло быть одно наказание — в воду с грузом на шее. Но... но второго слесаря на яхте не было. Его помощник заменить его не мог ни по знаниям, ни по опыту.

Надо было найти исход, который, обезвреживая слесаря, оставлял его знания. Решено было подвергнуть его аресту на все время работы экспедиции, а надзор за ним поручить попеременно Генриху и Орлу.

Это решение объявили ему. Что-то глубоко честное было в том взгляде, каким он обвел Макса и капитана, взгляде, который говорит моряку больше, чем тысячи несомненных улик...

Максу этот взгляд ничего не сказал.

Гибель «Разведчика» Макс принял очень сдержанно; он предпочел такой финал иному. Но в гибели он не был уверен.

Доводы капитана были убедительны для моряка, но на Макса они произвели какое-то смутное впечатление...

Все же эти два события настолько взволновали Макса, что после ухода слесаря он не пошел сразу на палубу, а предоставил капитану, если тот найдет возможным, тронуться.

Ко времени вторичного появления капитана на палубе был очищен отрезок пространства, более чем достаточный для ориентировки.

Аконт указал капитану скорость движения и допустимую скорость поворотов. Приготовились к отплытию.

У руля капитан поместил своего помощника, а сам с телефонной трубкой стал у аппарата.

Через полчаса послышалась команда:

— Тихий ход! Яхта медленно тронулась. Впереди, словно фонарь ночью, освещал дорогу цилиндр. Медленно подвигалась яхта и с той же скоростью аппарат резал туман.

Теперь вся инициатива перешла к капитану.

Аkont прошел к Генриху. Он бредил. В бреду он говорил о палке, о зеркалах, стонал от боли, но в сознание еще не приходил.

Яхта медленно подходила к гавани, к тому месту, о котором знал лишь один капитан, месту, свободному от подводных скал. Через три часа в полосу цилиндра попал кусок суши и еще через полчаса послышалась команда:

— Отдать якорь!

За шумело радостным шумом. Яхта была в надежной гавани. Главное, никто ее не видел.

Аkont выключил и убрал аппараты. Туман висел в воздухе сплошной завесой.

Все свободное время Аkont проводил у Генриха. Генрих пришел в сознание на третий день, но в памяти образовался провал. Он не мог вспомнить того, что с ним было в день несчастья.

* * *

Когда опустился туман, экипаж «Разведчика» пришел в уныние. Теперь «Искатель» окончательно был потерян из виду. Полагаться оставалось только на себя. От безделья нервы разгулялись. Вспоминали легенды и рассказы об острове, всю жуть гибели десятков, а может быть, и сотен подобных экспедиций. Даже не обошлось без видений и вещей снов. Словом, на второй день настроение было «назад — домой».

Тройка проголосовала вопрос и единогласно, с разными оттенками грустного и радостного чувства, постановила — вернуться.

Когда председатель вызвал капитана к себе в каюту, всех поразил звук взрыва, раздавшегося вблизи. Взрыв мог быть только на «Искателе». Следовательно, «Искатель» недалеко.

Члены тройки переглянулись и, по безмолвному соглашению, — возвращение было отменено.

Но как нащупать «Искателя»? Пущен был самый сильный прожектор — он осветил, да и то неясно, едва полтора-два метра и уперся в туман. Безнадежной была попытка что-либо разглядеть. Надо заставить «Искателя» подать о себе весть и таким путем определить направление, в котором следует его искать.

День прошел в придумываниях; наутро все, словно сговорившись, предложили дать тревожный гудок.

Капитан «Разведчика» одобрил эту мысль и в тот момент, когда аппарат Аконта резал туман, на «Разведчике» даны были два тревожных гудка. Эти гудки капитан «Искателя» и принял за гудки смерти.

Пять, десять, пятнадцать минут мучительного ожидания... Никакого ответа. Начала закрадываться мысль, что взрыв на «Искателе» был роковым. «Искатель» пошел ко дну.

Час от часу не легче. Если так, то надежда найти остров погибла окончательно. Капитан «Искателя» был бездетным и своей тайны он никому не завещал.

Оставалось ждать момента, когда рассеется туман, и ни с чем вернуться домой. Это было особенно не по душе капиталисту — слишком большие средства были вложены в это предприятие.

Решение разрядило атмосферу. Особенной устойчивостью никто не отличался — всех прельщало только золото, — и чем бледнее становились перспективы, тем быстрее падала энергия.

Когда через четыре дня рассеялся туман, так же внезапно, как налетел, у всех выкристаллизовалось твердое решение — «назад».

Самая сильная подозрительная труба не могла обнаружить на горизонте и подобия судна.

Яхта тронулась. Три дня стояла прекрасная погода. На рассвете четвертого в воздухе почувствовалось что-то недоброе. Легкий ветерок нежно, точно лаская, рябил гладь океана. Издали подходили волны побольше. На горизонте появились белые гребни. Ветер нарастал, он уже трепал пару-

са, а волны лизали корпус яхты. Упали первые крупные капли дождя.

Через час-полтора шторм разыгрался. Он бросал яхту, как щепку, из стороны в сторону, то вознося ее на вершину волны, то низвергая в бездну и, словно из ведра, поливал ее потоками дождя. Яхта погружалась носом глубоко в воду, трещала от ударов набегавших валов, но не сдавалась.

Стоять на мостике нельзя было. Капитан и его помощник, отчаявшись в этой борьбе, отдали себя в руки судьбы. Улучив момент затишья между валами, капитан ушел вниз.

И следом набежавшая волна, точно она только и ждала его ухода, слизнула с палубы все, что на ней было, оставив лишь одни трубы. Капитанская будка с рулем, с компасом, все добавочные установки — все ушло. Каким-то чудом удержалась только лодка. Теперь волны могли свободно перекачиваться через палубу, рыча при столкновении с лодкой и трубами.

Когда шторм прошел, на палубе не оставалось приборов для ориентировки. Научные консультанты лишь очень приблизительно могли определить местонахождение судна. Яхта была сильно потрепана и требовала серьезного ремонта. Надо хоть куда-нибудь пристать. «Разведчик» выбросился на первый попавшийся берег.

Восстановили радио, и весь мир облетело известие:

««Искатель» взорвался, «Разведчик» сильно пострадал, ждем...»

На этом оборвалось радио.

И если бы «Искатель» в этот момент рыскал в эфире, он наткнулся бы на это известие.

Шторм для «Искателя» прошел безнаказанно. Он был в надежной гавани. Природа, как бы в компенсацию за безнадежность подхода к острову, наградила его этой изумительной гаванью.

Под ее защитой нечего было опасаться штормов. Это была коробка, со всех сторон защищенная скалами, и лишь в двух местах открытая для входа и выхода. Створки отверстия находили одна на другую, и сильная буря гуляла в гавани лишь легким ветерком.

Сойти на берег, однако, нельзя было. Там властвовал шторм. Да и дождь не располагал к высадке.

С того дня, когда впервые в истории мира был рассеян туман и предательство чуть не погубило всего дела, Макс не переставал думать об экипаже.

Был ли слесарь одиночкой в этом деле, или он только один из шайки? Какая цель у предателей? Чьи они наймиты? Все эти мысли особенно волновали его в дни вынужденного безделья.

Яхта превращалась из мирного корабля в поле военных действий. Вместо товарищеской атмосферы — напряженное состояние подозрительности.

Аконт и его изобретения кому-то мешали. Предателей или предателя надо было проследить до конца.

Предательство сильно волновало команду. В ее среде только и говорили: мог ли слесарь все это сделать? С какой целью? Один он или есть сообщник?

У каждого было ощущение осторожности, точно предатель сидит тут, рядом.

У Макса не было никаких улик; нет следов, лишь одни догадки. Он решил воспользоваться свободным временем и ближе познакомиться с командой.

Все, по одному, были вызваны в каюту Макса. Были сняты отпечатки пальцев, записана биография с их слов, и на каждого заведен формуляр.

Создавалась тревожная атмосфера — надо было отобрать небольшое ядро, на которое можно будет безусловно положиться, а сомнительных отдать этому ядру под надзор.

На все эхо ушли те дни, когда в открытом океане свирепствовала буря.

Наконец, погода успокоилась. Макс сделал распоряжение о высадке. По заверениям капитана, никаких опасностей ни со стороны людей, ни со стороны зверей не было. Тридцать пять лет тому назад, когда он бывал на острове, там не было никого, кроме птиц, живших здесь огромными стаями. Это было тем более странно, что в глубине острова виднелась прекрасная растительность.

Осторожность и предусмотрительность прежде всего, рассуждал Макс — и поэтому высадившийся отряд был снабжен оружием и патронами в достаточном количестве.

Пристань из камня, сложенная, по преданию, много веков тому назад, почти не изменилась. Высадка не представляла труда.

Высадились почти все. На яхте были оставлены дежурные и связь. После бури прибрежная полоса казалась свежеемытой. Песок был хороший, мелкий. Щебня почти не встречалось. В разных местах валялись обломки скал, иные в обхват и больше. Сглаженные бока некоторых из них свидетельствовали, что океан долго бил и катал их, прежде чем выбросить.

О недавней буре говорили выброшенные рыбы, огромное количество крабов и... доски. Доски окончательно убедили капитана в гибели «Разведчика» — о чем он поспешил поделиться с Максом.

Отряд начал продвигаться вглубь острова. Сначала попадалась мелкая растительность, способная жить на солончаковой почве, а затем растительность становилась все пышнее и пышнее, переходя в тропические леса. Дорога становилась все труднее. Лианы оплетали деревья, перекидываясь с одного на другое. Пришлось прибегнуть к топору, а продвижение отряда стало чрезвычайно медленным.

Солнце уже склонялось к вечеру — оставаться в незнакомом лесу было рискованно, и отряд на ночь вернулся на яхту с тем, чтобы на следующий день снарядиться в 5-6-дневную экскурсию.

Макс был немало поражен, когда Аконт на утро следующего дня начал вытаскивать на палубу свои приборы. Генрих, уже вполне оправившийся, ему помогал. Под его надзором работал слесарь.

Макс не сразу сообразил, в чем дело, но доверие к Аконту было так велико, что он исполнил все его требования. Было дано нужное число помощников, и экспедиция тронулась.

Когда дошли до места, оставленного накануне, Аконт установил приборы и отвел всех назад.

Включен аппарат... шипит — и лианы, скручиваясь, стали раздаваться. Тонкие концы как бы испарялись, более толстые закручивались спиралью, а стволы медленно чернели и рассыпались.

Пахло гарью, но огня не было. Через полчаса Аконт включил прибор и предложил отряду продвигаться — четверть километра было почти свободно. Лопатами отгребали обуглившиеся и распавшиеся стволы; шутя, продвигались вперед.

В одном месте наткнулись на труп большой птицы. Оперения не было — оно все сгорело, а сама птица оказалась запекшейся.

Когда отряд дошел до конца сожженной полосы и вернулся к Аконту, все, как один, остановились поодаль. Точно это был кудесник, якшаться с которым не совсем безопасно.

Макс молча подошел к Аконту, пожал ему руку и сказал: «Чудесно, спасибо!»

Так продвигался отряд весь день и на завтра до тех пор, пока не истощился газ.

Аконт настолько увлекся новым применением своего прибора, что совершенно забыл об опасности истощения энергии — и эта опасность свалилась неожиданно. Аппарат умолк. Хуже того, и на яхте не было запасов газа.

Люди настолько привыкли к новому, легкому способу продвижения, что не могли себе даже представить возврата к вырубке, корчеванию и всей этой рабьей, как они говорили, работе.

Неудача никогда не приходит одна. В бочках исчезла пресная вода. Кран оказался отвернутым. Воды! Где достать воды?!

— Тридцать пять лет тому назад, — сказал капитан, — тут было почти свободно. А сейчас, если бы не условные знаки, поставленные, как гласит легенда, еще моим прапрапрадедом, я не нашел бы дороги. Тогда нам воды не надо было. Да и сейчас не понадобилась бы, не случись несчастья с краном.

Такой разговор происходил на привале.

— Но я помню, где то тут должна быть вода.

— Должна быть? — переспросил Аконт. Получив кивком

головы подтверждение, взял у радиографиста микрофон и прильнул к земле. Воцарилась мертвая тишина.

— Есть, — сказал Аконт и указал направление. Заработали топоры, и через два часа работы передовые уже слышали шум падающей воды, а вскоре добрались до водопада.

У этого места почва спускалась ступеньками. Отряд был на самом высоком месте острова. Дальше шла терраса. Порядочный подземный ручей прыгал по этой террасе; этот шум и слышал Аконт в микрофон.

Воду нашли — одну беду исправили. Но как быть с аппаратом? Вернуться снова к работе вручную?

Но об этом думал Аконт все время с той минуты, как открыл присутствие воды.

Он попросил у Макса десять человек, значительную часть отряда; сказав что-то на ухо Генриху, дал ему ключ и отправил отряд на яхту.

Невольный перерыв в работе вернул оставшихся к вопросу о сокровищах.

— Где же сокровища, капитан?

— Их тут много, они рассыпаны по всему острову.

Он осмотрелся, счистил кору с одного, другого дерева, ударил по дереву тупым концом топора и сказал:

— Вот тут! Копайте!

Несколько лопат земли — и стук. Железо ударилось в какой-то предмет. Откопали и вытащили глиняный горшок.

Когда сняли крышку, там оказалось много серебряных монет. Все переглянулись. Глаза заблестели. Было желание рыть дальше.

— Бросьте! — сказал капитан. — С этой ерундой и возиться не стоит. Разве это сокровища? Сокровища там! — и он показал в направлении, противоположном тому, где находилась вода.

На рассмотрение монет, толки и догадки ушло все время до возвращения посланных на яхту.

Они вернулись очень поздно, когда солнце уже садилось. О работе на сегодня уже не было речи.

Утром весь отряд проснулся много раньше обычного. Всех волновал и интересовал вопрос о тех приспособлениях, которые привез Генрих. Что с ними будут делать?

Из возка торчали длинные металлические трубы — все остальное было тщательно закрыто брезентом. Генрих проснулся раньше всех. Как верный часовой, он спал у возка.

Когда Аконт вышел из палатки, Генрих развязывал брезент. Отряд обступил его кольцом. Аконт вытащил трубы и послал Орла с двумя матросами к водопаду, дав задание приладить трубы так, чтобы вся вода водопада захватывалась ими.

Когда примерили, оказалось, что труб точь-в-точь. Это Аконта не устраивало, так как отряд должен был двигаться в противоположном направлении.

Пошарив глазами по лесу, он решил, что на острове должны быть заросли бамбука. Теперь, несколько успокоенный, Аконт приступил к осмотру привезенной машины. Это была самая обыкновенная электрическая машина, приводившаяся в действие вручную.

Поблизости стоял слесарь, все время находившийся под наблюдением Генриха. Вынужденный арест страшно угнетал его; он как-то осунулся, стал даже неряшливым.

Аконт ласково посмотрел на него и предложил подумать о наиболее удобном двигателе для машины.

Это предложение сразу подняло дух у слесаря. Он на глазах преобразился и тотчас ушел весь в порученную ему работу.

Аконт оставил все на попечение Генриха, а сам с капитаном и еще двумя матросами отправился посмотреть, как шло приготовление у водопада.

Когда они подошли к водопаду, никого из посланных там не застали. Вода уже не стекала вниз; труба была вделана в том месте, где родник выходил из-под земли, и вода широкой струей выливалась из другого конца трубы; но остальные трубы были нетронуты, а матросов нигде кругом не было видно.

Их громко окликнули по имени, так громко, что не слышать нельзя было... но никакого ответа.

Аконт и капитан переглянулись. Макса не было, он остался в палатке и разрабатывал, по материалам капитана, план дальнейшего движения отряда.

Никакого объяснения этому нельзя было найти. Капитан еще раз заверил, что тридцать пять лет тому назад он обошел всю эту часть острова и ни одного живого существа здесь не нашел; он уверял, что остров совершенно необитаем.

Еще раз осмотрели деревья, еще раз окликнули — ни звука.

Тогда обратились к следам. Куда шли следы? Но кругом было много сухих поваленных деревьев, упавших веток, так что о каких либо следах не приходилось говорить.

В поисках следов один из матросов, по прозвищу «Чуткий Нос» за его умение по запаху отличать сорта вин, ушел дальше всех.

Прошло немного времени и оставшиеся услышали его голос: «Сюда». Пошли по направлению голоса, но никого не нашли. Голос их вывел на полянку. При самом тщательном осмотре никаких ям и провалов на поляне не нашли.

«Нос! Нос!» — никакого ответа.

Капитан, обшаривая поляну, нашел место, явно примятое, на котором, если захотеть, можно было видеть следы борьбы... если захотеть.

Внезапно Аконт припал к самой земле. Тут было что-то подозрительное. Он быстро вынул из кармана порошок гипса, который носил с собой для изоляции, взял у капитана воды из фляжки, с которой тот никогда не расставался, и, замесив гипсовое тесто, вылил его на подозрительное место.

Все с затаенным дыханием следили за работой Аконта. Когда гипс застыл, окопали кругом землю и весь пласт перевернули. Начали осторожно счищать землю. Гипс очистили; теперь ни у кого не оставалось сомнения — это был отпечаток босой ноги. Нога была большая. Но чья? Допустить, что кто-либо из матросов снял обувь и пошел босым — это было маловероятно. Что было особенно странным, следа второй ноги нигде нельзя было найти — и, вообще, больше не было никаких следов.

— Тут кто то есть, — это для меня бесспорно, — сказал

Аконт, — надо вернуться, вооружиться и пойти на выручку.

— Ничего невозможного в этом предположении нет, — прибавил он после минутного молчания, — слишком много легенд об этом острове.

Очевидно, предстояла бойня за золото. Это было слишком грубо. Но обстоятельства втягивали в нее: четырех матросов не стало.

Спешно направились в лагерь. Когда проходили мимо водопада, все, без сговора, остановились и переглянулись — труба, которая была вделана в месте выхода родника, исчезла, вода снова спадала в прежнем направлении.

Острый глаз капитана увидел трубу на одном из уступов террасы. Капитан посмотрел в бинокль и подтвердил свое наблюдение.

— Возможно, что это результат давления воды — ведь труба лежала под углом к движению струи.

Аконт больше всего боялся психологических нагромождений. И в науке, и в жизни губительно сваливание событий в одну кучу на основании совпадения случайных признаков.

Это предположение было вполне вероятным, и оно сразу внесло успокоение.

Поспешили в лагерь. В двух словах рассказали все, что видели и знали.

Макс стал во главе вооруженного отряда, дал точные инструкции оставшимся на случай, если через два часа они не вернутся.

«Брать или оставлять слесаря?» — над этим вопросом Макс призадумался. Предатель был опасен и тут и там. Разрешить этот вопрос помог капитан, взявший его под свою ответственность, а к капитану безмолвно присоединился Аконт.

Двинулись. Слесарь и Аконт целиком ушли в обсуждение конструкции двигателя, намеченного слесарем. Аконт одобрял его план. Он был прост и под рукой было все необходимое для осуществления. Надо было только произвести небольшие земляные работы — и все будет достигнуто.

Слесарь был в экстазе от полученной похвалы; его физические и интеллектуальные силы удесятились.

Увлеченные своими мыслями, они не заметили, как по-

дошли к тому месту, где был сделан слепок.

На белом гипсе были следы пальцев. Теперь уже не могло быть никакого сомнения. Но забрать четырех сильных матросов — это могли сделать не один и не два, а, по крайней мере, десяток человек. Десяток! Но где следы?

Все это было изумительно таинственно — был след только одной ноги.

За поляной сразу начинался густой лес. Окликнули разом, хором — никакого ответа.

Отряд, озираясь и держа оружие наготове, начал пробираться в лес.

— Стойте! — сказал Макс. — Это безнадежная работа — по такой чаще живое не пройдет — тут должна быть хоть тропка.

Отряд, не теряя друг друга из виду, обошел поляну — нигде никакого просвета.

— Тогда, — предложил Макс, — обогнем это место снизу. Если это люди, или... черт их знает кто, то обязательно должны были поселиться у воды. Пройдем вдоль падения водопада, там на что-либо наткнемся.

Отряд вернулся к водопаду и стал медленно спускаться, гуськом, по террасе, вдоль узкого русла.

— Не дело, — заявил Аконт, — сначала надо отвести воду.

В два счета новая труба, лежавшая тут же, была вделана в место выхода воды, и ручей пошел по новому руслу.

Не успели спуститься на два уступа, как снизу из-за скалы, точнее, меж двух деревьев, блеснули две пары глаз, через секунду другие и исчезли. Послышался вой, шум, треск от ломаемых деревьев.

Когда дошли до нижней террасы — там никого не нашли. Не было и следов поломки деревьев. Тихо. Тут, по-видимому, кончался ручей; дальше его следы терялись. Минута полной тишины.

Чу! Придавленный вздох. Пошли в направлении звука, и в четырехугольнике, между четырех деревьев, под грудой сухих лиан, нашли всех четырех матросов.

Руки и ноги были крепко связаны лианами, и ком какого-то растения, напоминающего мох, торчал изо рта; на гла-

зах была повязка из узкого и длинного листа. Их тотчас освободили. Все были невредимы.

— Как? Что?

Ничего не могут рассказать. Помнят одно. Сверху кто-то прыгнул на них, закрыл им лицо, с нечеловеческой силой бросил на землю лицом книзу, заткнул рот, связал, взвалил на плечи.

— Как передвигались?

Никто толком не мог рассказать. Местами как будто несли по земле, в других были невероятной силы толчки, от которых Орел даже потерял сознание.

— На кого похожи нападавшие? Их внешний вид? Что сделали бы с ними, не приди на выручку?

На это никто ответить не мог.

Ясно было одно — сила нечеловеческая. Это подтвердили и пострадавшие.

Они думают, что это людоеды. Макс в первую секунду расхохотался и сразу оборвался.

Теперь все было понятно. Лес и поляна — были ложные следы. Но отпечаток на гипсе? Это несомненно нога!

Медлить было нечего, и отряд с большим трудом, скользя по влажному руслу водопада, взобрался наверх. Когда, стоя уже наверху, посмотрели вниз — между деревьев блеснули уже три пары глаз — только большие глаза — и больше ничего не видно.

Надо было наверстать потерянное время. Весь отряд приступил к прокладке труб; через три часа работы вода подавалась в лагерь. Укрепив исходное место, отряд поспешил в палатки. На этот раз уже нельзя было спать так беспечно, как в предыдущие ночи.

Макс и капитан приняли рапорт от посланца с яхты. Он передал перехваченное радио. Оно гласило: «“Искатель” взорвался, “Разведчик” выбросился на необитаемый остров — помогите!»

— Прекрасно, — сказал Макс, — я был уверен, что «Разведчик» не погиб. Пусть думают, что мы погибли. Теперь никогда уже не встретимся с «Разведчиком».

Посланный был отпущен с приказом никаких радио-

грамм не давать, а получаемые ежедневно приносить в лагерь.

Далеко за полночь затянулась беседа в палатке Макса. Все происшедшее за сегодняшний день осложняло работу экспедиции.

Вода тихо журчала, наполняя бочки.

Аконт проснулся раньше всех — первым делом к трубе. Она суха, воды нет.

Он разбудил Макса. Подняли весь отряд. Ночной дозор мог сообщить, что вода перестала течь в полночь, потом истечение возобновилось и прекратилось незадолго до рассвета.

Чем объяснить такую прерывистую, незакономерную работу ручья? В перебоях нельзя было подметить какой-либо правильности.

Снова всем отрядом двинулись к водопаду. Труба была отодвинута, и вода стекала вниз.

«Что за чертовщина? — подумал Макс. — Надо покончить с этим препятствием». Наметил план. Распорядился восстановить водопровод. Затем, оставив впереди у террасы двух человек, отошел со всем отрядом назад, тихо, незаметно — и спрятался в чаще.

Оставленных он предусмотрительно обезоружил, чтобы не давать оружия в руки врага.

Прошло пять, десять, пятнадцать минут — оставшиеся флажками за спиной сигнализировали появление четырех пар глаз. Затем руки у них задрожали, наблюдатели невольно сделали два шага назад. Глаза исчезли.

Макс тихо пробрался вперед. Шепотом, не сводя глаз с водопада, они передали, что внизу из-за деревьев высунулось человеческое лицо, густо поросшее волосами — но это не обезьяна — они могли поклясться чем угодно — обезьяны хорошо знают по тропическим лесам.

Снова тихо — и уже близ отряда затрещали ветки. Макс оказался отрезанным от засады. Он и двое наблюдателей были у водопада, остальные в чаще леса.

Треск повторился еще несколько раз и, когда Макс, шаря глазами по лесу, взглянул наверх, на него смотрели че-

ловеческие глаза. Не успел он опомниться, как три массы прыгнули вниз и подмяли под себя Макса и матросов.

Эта возня привлекла внимание капитана. Видя, что Макса нет, он принял на себя командование; ринулись всем отрядом. Нападение было неожиданное. Нападавшие были застигнуты врасплох. Лишь крайний успел взвалить на плечи «Носа» и исчез — остальные двое с невероятной трудностью были схвачены. У матросов в крови были все открытые части — лицо, руки, а из одежды были вырваны клочья. Когда нападавшие были связаны, Макс подошел к ним и остановился в полном недоумении.

Люди? Нет, не похожи. Обезьяны? Нет, очень мало общего. Волосатые люди.

В голове у него пронеслась одна из обычных историй — крушение, выброшенный пассажир — словом, банальность, прожеванная во всех романах.

Но он мог поручиться, что один из двоих человек — за это говорил глубокий взгляд его глаз. А второй? Это была загадка.

Связанные переводили глаза, шаря всех обступивших. Макс не знал, что делать.

— Нос, а где Нос? — раздался голос одного из матросов. В самом деле, матроса не было.

Как-то машинально все отвернулись от связанных и обратились лицом к водопаду, — никаких признаков.

— Нос! Нос! — никакого ответа.

Макс повернулся к тому, кто казался ему человеком и уставился на него, не зная, в какой форме предъявить требование о выдаче матроса.

Напряженная поза, в которой были соединены настойчивость и недоумение — в этой позе он застыл, когда услышал на хорошем французском языке:

— Один пропал. Развяжите ноги — он придет.

Это был голос культурного человека. Макс не верил своим ушам.

Но все же это были слова. Макс повторил фразу по-французски и, получив кивком подтверждение, распорядился развязать ноги — это было безопасно при таком отряде.

Развязанный, придерживаемый сзади за веревку, подошел к водопаду, крикнул какие-то гортанные слова, и «Нос» был вынесен на нижнюю террасу; развязан. Теперь он мог свободно подняться наверх.

Первое оцепенение прошло.

— Кто вы? — спросил Макс по-французски.

— Я хирург, врач.

Этот ответ, переведенный Максом, заставил переглянуться отряд.

— А это? — Макс указал на связанное существо.

— Сын мой.

Человек попросил освободить на сыне туго стянутые веревки. Когда это сделали, он попросил разрешения рассказать о себе.

Об этом и просить не надо было. Различие между этими двумя существами, при ближайшем рассмотрении, было так велико, что уже одно это довело любопытство до крайнего напряжения.

Макс усадил человека, все расположились вокруг — и начался рассказ, который Макс дословно переводил отряду.

Человек говорил медленно. Видно было, что многие слова он с трудом восстанавливал в памяти.

Существительные-предметы давались легко, труднее глаголы, а круг слов для обозначения понятий был явно ограничен.

— Я здесь больше тридцати лет — это мой сын. Сыновей у меня много — пятнадцать и четырнадцать дочерей, есть внуки — всего нас тут со мной и с моей, — он остановился, смущенно посмотрел на Макса, как бы извиняясь за то, что скажет сейчас, и продолжал, — с моей женой — больше со-рока...

Он, видимо, затруднялся подыскать подходящее слово и, наконец, с той же виноватой улыбкой, сказал «человек».

— Как я сюда попал?

Когда я был молодым врачом-хирургом, я увлекся работами Броун-Секара и подумал, что можно женщину вернуть в состояние обезьяны. Эта мысль поглотила меня. Я не спал, не ел, не пил... и решился. Однажды на операционном столе

лежала прекрасная молодая девушка. Мой ассистент, еще совсем мальчик, считал меня очень умным и во всем повиновался беспрекословно.

Я поручил ему сделать разрез, а сам вышел в соседнюю комнату, где была молодая, по-своему прекрасная обезьяна.

Быстро, при помощи служителя, я вырезал у нее яичники, положил их в жидкость, приготовленную по моему рецепту, и отнес в комнату, где на столе лежала женщина.

С невероятной для хирурга быстротой я вырезал у нее яичники, положил их в ту же жидкость, а обезьяны яичники вшил ей.

Все было так быстро сделано, что ассистент не успел прийти в себя, когда операция уже была окончена.

Я пошел к обезьяне и ей вшил яичники девушки.

После этого я успокоился, стал веселым, разговорчивым, ко мне вернулись сон и аппетит.

Через две недели, когда видно было, что операции прошли блестяще, я был арестован — ночью.

Суд состоялся через три дня и, так как я ничего не отрицал, меня приговорили к ссылке вместе... с моей обезьяной.

На палубе парохода стояла огромная клетка — точно плот из бревен: в ней была моя обезьяна; я был прикован к клетке легкой цепью. Пароход отошел ночью, чтобы не возбуждать населения: весь город уже знал и волновался. Готовы были растерзать меня живым. Власти поспешили с отправкой.

Я спал, ел и пил возле клетки. Моя обезьяна, которую я прозвал «девушка», выражала мне с каждым днем все больше знаков внимания. Она просовывала лапу сквозь решетку, гладила меня по лицу.

Однажды поднялась буря — наше суденышко кидало, как щепку — все попрятались — и забыли о нас. Наскочила невероятной величины волна, таких волн я больше не видел, и смысла клетку вместе со мной.

Клетка имела дно из больших бревен. Я уцепился за решетку и оказался в море. Клетка не тонула. Между двумя

валами я открыл дверцу, пролез внутрь и вовремя успел ее закрыть — следующая волна перекатилась через нас и залила клетку водой. Нас швыряло на нашем судне; мы были почти без пищи. У меня в кармане были три плитки шоколада, данные мне на дорогу моим служителем — единственный человек, который пришел меня проводить.

Этими тремя плитками мы питались два дня. На третий день нас прибило к этому острову — меня и мою «девушку» — и мы тут поселились.

Первое время мне было очень тяжело. Она становилась все ласковей, все нежней... но, в конце концов, сжились... и у нас пошли дети.

Это огромное завоевание науки, но о нем мне до сих пор никому не удавалось сообщить.

Да, дети от человека и очеловеченной обезьяны. Но дальше мне ничего не удалось сделать. Я обучил только самым простым словам, а у них усвоил гортанные звуки матери. Одно могу сказать — память у них удивительная, а упрямство чисто звериное. Моя жена уже стара, а старшему из детей должно быть лет 27.

Вас удивляет все, что мы проделали... похищение, нападение и прочее. Я возненавидел людей после моего изгнания, и эта ненависть жила во мне до встречи с вами.

— Я хочу в цивилизованный мир, — и он заплакал горькими слезами, навзрыд, как ребенок.

Все сидели молча, не шелохнулись. Когда рыдания стихли, обратили внимание на гортанные звуки — это говорил сын.

Был правдив рассказ, и Человек был правдив. Макс собственноручно развязал руки Человеку, объявил его свободным и передал ему сына.

Оставался еще один неясный момент — след одной ноги. Человек охотно объяснил, в чем дело. Ни он, ни, особенно, дети, не ходят по земле — это утомительно и долго; они раскачивают верхушки деревьев и перепрыгивают с одного на другое. И только одному из сыновей иногда приходится опускаться на землю — он калека, у него нет одной ноги.

Человек попросил зайти к нему, посмотреть его хозяй-

ство — а воду — вода ему нужна. Он очень просит дать ему хоть немного воды.

С дрожью в голосе он попросил разрешения бывать в отряде, чтобы жить среди людей — быть может, потом он вернется с ними на материк.

С своей стороны, Макс объяснил ему цель их приезда.

— Золота тут очень много — мне оно ни к чему. Оно там — и он показал в том направлении, в каком указывал капитан.

Человек заверил, что, кроме его семьи и птиц, на острове нет ни живой души.

Все это значительно облегчало Максу задачу.

Он пожал Человеку руку, а за ним следом то же проделал весь отряд.

Аконт, Орел и Нос остались у водопада. С ними остался и слесарь, по указанию которого углубили отверстие, откуда выходила вода. Теперь уже был не ручей, а достаточной мощности поток. Часть воды спустили вниз, а другую заключили в трубу. Человек был вполне удовлетворен.

По просьбе Аконта он указал место, где рос бамбук диаметром не меньше употреблявшихся труб.

Сердечно распрощавшись и указав направление, в котором пойдет отряд, Аконт попросил Человека присматривать за трубами.

По вновь устроенным трубам вода текла прекрасно.

Часть отряда сооружала передаточный механизм, другая — отправилась за бамбуком.

К вечеру все было готово. На следующее утро уже работала электрическая машина, и баллоны наполнялись свежим газом.

Отряд двинулся прежним порядком. Когда отошли на порядочное расстояние, проложили бамбуковые трубы — их было много. Дорогу прокладывали, точно в сказке — через три дня отряд стоял перед обнаженной жилой золота.

Запасы консервов, взятые с яхты, истощились, да к тому же питание консервами очень надоело. Хотелось свежих плодов и свежего мяса.

Человек, приходивший в отряд ежедневно на несколько

часов, указал банановую рощу, хлебные деревья и место, где было много птицы. Человек ловил ее силками.

Отряд с большим удовольствием провел один день в пополнении запасов — так приятны были после консервов свежие плоды и мясо.

Сообщение с яхтой поддерживалось регулярно — и дежурный состав обновлялся каждые три дня. Теперь дорога от яхты представлялась широкой, удобной.

Макс решил сделать ее еще лучше; три дня отряд расчищал дорогу. В работе участвовала семья Человека, очень сдружившегося с Максом и Аконтом и оказывавшего неоценимые услуги своим знанием местности. Теперь, в шутку, дорогу называли шоссе.

У выхода жилы на поверхность был разбит временный лагерь, оборудованный всем:— вплоть до электрического освещения. Подача воды с водопровода, благодаря земляным работам, была сильно повышена.

Туда дальше, по ходу жилы, еще никто не проникал. Эта часть острова очень редко посещалась и Человеком. Лагерь стал исходным пунктом дальнейших разведок.

* * *

С яхты перенесли инструменты, нужные для геологических работ и добывания золота — геолог и инженер вступили в свои права.

В их распоряжение была выделена часть команды, а Макс с Аконтом занялись разведками.

Однажды, с небольшим отрядом, они сильно углубились в лес и продолжали продвигаться, прокладывая дорожку излюбленным способом.

Такие дорожки были проделаны в разных направлениях. Генрих, которому теперь было передано руководство работами по прокладке путей, усовершенствовал способ Аконта, направляя лучи на предварительно обнаженные корни. Несколько раз ударить топором, подпереть плечом — и де-

рево со стоном падало. Валили деревья обычно Орел и Нос.

На этот раз все было проделано, как всегда. Орел налег на дерево плечом, нажал и... исчез. В первый момент никто не заметил этого исчезновения — нередко участники уходили в сторону — и, если бы Генриху не понадобился Орел для перестановки аппарата, его исчезновения, пожалуй, и не обнаружили бы.

Начались поиски. Генрих и Нос пошли в том направлении, где был Орел и оба инстинктивно отшатнулись — за последними деревьями был крутой обрыв, на котором росли редкие деревья, а внизу у основания обрыва была вода, изумительно прозрачная — так что сверху видно было дно. Орел повис, зацепившись за одно из деревьев. Он висел на суку на воротнике матроски. Его шапка скатилась вниз, плавала на поверхности.

Он, по-видимому, потерял сознание, так как не шевелился.

Положение было критическое, малейшее движение грозило падением в воду.

Аконт, немедленно явившийся на зов, послал Носа за канатами, а сам с остальными принялся сооружать упор для каната. Предстояла трудная работа.

Орел все не приходил в себя. Лицо его начинало синеть. Воротник играл роковую роль петли. Была дорога каждая минута.

Когда принесен был канат, тело Орла висело безжизненным. Надеяться на возвращение сознания не приходилось.

Нос вызвался опуститься за ним. Один конец каната был обмотан вокруг упора, из другого была сделана петля, куда и влез Нос.

Общими силами начали медленно спускать. Цепляясь за выступы скалы, Нос добрался до Орла, спустился ниже, схватил его поперек туловища. В таком состоянии их подняли вверх.

С большим трудом привели в чувство. Орла оставили на попечение вызванного доктора.

Аконт начал обследовать место. Человек вызвал двоих из наиболее ловких своих сыновей и, перепрыгивая по вер-

хушкам деревьев, они сообщили сведения о характере места. На расстоянии приблизительно километра от того места, где произошла катастрофа, был пологий спуск к воде.

Орел пришел в себя; первым делом оправил ворот. Употребив огромное усилие, он встал и, медленно, сам, упорно отказываясь от посторонней помощи, побрел с доктором в лагерь.

Дорогу начали прочищать в направлении к спуску. Действительно, сход был очень удобный, постепенно уступами спускавшийся вниз.

Когда подошли к воде и попробовали ее, она показалась на вкус чуть-чуть солоноватой — много преснее морской воды.

С того места, где остановились, виден был в неясных очертаниях такой же поросший и скалистый противоположный берег — налево скалы были еще выше, а направо вид загораживал выступ скалы, далеко врезавшийся в водную гладь.

Поверхность была зеркально ровной и спокойной — никакого шевеления. Это заставляло предполагать, что водный бассейн с морем не связан. Тогда откуда же соленый вкус?

Были взяты пробы для исследования в походной лаборатории.

Какие-то стекляшки играли переливами света в разных местах — забрали их с собой для геолога.

Когда отряд вернулся в лагерь, там происходило совещание с геологом и инженером. Жила уходила вниз и на большую глубину. Судя по пробным бурениям, ее главная часть уходила в сторону, в том направлении, куда ходил отряд Аконта. Только в этом направлении и следовало идти.

Рассказ Аконта сильно заинтересовал всех — это было ново, неожиданно и рисовало в ином свете геологическое прошлое этого острова. Когда, в процессе беседы, Аконт вынул стекляшку — геолог буквально рванулся к нему.

— Да ведь это чистый алмаз! Где? Где вы их нашли?

— Это не остров, — добавил он, — а геологическая загадка. Тут было исключительное стечение обстоятельств, каких не было ни в какой другой точке земного шара.

Эти слова возбудили весь лагерь, привели в движение все уголки нервной системы, довели любопытство до предела.

— Так алмазные россыпи — это не сказка, — сказал Макс, которого эта перспектива вывела из обычного состояния равновесия.

Аконт, капитан, Генрих наперебой разным группам рассказывали впечатления и события дня. Все разбили на маленькие группы, переспрашивали подробности — это замечало немедленную экспедицию, совершить которую нельзя было за поздним временем.

А когда к ночи зажгли костры, казалось, что собрались средневековые пираты и рассказывают друг другу о необычайных похождениях — до того горели глаза у слушателей и так жестикулировали рассказчики, повторяя в десятый и двадцатый раз один и тот же рассказ.

На следующий день солнце едва-едва пробивалось сквозь листья, когда весь отряд уже был на ногах.

В этот день особенно несчастными сочли себя дежурные.

Когда пришли к спуску и осмотрелись, глаза заблестели так, точно в орбитах были алмазы. Аконт накануне и не обратил внимания на переливы света в прибрежной полосе. Это были алмазы — внизу — на всем участке, доступном обзору, всюду, куда хватал глаз, а дальше — выступы скал.

Геолог глубоко запустил руку в прибрежное дно и оттуда вынул горсть настоящих алмазов.

Не было никакого сомнения — алмазные сокровища уходили вглубь, по дну водоема.

Это сильно осложняло дело. Несомненно, в этом месте надо устроить новый лагерь.

Ближайшие три дня ушли на эту работу. Все водолазные приспособления и какие-то таинственные ящики, охрану которых доверили Генриху, были принесены с яхты.

Орел уже вполне оправился и принимал во всех работах деятельное участие. Особенно он увлекался и интересовался всем, что делал Аконт.

На четвертый день лагерь отдыхал. Был прекрасный вечер. Полная луна стояла прямо над водной поверхностью. Развели костры и с чувством удовлетворения уселись вокруг.

Из дальнего угла послышался голос капитана:

— Мне говорили о богатствах этого острова, говорили о большем, чем мы видели. Я молчал до сих пор, так как считал, что легендами я только разожгу вашу фантазию, а тут нужна упорная работа. Но сейчас я вижу, что отец говорил мне правду. Говорил он со слов моего деда, его отца.

Если правда то, что мы сейчас видим, то, вероятно, правдой было и остальное из его рассказа. А он говорил мне однажды, вот в такой вечер, там, у моря, где сейчас стоит наша яхта, что тут в глубине острова среди неприступных скал был замок, сложенный из такого толстого камня, что никакое орудие того времени не могло его пробить. Этот замок поднимался со дна котловины и возносился своей сторожевой башней над всеми окружающими скалами. Оттуда, из башни, видно было все море на далекое расстояние.

В замке не было ни одного открытого места. Строился он знаменитыми строителями, захваченными пиратами. В нем были приспособления, позволявшие разом закрыть все отверстия и пустить в окрестности воду.

В подвалы этого замка свозилось все самое ценное из похищенного пиратами. Тут были алмазные и золотые фонды — серебро хранилось в других местах — в замке его не знали. Там пили и ели только на золоте, и вся утварь была из золота. Там, где мы употребляем железо, владельцы замка не знали иного металла, кроме золота; инкрустации и украшения были из жемчугов и алмаза. Сюда свозили свою дань молодые пираты. Того, кто приезжал впервые, мой прапрадед вводил с завязанными глазами в ту гавань, где мы остановились. Его спускали на берег и взваливали ему на плечи огромную бочку, какую только под силу было нести, и еще две бочки давали двум его товарищам по ремеслу.

С завязанными глазами их приводили в замок. Там торжественно встречали.

Повязку снимали в «зале встреч». Старший из пиратов

приветствовал молодежь. Бочки относили в подвалы, где ставили в ряд с другими. Затем начинался пир. За столом сидели только те, кто сумел наполнить бочки — одну золотом, другую жемчугами, третью алмазами. Остальные пираты им прислуживали, лишь мечтая о счастье когда-нибудь сесть за стол.

Лишь тот, кто доверху наполнил одну из бочек, получал право идти в замок с открытыми глазами.

Тут, в замке, снаряжались все экспедиции для выручки пострадавших, все золото на подкуп шло отсюда. Пираты знали высокую цену этой товарищеской помощи — и замок мечтою каждого из них.

Кто погибал — бочки того безвозвратно поступали в общий фонд. Кто уходил от ремесла, мог половину брать с собой.

Вот какой это был замок! Судя по всем описаниям, он был в этой котловине. Сегодня, выше, я нашел остатки петель от бывших ворот, — и, к величайшему изумлению слушателей, которые во время рассказа переползали от своих костров поближе к капитану, он показал кусок железа, который, несомненно, когда-то был частью петли для ворот.

Когда, капитан кончил, стояла мертвая тишина.

Все взоры обратились к котловине — и заledenели. На поверхности начали вырастать седые головы. Волосы были взлохмачены, и пряди рассыпались, подобно медузам, точно верхушки, кроны, каких то гигантских стволов. Лица напоминали старых сов. Вместо носа гигантский клюв, и глаза, горевшие зеленоватым блеском. Число их все росло. Посередине стоял огромный белый круглый стол — они склонили к нему свои головы и время от времени опускали носы, точно клевали. Их было много. Кругами расходилась их рать.

Все это ощущалось реально. Почти весь отряд был убежден, что рассказ капитана вызвал духи умерших, собравшихся с целью защитить свои сокровища.

Все молчали, невольно жались друг к другу. Это видение продолжалось с полчаса и стало понемногу бледнеть. Сначала исчезли дальние гости, потом ближние, покосился бе-

лый круглый стол — и куда-то уплыл.

Отрядом овладел суеверный ужас. К тому же, гасли костры, луна ушла и было поистине жутко. Молчали.

Макс и Аконт что-то записывали и рисовали при свете догорающего костра.

— Ну, пора и спать, — спокойно, точно ничего не было, сказал Макс.

Этот спокойный, трезвый голос, говоривший такую обычную вещь, не сразу дошел до сознания, но он разбудил, он внес новую струю — и, когда Макс повторил свое предложение, отряд, не проронив ни единого слова, поднялся и, стараясь держаться парами, отправился по своим палаткам.

Долго, очень долго, слышен был в палатках приглушенный шепот.

На следующее утро все проспали. Когда отряд вышел к утреннему завтраку, солнце уже стояло высоко.

* * *

Надо было возобновить запасы провианта. Значительная часть отряда под предводительством Человека и при участии почти всей его семьи, сошедшейся с отрядом, отправилась на сбор плодов и ловлю птиц.

Среди дочерей Человека — одна была особенно хороша. Тело ее меньше других поросло волосами и сквозь прозрачный покров видна была нежно-розовая кожа. Черты лица были правильны, лоб почти человеческий, а переносица более приподнятой, чем у остальных детей Человека. В человеческом обществе мимо нее не прошли бы без внимания, ее отнесли бы к разряду своеобразных, но все же красивых женщин. И «Чуткий Нос» относился к ней далеко не безразлично. Он защищал ее от обхаживаний, т. е. защищал для себя и, пользуясь своей физической силой, держал остальных на дистанции. И девушка-обезьяна, которую Человек называл Лора, не оставалась безучастной к вниманию.

Она приносила ему лучшие плоды. Сидя высоко на дереве, игриво бросала в него разную мелочь — незрелые плоды, сучья... Ей импонировала его сила, но она считала его по своему неуклюжим. И эта мешковатость будила в ней нежные чувства.

Нос попросил Человека обучить его гортанному языку. Он записал нужную фразу на французском языке, со слов Аконта, и хоть исковеркал все слова до неузнаваемости — однако Человек его понял. Он обучал его в свободное время.

Нежная дружба завязалась между сыном Человека, которого он называл Икар, и Орлом. Они вместе проводили все свободное время, и Орел скоро научился понимать Икара и сообщать ему свои желания.

Два дня прошли в заготовках.

Макс с капитаном и Аконтом пока разработали план. Согласно этому плану, часть отряда продолжала добычу золота и погрузку его на яхту, другая часть переводилась на работу по обследованию дна водоема.

В эту группу вошли также Генрих, Орел, слесарь, а по просьбе Орла был включен и Икар, отличавшийся невероятной силой. Нос перешел на разработку золота. Золотой отряд переселился в первоначальный лагерь, алмазный обосновался на новом месте.

Сегодня совместно проводили последний вечер. Снова, как три дня тому назад, зажгли костры и расположились... И снова, как только луна взошла над поверхностью воды, появились тени прошлого. Суеверие отряда Максу было не по душе.

— Кто со мной поедет на лодке на пир мертвецов?

Желающих не нашлось. Согласился лишь Аконт, а за ним тотчас же Генрих. Геолог и инженер что-то промышляли в ответ.

Все трое уселись в лодку, перенесенную накануне с яхты, и оттолкнулись от берега.

Отряд застыл в оцепенении — и чем ближе они подходили к видениям, тем сильнее стучала кровь в висках у оставшихся. Холодели ноги, пересыхало во рту. Когда лодка подъехала, Макс привстал и... поднял весло. Лодка покачнулась.

Отряд вскрикнул, как один — и в следующую секунду никто больше не видел ни лодки, ни людей. Только слышен было мерный всплеск, точно кто-то руками мерил воду. Оцепенение не проходило. Никто ничего не делал — и, когда лодка спокойно подъехала слева, вдоль берега, — ее почти никто не заметил — все смотрели вдаль, на то собрание пиратов, которое, как и три дня тому назад, постепенно таяло.

Приехавших приветствовали... все, как-то сразу, точно сорвались с цепи. Их щупали, жали им руки.

Когда на следующий вечер видение не повторилось, все решили про себя, что пираты трусили и ушли, но... они еще придут.

Этот страх сильно сократил число желающих работать в алмазном отряде; пришлось воспользоваться тремя сыновьями Человека, а две его дочери были обучены приготовлению пищи. Больше Человек не мог предоставить — у него ведь было свое большое хозяйство. Сам он посещал на 2-3 часа золотой отряд и выполнял обязанности врача. Тут же, в алмазном, работал врач с яхты — работа под водой требовала постоянного присутствия врача на случай скорой помощи.

Через день были распакованы таинственные ящики.

Орел не отходил от Генриха и так усердно ему помогал, что невольно вошел в доверие. Он все время держал слесаря под усиленным надзором и то же отношение внушал Генриху.

Подготовительные работы, которыми руководил сам Аконт, подвигались очень быстро, и через несколько дней все было готово к спуску первого аппарата.

Макс и капитан лично принимали участие в этой работе. Ничего подобного в жизни своей они еще не видали. Аконт в деталях объяснил им действие аппарата с тем, чтобы они могли сознательно отнестись к нему в случае аварии.

На следующее утро Аконт с помощью Генриха и Орла надел на себя костюм. Это был обычный водолазный костюм, только стенки его были плотные, а в сгибах соединения были из сплава алюминия с чем-то, составлявшем секрет Аконта. Сплав этот был прочен и в то же время гибок, как ма-

терия. Стенки этого костюма были двойные и выдерживали большое давление. В толщу стенок были вделаны полоски, которые позволяли придавать костюму любую форму. Очень простые и изящные приспособления позволяли раздвигать полоски и, по желанию, увеличивать или уменьшать пространство между стенками костюма.

На голове был обычный шлем с той разницей, что стекла в очках были тройные, т. е. с двумя стеклянными камерами. Камеры наполнялись какой-то жидкостью. Сзади, на поясе, висел ящичек. Снизу от него отходили две трубочки, огибавшие пояс и оканчивавшиеся спереди двумя кранами. Сверху тоже отходили две трубки; из них одна входила в шлем справа от рта, а другая в простенок костюма.

К ящичку шли два электропровода, плотно обхватывавшие пояс. Провода соединялись с электрической машиной на берегу.

Вокруг пояса, над ящичком, шел широкий, полый внутри круг, напоминавший спасательный. В него входил провод и отходила трубка в шлем слева от рта. Все трубки снабжены кранами особой конструкции. Аконт влез в этот костюм и оставил открытым ротовое отверстие, которое можно было самостоятельно закручивать.

Он вошел в воду, неся в руке тяжелые, пристегивающиеся подошвы.

Спустившись до пояса — так, что коробка погрузилась в воду, Аконт открыл соответствующие краны и включил ток. Легкое шипение в коробке говорило о том, что аппарат работает.

Он завинтил рот, постоял так минут пять и, послав рукой приветствие, начал спускаться по дну. Когда вода достигла шеи, он положил правую руку на пояс и, нажав бывшие там кнопки, услышал у самого уха, под шлемом, ответный гудок. Связь с сушей, следовательно, работала.

Аконт начал медленно погружаться; через десять минут с берега его уже не видно было.

Капитан поднялся на соседнюю скалу. Видно было, как Аконт по дну спускался все ниже и ниже. С сушей его соединяли только провода. Они легко и спокойно сматыва-

лись с вала, а счетчик отмечал число смотанных метров.

Работали две электрические машины, приводимые в движение падающей водой — это была миниатюрная гидро-электрическая станция.

Аконт два раза в день спускался на разведку, принося с собой образцы добытых материалов, которые передавал для обследования геологу.

Он отходил на километр по откосу дна и, так как приспособление у глаз позволяло регулировать поле зрения только на четыре метра, что было колоссальным достижением по сравнению со слепотой обычных водолазных приборов, он не мог определить самой глубокой точки котловины. Это пришлось сделать иным образом, с лодки. Глубина дна оказалась более километра.

По мере удаления от берега, количество алмазов становилось меньше, но Аконта увлекал уже самый спорт пребывания под водой.

Произведенные обследования вполне позволяли начать массовые работы. Нужны были еще два водолаза. Вызвались Генрих и Орел. Ушли два дня на обучение их пользованию прибором. На третий — был сделан пробный спуск. Когда они приспособились к дыханию в новых условиях, начали увеличивать дистанцию.

Теперь уже не хватало существующих машин, и с яхты были доставлены новые. Пришлось проделать добавочные бурения у водопада, увеличить мощь падения воды. Все это потребовало около двух недель времени, в течение которых Орел и Генрих тренировались, а с берега устанавливались на плотках краны для подъема со дна корзин с алмазами.

Аконт решил спуститься на самое дно котловины. Он рассчитал давление, какое будут испытывать там части прибора — полученные цифры его удовлетворили.

Решено было сначала спуститься на половину глубины, потом на три четверти.

Лодка отъехала на середину водоема, и Аконт перелез в воду, держась за борт. Затем прикрепил две подошвы, а остальной груз по его сигналу должен был спускаться по мере надобности. Сначала он быстро погрузился, точно канул

в воду, а затем спуск замедлялся и на некоторой глубине Аконт остановился. Теперь он мог передвигаться в воде. Аконт раздвинул стенки своего костюма, открыл кран трубки, уходящей в простенок костюма, и начал медленно подниматься. Он останавливался на разных глубинах, передвигался в воде и, к общему изумлению, всплыл на поверхность. Появление его было настолько неожиданным, что телеграфист, увидя его, начал давать тревожные сигналы. Аконт сигнализировал ему полное благополучие. По грудь в воде он гулял под водой.

Затем начал завинчивать простенок — на поверхности появились крупные пузыри, а Аконт начал медленно опускаться, сигнализируя — «все в порядке».

Через пятнадцать минут сигналом он затребовал добавочный груз.

Спущенные подошвы он пристегнул к первой паре, но одновременно раздвинул простенок костюма — и спуск его в дальнейшем происходил постепенно. Затем — снова появились пузыри — опять запрос — и снова успокоительный ответ. Аконт опускался все ниже. Полученного груза уже было недостаточно.

Двигаться под водой было легко, но давление давало себя чувствовать. Надо было постепенно приучить организм к новым условиям.

Аконт, на глубине трех четвертей километра, обошел значительный отрезок. Ходить было легко и усталости никакой не чувствовалось. Так он привыкал к новым условиям давления в течение трех дней.

Работы на берегу шли полным ходом.

Через три дня он взял большой груз, раздвинул стенки тотчас, как опустился в воду по грудь, и начал равномерно погружаться, медленно и постепенно сдвигая простенок.

Через пятнадцать минут ему сигнализировали, что провод размотан на $\frac{1}{2}$ километра, а через три четверти часа он ощущал уже дно под ногами. Снова что-то давит; пришлось подняться выше с тем, чтобы медленнее взять глубину.

Пока Аконт проводил свои опыты, завоеывая глубину, Орел и Генрих вполне освоились с новым аппаратом.

Икар так привязался к Орлу, что уже не возвращался домой, а перекочевал в лагерь, в палатку к Орлу.

Теперь в палатке стало очень тесно — втроем, да еще костюм, с которым Орел не расставался. Пришлось прежнего товарища выселить, и Икар с Орлом поселились вдвоем.

Каждый спуск под воду волновал Икара. Он бегал около Орла, щупал его, не понимая назначения отдельных крапов и приспособлений, гладил блестящий костюм и становился сам не свой, когда Орел исчезал из виду. Отблеск металла скоро делал его невидимым для всех стоявших на берегу. Икар носился по берегу, мешал всем работать, взбирался на самые высокие деревья. Он понимал уже многое из того, что говорили, но дальше гортанных звуков идти не мог; правда, они становились у него членораздельными, и тонкое ухо Макса уже улавливало сочетание согласных с гласными. Этот малый очень интересовал Макса и врача; в свободное время они обучали его членораздельным звукам. Он поддавался.

Когда же Орел вылезал из воды, радости Икара не было пределов. Когда из шлема вылезала голова, он обхватывал ее и облизывал. Орел не сопротивлялся и в ответ трепал его по щеке.

Так прошли шесть недель. На берег было выгружено много корзин с алмазами, но еще больше осталось на дне.

В некоторых местах дно было перерыто на глубине нескольких десятков метров, и лопата ударялась во что-то плотное. Генрих об этом рассказал Аконту, который не преминул лично обследовать место и взять пробы. Оказалась лава с большим содержанием железа, местами составлявшем главную массу дна.

Геолог только пожимал плечами, но не выражал никакого желания лезть в воду.

Орел уже хорошо знал и место работы и управление прибором; он уже не нуждался в руководстве.

О былых грехах слесаря забыли. Своей работой он искупил все. Теперь он заведовал всей аппаратурой — и все признавали, что он был кладом для экспедиции.

Аконт начал раскопки на дне водоема. С давлением он уже освоился. Он совершал большие подводные прогулки и значительно ускорил свое передвижение, приделав ниже пояса пропеллер. Передвигаясь, он ложился на бок, прижимал ноги к животу и пускал пропеллер в ход. Движения пропеллера были медленны, но все же он значительно увеличил скорость передвижения.

Объехав дно на большом расстоянии, Аконт нашел бутор много выше окружающей поверхности.

Все приспособления наверху были передвинуты в новом направлении. Начались буровые работы. В новых условиях давления бурав обнаруживал замечательные свойства. Он углублялся быстрее, чем на суше — и вдруг уперся. Вынутая проба показала тот же состав, что и проба у берега, на месте добывания алмазов.

Бурение продолжалось. Однажды бурав продвинулся сильнее обычного, как бы провалился и, если бы не рукоятка, ушел из рук — очевидно, он попал в новую мягкую породу.

Аконт перенес бурение в другое место и получил тот же результат.

Но это было только на бугре, в других местах бурав упирался в еще более плотную породу, и работа почти останавливалась.

Эта загадка взволновала геолога — он детально расспрашивал, брал все новые пробы, но в воду лезть не решался. Загадка оставалась неразрешенной. Аконт целиком переехал под воду, не выходя оттуда по восемь, девять часов и имея с собой на поясе сгущенное молоко, которое сосал по трубочке.

Лагерь к тому времени представлял большую производственную организацию. Трюмы заполнялись золотом и алмазами. Нагрузка уже доходила до пределов. Решено было все оборудование оставить на острове, ничего не брать с собой из выгруженного; все свободное место, даже за счет жилой площади, заполнялось золотом и алмазами.

Была душная ночь. Предстояла гроза. Слесарю не спалось; он решил пойти проверить электродвигатели. Тихо выйдя из палатки, обошел ее, чтобы сократить путь к машинам и... замер на месте.

Чья-то тень кралась по лагерю. Судя по очертаниям — свой — матрос. Слесарь решил было продолжать дорогу, но осекся. Подумал: случись что-либо с машинами, вновь всплывут старые подозрения, и его ночное путешествие будет ложно истолковано. Он припал к земле.

Тень продвигалась в направлении, где хранились костюмы. Подобравшись очень близко, тень с минуту постояла около них. Никаких движений не было видно — и так же бесшумно вернулась, скрывшись за ближайшими палатками. Слесарь не мог разглядеть, в какую палатку тень исчезла. Он не рискнул двинуться и вернулся к себе.

Генрих, с которым он жил, проснулся, что-то спросонок спросил и, повернувшись на другой бок, продолжал спать.

Слесарь не знал, как ему быть. Рассказать — это было опасно — подозрение могло упасть на него же; молчать — но он не знал, что делала тень у костюмов.

На следующий день Аконт под водой прошел с Орлом и Генрихом к алмазным россыпям и обследовал дно. Остаток дня он провел в беседе с геологом и Максом, делаясь с ними своими планами и соображениями, из которых, по размаху фантазии, одно не уступало другому.

Слесарь успокоился — никаких несчастий с костюмами не было. Вечером решено было познакомить отряд со всеми материалами.

Уже давно не собирались у костров: обычно спать ложились с солнцем и вставали до него.

Зажгли костры, уселись. Прошло ровно два месяца со времени такого же собрания. Как и тогда, всходила полная луна и серебрила поверхность воды.

Аконт начал свой рассказ. Так как золотой отряд только понаслышке знал о работах алмазного, Аконт подробно рассказал обо всех проделанных изысканиях, обо всех догадках и предположениях и начал излагать план бурения дна водоема.

Луна всходила все выше — и, когда Аконт начал высказывать свое предположение — пираты, тени прошлого, снова начали садиться за круглый белый стол — чем дальше шел рассказ, тем больше становилось их число.

Отряд уже не мог слушать. Суеверный ужас охватил всех. Шевельнулась нелепая мысль о мести со стороны пиратов. Никто, конечно, вслух не высказал — было стыдно, но верили в это.

Минута была опасная, Макс это чувствовал, но он сам не мог придумать объяснения этому миражу.

Он выстрелил. Послышался шум; всполошилась стая птиц, закачались деревья, а с ними закачались и пираты. Сотни пернатых взлетели на воздух, а с ними исчезли и лица из седых кудрей, вившихся подобно медузам. Остались лишь одни кудри, которые медленно раскачивались и начинали таять.

Макс хохотал до упаду; к нему присоединился Аконт — остальные молчали. Пиратов уже не было. Как просто все объяснялось! Это была игра лунного света, отражение от плотной атмосферы — род миража. Стол — была сама луна, кудри — кроны деревьев, а лица — были птицы, проводившие на кронах свой сон.

Больше ни о чем не говорили — все молча разошлись. Было и спокойно и как-то нехорошо, точно оборвалось что-то там, внутри — точно с этой страшной сказкой было полнее, а теперь образовалась пустота.

* * *

На следующее утро Аконт спустился на дно раньше обычного. Он хотел все обмерить и установить место раскопок. Его поражал звук, с каким бурав проходил в новую породу. Аконт с уверенностью мог сказать, что бурав уходил не в воду, но и не в пустоту — что-то очень мягкое, точно подушка, чувствовалось с той стороны.

Сегодня Аконт все это хотел проверить. Он, как обычно,

спустился на дно и начал свои работы.

Сегодня вода показалась более влажной, чем обычно, — дыхание труднее. Воздух по составу не был таким чистым, как всегда. «Вероятно, нездоровится», — подумал он. Вода стала еще мокрее, а сознание мутилось, охватывала какая-то дрема.

Он открыл краны, чтобы пустить газ в простенок, но простенок не наполнялся. Сигнал, сигнал о несчастье — никакого ответа. Он начинал терять сознание... последние усилия, он срывает с ног груз, отталкивается — и все куда-то исчезает...

Наверху на плоту, где была штаб-квартира Аконта, никак не могли понять долгого молчания Аконта. Обычно он давал сигнал каждые пять минут — а теперь и сигнала нет, а главное, никакого ответа на вызов.

Потянули провод, он был свободен. Еще и еще — он не сопротивлялся. Началась лихорадочная намотка провода — никто уже не сомневался, что случилось несчастье. Провод наматывался так, точно не был ни к чему прикреплен. Работа шла с фантастической быстротой — наконец, провод натянулся и пошел ту же, все ту же, ту же и ... оборвался.

Слесарь, дежуривший в этот день на плоту, заметил в воде какой-то блеск и как был, не раздеваясь, нырнул. Прошла минута томительного ожидания; вторая — точно мир остановился... появились пузыри. Все погибло! Лица посеребри, создалось траурное настроение — еще минута — и на поверхности появился слесарь; левой рукой он держал Аконта. Никто не помнит, как их втащили на плот. С Аконта сняли шлем. Он был весь синий и не дышал.

Доктора! Но доктор уже был на месте. С берега видели все происходившее на плоту и, хоть не было сказано ни слова — катастрофа для всех была ясна.

Сердце! Ухом прильнул к груди. Тише! Чуть-чуть... Немедленно за кофеином и шприцем! Первый шприц несколько согнал синеву с лица. Потягивание за язык вернуло дыхание — Аконт был спасен, но в сознание он не приходил.

С невероятной бережностью его доставили на берег.

Макс тотчас забрал костюм. Вместе с капитаном они при-

ступили к осмотру, ежеминутно выбегая, чтобы справиться о состоянии Аконта. Он приходил в себя. Жизни не угрожала опасность.

Работы прекратились. Генрих и Орел были вызваны из-под воды.

Осмотр костюма не оставил никаких сомнений — предательство было налицо. Надрезы были сделаны в самых опасных местах, а сигнальный провод был перерезан. Это могли сделать только опытные руки.

Тотчас были арестованы Орел, Генрих и слесарь. Икар оказал нечеловеческое сопротивление при аресте Орла — он бросался на матросов — и отступал только под угрозой оружия.

Все арестованные были белее гипса. Слесарь дрожал мелкой дрожью.

В его пользу говорило спасение Аконта. Но предательство и раскаяние — они так близки друг другу, — и снова всплыли все старые подозрения.

Генрих — это было маловероятно — но все же, и он, бледный, как полотно, стоял среди арестованных.

Оставался Орел. По его лицу, такому же бледному, как и у остальных, ничего нельзя было узнать.

Первым допросили Генриха. Он начал кое-что припоминать по задаваемым вопросам. Да, Аконт этого костюма вчера не надевал, он был на нем третьего дня. Да, оба лежали вместе. Он припоминает, что проснувшись ночью, увидел входящего слесаря. Опять слесарь — снова он в центре подозрения.

Вторым был допрошен слесарь. Он чистосердечно рассказал все, что было в роковую ночь — свои мысли, переживания и свои подозрения.

Орел, допрошенный последним, упорно отрицал какое-либо участие. Он спал всю ночь и не выходил. Кто свидетель? Один лишь Икар, с которым в палатке жил Орел — но Икара допрашивать было беспцельно.

Весть о предательстве облетела весь отряд и вызвала невероятный взрыв возмущения. К палатке, где были арестованные, понемногу подошли все, бросая работу. Пришлось

подумать о защите арестованных.

Макс вышел, объяснил, приказал разойтись и продолжать работу. Отряд на миг застыл в нерешимости, а затем медленно стали расходиться.

Макс приказал принести к нему все вещи арестованных, самих арестованных обыскать.

Матрос, принесший вещи, отвел Макса в сторону и что то ему шепнул на ухо.

Макс отступил, пристально посмотрел на принесшего и сказал «Ты сошел с ума», после чего предложил капитану произвести тщательный осмотр принесенных вещей.

Осмотр приходил к концу. Внимание капитана остановилось на перочинном ножике — но перочинные ножи были у всех.

— Очевидно, надо будет осмотреть вещи на арестованных, — сказал Макс, обшаривая куртки каждого в последний раз, и вскрикнул от боли. В матроске Орла был зашит какой-то острый предмет.

Это оказался стилетик, очень короткий и необычайно острый. Конец стилета свободно вошел и точно соответствовал форме отверстия в костюме Аконта.

Не было сомнений — предатель был Орел. Его вызвали, показали стилет. Он весь затрясся... и сознался... сознался во всем... он был виной взрыва на яхте, он ударил Генриха, он открыл двери, украв ключ у слесаря для того, чтобы отвести от себя подозрение, он открыл кран; но в причинах, побудивших его, он не сознавался.

Слесарь, Генрих были освобождены, а Орел со связанными руками и ногами положен был в палатку под надежной охраной четырех.

Икар неистовствовал. Человек отвел его домой — нельзя было поручиться за него.

Публичный разбор был назначен на следующий день.

Ночью разбудили Макса — Орел просил его в палатку. Он изменил решение, он сознается в причинах, побудивших его на все преступления.

Он агент «Разведчика». Ему поручено все разузнать и разведать и всеми мерами препятствовать обогащению экс-

педииции — он должен был при входе в гавань взорвать груженный золотом пароход с тем, чтобы золото досталось «Разведчику» в порядке находки.

— Сколько же ему обещано за это?

— Деньги? Нет, никаких денег. За это Орлу обещали вернуть возлюбленного. Его голова зависела от удачи работы Орла. Да, возлюбленный был приговорен к смерти и приведение приговора в исполнение было поставлено в зависимость от успехов Орла.

Макс в первый раз не обратил внимания на слово «возлюбленный», но, повторенное несколько раз, оно остановило на себе его внимание.

— То есть, какой возлюбленный? Ведь Орел мужчина?

— Нет, он женщина и сейчас... от Икара... Вот уже три месяца их совместной жизни.

Он понимает, что ничего иного, кроме смерти, он не заслуживает; но сейчас — все, что было, кажется ему каким-то кошмаром.

Возлюбленный уже потерял для него прежнее обаяние, он почти забыт, а ненависть к Аконту, к его головокружительным успехам, ненависть за предпочтение Генриха — за то, что ее возлюбленный попал в тюрьму из-за Аконта — все это совсем прошло.

Сейчас легко и радостно сознаться в этом — ведь смерть неминуема.

Только одна просьба — разрешить увидеть Аконта.

Весь этот рассказ произвел на Макса впечатление бреда — но все же надо было проверить.

Он прошел в палатку доктора, разбудил его, просил пройти к Орлу и осмотреть его. Сам же остался ждать недалеко от палатки.

Через пятнадцать минут доктор вышел изумленный и взволнованный и, не дожидаясь вопроса, сказал:

— Это что-то сверхъестественное — Орел женщина и в положении на третьем месяце!

Макс поблагодарил доктора, оставил его одного, недоумевающего, жестикулирующего и поминутно чертыхающегося, и прошел к себе в палатку.

Дело осложнялось. Орла в таком состоянии нельзя было расстрелять — это раз, а во вторых, какой огромный научный интерес представлял брак подобных существ. Икар, сын человека и очеловеченной обезьяны. Ребенок Орла был ребенком Икара и красивой женщины, так как Орел-женщина была несомненно красива.

Макс дождался утра и прошел к Аконту. Аконт чувствовал себя хорошо — некоторая слабость — не больше. Через три-четыре дня можно будет возобновить все работы.

Макс осторожно рассказал ему о предательстве и предателе. Изумлению Аконта не было пределов, а его вина перед Орлом озадачила его совершенно. С некоторым усилием он поднялся и прошел с Максом в палатку к Орлу.

— Мне все рассказал Макс. Моя вина перед вами для меня загадка.

Орел попросил наклониться — и на ухо что-то шепнул ему.

Аконт выпрямился, бессознательно поднял левую руку в перчатке и, обращаясь к Максусу, сказал:

— Да, это глупо, изумительно глупо, но она говорит правду.

С этими словами вышли из палатки. Макс хотел было расспросить у Аконта, в чем дело, как он мог оказаться замешанным в такой истории, но Аконт вежливо приостановил расспросы, переведя разговор на другие рельсы — когда-нибудь, но не сейчас, он расскажет эту историю.

— Теперь же, — и он остановился перед Максом, — так как все совершенные преступления связаны со мной, я беру Орла на поруки. Она будет у меня работать и в ее преданности я не сомневаюсь, как не сомневаюсь и в предательстве.

Макс со своей стороны переменял тему, посоветовал Аконту отдохнуть, распрощался с ним и ушел к себе.

Аконт прошел к Орлу. О чем они говорили, осталось неизвестным, но Аконт вышел оттуда в приподнятом состоянии, а лицо Орла было воодушевленным.

Работа не ладилась. Все ждали суда. В назначенный час отряд собрался — но вместо Орла выступил Макс.

Он объяснил, что Орла в силу его состояния расстрелять

нельзя, что исполнение приговора откладывается до родов.

Неожиданно для всех на возвышение, откуда говорил Макс, вошел Аконт и утомленным голосом сказал:

— Вы мне верите?! Я сделал и делаю все, что могу. У этой женщины было основание меня убить. Я ее простил — больше никто не вправе ее судить. Передайте ее в мое распоряжение. Я отвечаю за нее своей жизнью.

Появление самих пиратов, владельцев сказочного замка, вряд ли произвело бы такое впечатление, как эти два заявления. Все накопившееся возмущение, месть, злоба — словом все, что вызвала к жизни катастрофа с Аконтом — все это как то сразу разрядилось. Ощущение было такое, точно человек приготовился поднять тонну, а дали ему килограмм — и все напряжение куда-то рассеялось.

Разошлись молча, побрели к работе. Весь день не могло установиться настроение.

Орла передали Аконту с условием, что на яхте она будет закована.

Аконт развязал ее, взял честное слово, что она никуда не отлучится с территории лагеря. Орел плакала, как ребенок, и валялась в ногах у Аконта.

Через три дня все вошло в колею, а через неделю Аконт снова спустился на дно. Орла больше на дело не ставили — она помогала слесарю и работала по хозяйству.

Ее место под водой занял Нос.

* * *

Аконт начал приучать Генриха к глубоководным спускам — и скоро в его лице получил помощника под водой. Теперь на дне работали вдвоем, и работа быстро подвигалась.

Огородили место работы, удалили песок, перебрасывая его через ограду, и с каждой лопатой приближались к слою лавы.

Когда песок был очищен на всем протяжении, где провалился бурав, и лопаты уперлись в твердую подкладку, начали искать проделанные отверстия. Все на месте. Застрявший песок был извлечен — получились сквозные трубки. Прильнули глазом — не видно, осветили маленьким электрическим фонарем одно отверстие, а глазом прильнули к другому — ничего не видно.

Оставалось пробуровать ряд отверстий и выбить крышку. Поразительнее всего было то, что вода в отверстия не проникала.

Но такой метод работы был Аконту не по душе. Надо было придумать способ, который упростил бы дело. И он был придуман. Знания слесаря принесли большую пользу.

По чертежам Аконта был построен прибор, который позволял в очень короткий срок вырезать весь слой во всю толщину по окружности площадки. На дно был спущен цилиндр с подъемным дном. Когда дно поднималось, вода из цилиндра уходила. На поверхности это дало прекрасные результаты, но на дне, в том месте, где работал Аконт, по мере того, как уходила вода, сплющивались бока цилиндра, он отставал от места прикрепления, и вода с шумом заполняла только что отданное пространство.

Пришлось значительно сузить площадь и это спасло, как потом оказалось, всю работу. Площадь была такая, что на ней мог поместиться только Аконт.

Теперь трубочки от ящичка получили добавочное ответвление. Подача тока была усилена. Прибор под колпаком начал резать, плавя толстый слой дна. Когда указатель отметил полный круг, прибор был опущен ниже, снова обошел круг, а на третьем круге цилиндр начал выпирать; с большим трудом его удалось удержать. Когда же пройдена была половина четвертого круга, Аконта отшвырнуло в сторону, и столб воздуха вырвался из отверстия.

Удар был очень силен. Аконт вместе с прибором оказались далеко от места работы. Он не мог понять, что с ним. В ухо ударял тревожный гудок.

Придя в себя, Аконт дал успокоительный сигнал и попробовал разобраться в окружающем. Он, по-видимому, был да-

леко отброшен, так как в зрительный прибор, доведенный до максимума напряженности, он не мог разглядеть Генриха.

Аконт начал шарить под водой, переходя в разных направлениях, но никак не мог нащупать прежнего места. Тогда он дал сигнал «поднимаюсь» и всплыл на поверхность.

На плоту уже был Генрих. Рот был отвинчен, но костюма он не снимал. Его тоже отбросило в сторону, но недалеко. Не видя Аконта, он тотчас же поднялся наверх.

Очевидно, минут пять Аkont был в обмороке, так как не давал ответов на сигнал.

А беспокоиться было о чем. Из воды вырвался такой столб, точно на дне произошел взрыв; плот закачался — и теперь еще круги идут по всей поверхности. Впечатление было такое, точно лопнул сосуд со сжатым газом.

Этот рассказ и таинственный толчок, отбросивший Аконта и Генриха, настолько подняли общее настроение, что о каких-либо опасностях забыли.

Аkont спустился на дно и через пять минут туда же отправился Генрих.

Аконта он уже не нашел — все поиски были тщетны. Зияла дыра — в ней временами вспыхивал огонек — и все. Он дал пропеллеру максимальный ход, объехал кругом, но ничего не нашел.

Тогда он сигнализировал несчастье с Аконтом, но получил ответ, что Аkont цел и невредим. Это его совсем озадачило. Он лег у отверстия и просунул в него руку. Прошел ощупью вдоль стенки. Рука все время была в воде.

Аkont, очевидно, был по ту сторону отверстия. За это говорили и провода, уходившие вниз.

Эти мысли пронесли у него в голове. Как же это сразу он не заметил проводов? Но, если там нет воды, Аkont неминуемо погибнет — аппарат без воды не мог работать — приостановка работы влекла за собой смерть. Снова тревожный запрос — снова успокоительный ответ.

Сомнения терзали Генриха — и, когда в отверстие просунулась рука Аконта, Генрих был вне себя от счастья.

Аkont дал знак к подъему, и оба всплыли.

Когда с них сняли костюмы, Аконта нельзя было узнать. Лицо у него сияло какой-то неземной лучистостью. Взор был непроницаем. Он смотрел куда то вдаль и жестикулировал.

У присутствующих невольно шевельнулась мысль о потере рассудка... и было от чего потерять. Под дном был... нет, он сначала еще раз все проверит, а потом только расскажет другим.

Однако, кое с кем надо было посоветоваться. Он немедленно переехал на берег, храня все тот же таинственный вид, позвал Макса, врача и геолога. Позволил присутствовать Генриху — и повел таинственную беседу.

Все происходило на берегу открыто, точно Аконт потерял ориентировку. Макс, видя, что совещание носит секретный характер, отодвинул посторонних на приличное расстояние. Лица Макса, врача и геолога после первых слов Аконта получили выражение крайнего изумления.

Они забыли о секретном характере совещания и все в один голос вскрикнули:

— Люди?! Живые люди?!

Стоявшие поодаль расслышали эти слова — их лица вытянулись.

Люди?! Значит, Аконт под водой нашел людей; значит, раскопки еще кто-то производит, значит, предстоят схватки и борьба за золото.

Нет, держаться на расстоянии было выше человеческих сил, и так как Аконт, увлекаясь повышал голос, то достаточно было приблизиться на несколько шагов, чтобы попасть неофициально на секретное совещание.

— ...Да, да, — говорил Аконт, — я их ощупал — мягкие, живые... и даже лампа горит...

Это были последние слова, слышанные приблизившимися.

Теперь слово было предоставлено геологу — он молчал, потом врачу — он тоже молчал.

Аконт обвел всех пристальным взглядом — с него сошло оцепенение: это был снова прежний Аконт.

— Тогда я сам знаю, что делать — только живо, необычайно живо — иначе все погибло, все, все, все... — он вско-

чил, вызвал слесаря, поднял на ноги всех.

Всем даны были задания — и Макс, и капитан работали на общих основаниях. Вид Аконта, горящие глаза, подъем, свет, которым озарилось его лицо — это сравнило в правах и обязанностях весь отряд.

Уже через час на дно спускалась целая экспедиция. То есть, людей было двое — Аконт и Генрих, но приспособлений было очень много. Вся электроэнергия была переключена на плот — золотой отряд остался без электричества.

Вниз были спущены все баллоны с газом. Аконт категорически потребовал вниз доктора и геолога. Требование было настолько повелительным, что оба, не отдавая себе отчета, кивнули головой.

Был вызван Орел — и ей поручено было обучить пользованию прибором доктора и геолога «и также всех желающих» — как прибавил Аконт.

Простой сигнальной связи уже было недостаточно, и на плоту был установлен телеграфный аппарат.

Генрих принимал внизу всю аппаратуру. Когда все было спущено — спустился сам Аконт. Он юркнул в отверстие, принял туда тяжелые баллоны, которые мягко спустились, точно кто-то их поддерживал.

— Все? — спросил Аконт,

— Все! — ответил Генрих и полез в отверстие.

Показались ноги. Аконт потянул за них. Аконт и Генрих оказались по ту сторону отверстия. Быстро отвинтили рот. Генрих вздохнул полной грудью. Воздух был тяжелый, сырой.

— Подойди к баллону и сделай два-три — не больше — вдоха.

Генрих ожил. Теперь он мог осмотреться. На столе очень маленьким пламенем горела масляная лампа, остальное... остальное от этого света казалось в таинственном полумраке.

Аконт включил принесенную с собой лампу — и помещение залил электрический свет. Теперь все можно было рассмотреть.

Это была большая комната с тяжелыми сводами, не имевшая никаких отверстий, кроме того, через которое прошли

Аконт и Генрих. Ближе к стене стоял огромный стол. Он блестел золотом — за столом сидели люди в богатых одеяниях, расшитых золотом и жемчугами. В их позах чувствовалась полная беспечность; другие, явно испуганные, жались к двери в дальнем углу. У многих руки были на алмазных рукоятках, точно они готовились защищаться. На лицах не было и следов смерти, точно они застыли в какой-то момент своей жизни, точно какой-то волшебник погрузил их в сон.

Особенно прекрасна была женщина, сидевшая на правом конце стола. Это была молодая блондинка. Пышные волосы были схвачены золотым обручем. Черты лица, точно выточенные из слоновой кости. Она полулежала в кресле, откинув голову на подушку. Глаза были закрыты — и тонкие ресницы легкой паутиной заканчивали точеные веки. На лице играл румянец.

— С нее начнем, — сказал Аконт.

— То есть? — больше ничего Генрих сказать не мог; раскрыл рот и уставился на Аконта.

Он верил ему и в него, верил слепо до самозабвения — но то, что он заподозрил сейчас, не укладывалось в его представлении.

Он машинально отступил к отверстию. «Бежать!» — было его первым ощущением — даже не мыслью — мысли куда-то испарились.

Аконт не мог не заметить этого движения. Он широко и ласково улыбнулся. Эта улыбка, улыбка ртом (остальное было закрыто шлемом) успокоила Генриха, и прежнее доверие и вера вернулись к нему. Пусть он делает, что угодно, и с ним и с этими — Генрих его не покинет.

— Генрих, — ласковым тоном сказал Аконт, — как все это случилось — я не знаю — но оживить этих людей мы можем. Посмотри на этот закрытый кувшин — он сплюснен; тут есть дата — это было, во всяком случае, более шестисот лет тому назад. Видишь, люди не сгнили, они сохранили свой румянец.

Аконт остановился — говорить было трудно, приходилось выталкивать слова.

Он подошел к баллону, сделал два вдоха — и освежился.

— Каким это образом произошло — нам объяснит геолог — эти люди, обитатели этой комнаты, оказались под очень большим давлением — ты видел, с какой силой вырвался отсюда столб воздуха, откинувший меня далеко от отверстия — ты видел, как сильно опустилась вода в проделанном нами отверстии — она заполнила вырезанный в лаве пласт и почти всю толщину этих каменных стен, а подобной толщины я нигде еще не встречал. При таком давлении прекращается всякая жизнь — не только животных, но и гнилостных бактерий. Эти бактерии временно умерли — надолго ли, этого мы не знаем — и надо поспешить оживить людей, пока не ожили бактерии. Мы не можем сразу всех оживить, — сказал Аконт, предупреждая вопрос Генриха, — но... надо начинать!

Теперь Генрих уже был сознательным помощником. Они освободили часть стола, осторожно взяли на руки красавицу — и бережно положили на стол.

Аконт отстегнул высокий ворот, обнажил грудь — он застыл в изумлении. Такой груди не было даже у Рафаэлевской Форнарины. Надо было освободить корсаж. Осторожно, стараясь не рвать материи, обнажили красавицу до пояса.

— Как она была хороша!

Аконт поставил Генриха у изголовья и указал движения. Генриху они были хорошо знакомы — это были движения искусственного дыхания.

Аконт передвинул баллон к столу и вставил конец трубки в ноздри. Теперь Генрих подражал дыхательным движениям, а Аконт подавал небольшие порции газа.

Работа продолжалась, но признаков жизни красавица не подавала.

Тогда Аконт оставил правую руку на вентиле баллона, а левой начал массировать область сердца.

Минута, другая — красавица сделала едва заметный, но самостоятельный вдох — дальше больше — дыхание становилось правильным. Веки еще не открывались.

Аконт оставил сердце, передал Генриху вентиль, так как дыхательные движения совершались уже правильно и, обнажив ноги, начал их осторожно массировать по направлению к сердцу.

Теперь уже не приходилось сомневаться — красавица оживала. Однако, ее богатые наряды представлялись в таком беспорядке, что Аконту стало неловко. Веки не поднимались, но они могли подняться — он закрыл ей шалью лицо и восстановил туалет. С Генрихом снова перенесли ее на кресло. Сердце билось, пульс прощупывался, грудь правильно поднималась при дыхании.

Сняли шаль, и Аконт осторожно надавил на веки — они поднялись и снова опустились, Он схватился за голову — такой свет мог ослепить красавицу, прошедшую столько веков в темноте.

Был выключен свет — воцарилась темнота, освещаемая масляной лампой, пламя которой понемногу разгоралось.

Дышать становилось все труднее. Аконт дал свет, предварительно закрыв красавицу.

Он выстукал наверх телеграмму и потребовал включить аппарат под № 7.

Когда требование было исполнено и заработал мотор, пропускавший воздух через барабан, наполненный каким-то составом, в помещении стало значительно свежей, Аконт на опыте с красавицей увидел, что оживление идет не так быстро, что мышцы, бездеятельные в течение пяти веков, требуют упражнений для восстановления своих функций.

Воздух был нормального состава и работать было легко.

Веки понемногу начали сами приподниматься. Какие прекрасные васильковые глаза! Они смотрят — но не видят.

Предстояло много возни. Но труд был благодарный.

Уже не надо было концентрированного газа — красавица дышала воздухом, и трубка сползла вниз под кресло.

Прошел час. Веки приподнимались.

Лицо было так прекрасно! Когда Генрих ушел к отверстию дать телеграмму, Аконт губами прильнул к губам красавицы, и этот бессознательный поцелуй окончательно оживил ее — она приоткрыла рот, устало обвела глазами — и

что-то хотела спросить — но забыла, видно, слова. Вместо вопроса — какой-то звук.

Голос! Голос из глубины веков!! Это было так поразительно. Генрих бросил телеграфирование и одним прыжком очутился у кресла. Оба насторожились — кто-то ворчал. Звук был ясный. Ворчание шло из под стула. Когда осветили — увидели маленькую собаку. Она лежала на боку, точно спала, и скулила во сне, а источник жизни был тут же — это спустившаяся трубка баллона, которую неплотно закрыли.

Предстояла самая трудная часть работы — довести крассавицу до сознания и доставить наверх.

Аконт спешил — он боялся, что процесс гниения опередит его работу — и ему не удастся оживить других.

Он выбрал двух наиболее породистых мужчин, обезоружил их — и задумался. А что если, оживленные, они задумают его и Генриха — это было далеко не безопасно. Это соображение заставило Аконта снять все оружие, потребовать сверху ящик и переправить весь груз наверх.

Затем решено было оживающих мужчин связывать.

Вообще, методы работы приходилось изменять, нужны были еще люди. Доктор и геолог еще не были готовы, и Аконт по телеграфу затребовал спустить Орла.

Наверху это требование вызвало недоумение. Макс пробовал отсоветовать, но, так как Аконт категорически подтвердил, Орел был спущен.

Теперь в замке было трое. Можно было работать. Но как оживленных поднять наверх?

Раздалось рычание. Опять собака. На всякий случай, ей связали лапы и привязали к креслу.

Аконт чувствовал, что под водой этой задачи ему не решить. Предстояло, вообще, установить правильные рейсы под дно и наладить экспорт всего найденного наверх.

Дело осложнялось тем, что никаких труб наверх нельзя было выводить и рискованно было расширять отверстие — и то и другое грозило затопить замок.

Аконт оставил Генриха и Орла, показал им, как приводить в действие приборы, очищающие воздух, категоричес-

ки воспретил снимать костюмы и, дав сигнал, влез на подставки, сооруженные им еще накануне, вытолкнулся в воду и поднялся наверх.

Его обступили и расспрашивали так, точно он явился с того света.

Очень коротко он дополнил сведения, данные телеграммой и поспешил приступить к сооружениям, нужным для подъема людей.

Мысль доводить оживление до конца там, на дне, точнее, под дном — он откинул. Надо было организовать эвакуацию из-под дна на поверхность земли.

Мысль, как вода — она работает тем сильнее, чем настойчивее препятствие. Проект был таков. Соорудить непроницаемые ящики, соединить их трубками с поверхностью с тем, чтобы можно было освежить в них воздух. Устроить мощные подъемники и тащить по очереди снизу наверх.

Орел и Генрих сообщили, что чувствуют себя хорошо, красавица дышит, открывает глаза и что-то говорит, но разобрать слов нельзя. Они ее на всякий случай легонько привязали к креслу.

Двое мужчин тоже начинают дышать. Оба на столе — ноги связаны, руки свяжут, как только дыхание восстановится. Собака скулит.

Они запрашивали, как быть с остальными — и получили распоряжение отобрать еще троих.

Подняться наверх они не хотели. События этого дня слишком утомили нервы. Был только полдень, но Аконт пошел отдохнуть, и Макс взял на себя приготовление всей аппаратуры для эвакуации. Геолог следовал, как тень, за Аконтом.

Отдохнуть Аконту так и не удалось. У входа в палатку его остановил геолог.

— У меня есть предположение, которое, по-моему, объяснит все.

Этого достаточно было, чтобы согнать с Аконта всякую усталость. Они уселись у входа в палатку. С ними были капитан и врач. Все остальные срочно выполняли задания Аконта — надо было со всем поспеть до вечера.

— Судя по вашим словам, они все целы, не сгнили — значит, там было очень высокое давление. Стены замка окружены оболочкой из лавы — значит, замок обтекала лава.

Что же их спасло? То же, что спасает влажную руку, опущенную в расплавленный свинец, — на лице капитана и врача появилось недоверие. — Да, да, — и Аконт подтвердил, — если мокрую руку опустить в расплавленный свинец, то на поверхности образуется слой пара, и рука не пострадает. Это аналогично тому, как вода, вылитая на горячую плиту, не испаряется, а распадается на шарики,

Это состояние называется сфероидальным — и оно-то предохранило замок от сгорания на весь тот период, покуда лава застывала.

Вы помните легенду, рассказанную капитаном? Замок мог наглухо закрываться.

Вот это и было вторым моментом, спасшим обитателей замка.

Лава, остывая, сжимала воздух, повышала давление, доведя его к моменту застывания до того максимума, при котором прекращается всякая жизнь.

Как же замок очутился в этом положении? Это объяснить труднее. Тут на помощь приходит вот это озеро с почти пресной водой. Именно почти. Надо предположить, что тут было землетрясение, и суша дала трещину в двух соседних местах. В силу взаимного давления стенок щелей, сползание верхнего слоя и обтекание его лавой происходило очень медленно. Во время одного из колебаний почвы щель заполнилась морской водой, и лава быстро затвердела. С тех пор море больше сюда не приходило, а выпадающие дожди постепенно понижали концентрацию соли. Ничего другого я сейчас придумать не могу. Надо произвести геологическое обследование и найти ключ к этой изумительной тайне.

В догадках, их обсуждении и наметке плана работы прошло время до прихода Макса. Он был уверен, что Аконт отдыхает.

Макс сообщил полученные от Генриха сведения. Третьего и четвертого мужчин оживить не удалось. Первые два и женщина дышат правильно.

Аконт осмотрел сделанный ящик, проверил герметичность затвора.

Через полчаса он был уже в подводном, вернее, поддонном замке и принимал спущенный сверху ящик.

Они установили его на столе, вынули груз и уложили бережно красавицу. Затем герметически закрыли ящик, дали телеграмму и открыли краны, соединявшие трубки с надводной поверхностью.

Ящик в стоячем положении очень бережно подняли к отверстию, и он медленно поплыл кверху.

Аконт еще раз телеграммой напомнил врачу, с какой осторожностью надо изменять давление в ящике и переводить оживших в новые условия света. Особенно осторожно со светом!

Затем, были спущены в таком же порядке еще два ящика. В последний уложена была и собака.

Никакими усилиями больше никого не удалось оживить — очевидно, процесс гниения вступил в свои права и вырвал у Аконта свои жертвы.

Аконт отобрал двоих, сообщил наверх, что посылает трупы. Отправив последний груз, он затребовал новый состав для освежения воздуха.

Теперь надо было внимательно осмотреть всю обстановку и соседние комнаты. Все закрытые полые предметы — кувшины, вазы, — оказались одни смятые, другие сплюснутые — но ничто не показывало гниения. Из комнаты вели две двери. У одной столпились гости. Очевидно, эта дверь вела наружу. Другая была свободна. Когда сняли засов — едва успели отскочить — дверь с шумом отворилась и оттуда пахнуло сыростью — по-видимому, был погреб.

Дали сильный свет. По бокам узкого коридора стояли бочки, бочки, наполненные золотом, алмазами и жемчугами.

Сверху сигнализировали наступление ночи. Надо было подниматься.

Тщательно закрыв двери и составив в одно место все аппараты, Аконт, Генрих и Орел поднялись наверх. Оба поклялись Аконту ни под какими угрозами не выдавать того, что видели в погребе.

Ящики уже были перенесены на берег и около них возились врач, Макс, геолог и инженер.

Забыв об усталости, к их работе присоединился Аконт.

Генрих и Орел были так утомлены, так перенапряжены, что уснули глубоким сном, как только вдохнули свежий воздух.

Аконт отвел Макса в сторону и рассказал ему о бочках с золотом и жемчугами.

— А Генрих, а Орел? Они разболтают!

— За их молчание отвечаю я, — сказал Аконт.

* * *

Пока происходило все, описанное в этих главах, жизнь на «Разведчике» протекала, точно по роману. Потерпевшие кораблекрушение очутились на необитаемом острове.

Дело осложнялось тем, что остров, на который выбросился «Разведчик», был лишен растительности — точнее, ее не было вблизи, так как на расстоянии двух километров находился большой водоем, одна стена которого возвышалась в виде большой скалы. Водоем занимал почти весь задний фасад острова и казалось, что за этой скалой ничего нет, — там снова должно было быть море.

Питались консервами, ловили рыбу и давали радиogramмы. Но яхта была в таком состоянии, что в далекое плавание на ней было рискованно пускаться. Вся надежда была на помощь извне. Горе в том, что потерпевшие никак не могли определить своего местонахождения и лишали этим возможности послать экспедицию на выручку.

Однажды, поздно вечером, послышался револьверный выстрел. Это слышали все и сомневаться в этом нельзя было.

Выстрел шел из за стены. Значит, помощь подошла с другой стороны. Переправиться через скалу стало очередной задачей экипажа.

«Разведчик» не мог ответить выстрелом, так как во время бури водой было частью испорчено, частью снесено все

огнестрельное оружие. Оставалось только перебраться — это был последний и единственный выход.

Сначала на лодке обследовали скалу, думая в ней найти какой либо проход — но эта экскурсия ничего не дала. Стена была сплошная — точно отлитая из одного куска.

Обогнуть остров на лодке тоже представлялось делом крайне рискованным — столько было подводных скал именно в этой части острова.

Оставалось одно — попробовать обогнуть стену вплавь. Среди экипажа было два пловца, взявшие дважды призы. Им и дано было это задание.

Обмотали вокруг пояса веревки, установили сигнальные знаки — и пустились вплавь.

Через пятнадцать-двадцать минут путешествия, где пешком по верхушкам подводных выступов, сглаженных морским прибоем, где вплавь над глубокими провалами, они обогнули скалу и вышли на ровный песчаный берег. Вдали виднелась роща.

Сигнализировали благополучное прибытие. Укрепили веревки и пошли по направлению к лесу.

Лес оказался малопроходимым. Тогда вернулись к исходному пункту — и, так как эта сторона стены была положе противоположного склона, попробовали пойти вдоль склона, где растительность была значительно реже, чем внизу.

Они прошли уже порядочное расстояние. Солнце начинало садиться; поспешно вернулись с тем, чтобы успеть засветло обогнуть скалу и вернуться на яхту.

На следующий день захватили с собой питание — и отправились тем же порядком, уже вчетвером.

Солнце садилось; они еще не вышли из леса.

Ночевать приходилось в лесу. Чуть свет поднялись и пошли тем же путем. Проходить за день удавалось немного — дорога мало благоприятствовала быстрому движению.

К концу дня экспедиция настолько выбилась из сил, что привал был сделан раньше времени. Следующий день тоже ничего не дал.

Так как запасы истощались, решено было вернуться. Когда четверо соединились с остальным экипажем, царило уны-

ние.

— А вдоль берега пробовали идти?

Нет, об этом они не подумали. Почему-то углубились в лес. Решено было попытать счастье вдоль берега. Были взяты припасы на шесть дней, и четверо двинулись в путь. Дорога вдоль берега была легкой — мягкий песок — нога отдыхала после путешествия по скалам. Прибрежная полоса была очень узкой в этом месте, почти незаметной во время прилива — это, вероятно, и направило их внимание, как теперь они вспоминали, в сторону леса.

К концу второго дня они подошли к месту, на котором были явные следы пребывания культурных людей — хорошо наезженная дорога; пошли вдоль этой дороги. Когда подошли к концу — крик восторга вырвался из их груди — в гавани стояла яхта. Они закричали от счастья и бросились к ней.

На яхте меньше всего ждали появления новых людей и в первый момент растерялись. Когда дежурный сошел на берег и убедился, что перед ним невооруженные и не враждебно настроенные люди, — он спросил, что им надо и откуда они.

Четверо объяснили, что они потерпели крушение, что их выбросило на берег и что эта яхта пришла их спасать.

— Как звали вашу яхту? — спросил дежурный.

— «Разведчик», — последовал ответ.

— В таком случае, вы арестованы, — и он приказал им следовать на яхту. Тут их заковали в ручные кандалы и по телеграфу дали знать обо всем капитану (радио не употребляли из предосторожности).

Из тех радио, которые посылал «Разведчик», знали о его аварии, но что он тут, на этом острове, почти столько же, сколько и яхта «Искатель», никому не приходило в голову.

Макс и капитан тотчас же прибыли на яхту и произвели подробный допрос,

Они узнали много неприятных для себя вещей.

Как быть? Можно было спровоцировать остальных, переманить сюда и тут оставить — можно было ограничиться

этими — но тогда их надо было изъять, иначе, по возвращении яхты на материк, они выдадут. Это было не безопасно, ведь не было никакой гарантии, что там, на суше, не расскажут свои же.

Положение было серьезное. Во всяком случае, у скалы надо сделать пост и всех, перебирающихся на эту сторону, задерживать.

Арестованные не знали, где они, и были уверены, что попали в руки разбойников. Их посадили в отдельную каюту, а команде приказано было, под страхом наказания, не вступать с ними ни в какие разговоры.

Надо было как-то защитить яхту от возможности организованного нападения.

Когда Аконту обо всем было рассказано, он предложил в качестве верного часового тот аппарат, каким он рассеивал туман. Поставить его на повороте, на том пункте, мимо которого никто не пройдет. В полосу цилиндра — никто не войдет. Так и было сделано. У конца цилиндра был предупредительный знак для своих. У скалы был утвержден пост с телеграфной станцией.

Когда спустя шесть дней четверо не вернулись, команда «Разведчика» пришла в полное отчаяние — они были обречены на медленную, но верную смерть.

Между тем, работы по оживлению успешно подвигались вперед.

Красавица и двое мужчин были вынуты из ящиков, проведены через все стадии освещения. Массаж и гимнастика возвращали гибкость членам и все увеличивалось количество произносимых слов. Мужчины говорили на каком-то старом английском наречии, а женщина на провансальском, которое знал Человек.

Лучше всех чувствовала себя собака.

Из палаток их еще не выпускали. В ближайшее время нельзя было рассчитывать добиться толковых ответов. Из отдельных слов и восклицаний Аконт понял, что открытое им лишь малая часть того, что скрывалось под дном. Надо было терпеливо ждать.

Работы отрядов были закончены. В трюмы парохода и во все свободные помещения было снесено все, что только могло поместиться. Было заготовлено и на новый транспорт и сложено в надежном месте.

Уже собраны были все аппараты и костюмы, упаковано в ящики все, что оставалось. Доктор и геолог раздумали лезть в воду — да теперь этого и не надо было.

Макс и Аконт знали, где лежат подлинные сокровища; Аконт один владел секретом — без него нельзя было до них и добраться. Он обмерил озеро и точно записал место входного отверстия. На всякий случай, он заделал отверстие, хотя давление изнутри гарантировало непроникновение воды — он хотел скрыть от всех тайну входа.

В последний раз он спустился один — и поставил ему одному известные вехи.

Теперь все было готово к отплытию.

За два дня до назначенного срока к Максусу пришел Нос и попросил разрешить ему взять с собой Лору — она была его женой — он не хочет ее здесь оставлять.

Слишком усложнилась за эти месяцы обстановка, слишком много новых людей, полулюдей, людей далекого прошлого и людей грядущего. Слишком много золота и алмазов.

Как все согласовать? Как все увезти? Как сохранить тайну? Одни не хотели оставаться, других оставить нельзя было.

Макс хранил в тайне весь план.

Был последний вечер. Стояла полная луна. Все были вокруг костров — все и вся семья Человека.

Когда луна стала над озером, начали снова появляться тени пиратов, но теперь уже никого они не пугали.

Шла веселая беседа, вспоминались все этапы работы и труд и отдых, и отчаяние и восторг.

Лишь один Макс сидел поодаль и думал — как быть? Как реализовать свой план?

И вот что он сделал на следующий день.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

Солнце едва золотило верхушки деревьев, когда Макс уже был на ногах. По намеченному плану вся команда должна сегодня перейти на яхту.

Осторожно, стараясь не производить шума, он подошел к палатке Аконта. Аконт еще спал.

Надо было детально обсудить с ним вопрос об охране оставшихся сокровищ.

Макс привык к изобретательности Аконта и полюбил простоту и точность его аппаратов.

Разбудив Аконта, он поделился с ним своими планами. Решено было сделать установки, как только команда погрузится на яхту. Установки должны охранять подступы со стороны озера и защищать дорогу, которая сейчас была настолько благоустроена, что всякий, попавший на остров, безусловно пойдет по ней.

Надо было только обеспечить безостановочную подачу воды. Это решено было сделать при содействии Человека.

Когда лагерь проснулся, Макс отдал распоряжение сняться. Были свернуты палатки, и команда стройными рядами под песню направилась по дороге к берегу. С ними шли, поддерживаемые под руки, красавица и двое мужчин из поддонного замка. Собаку несли на руках.

Было радостно и грустно. Радостно сознание возвращения домой, радостна плодотворность работы, грустно от расставания со сказкой, с легендой, с которой так сжились, что сами стали ее участниками. Было такое ощущение, что будущие рассказы и легенды об острове включают обязательно всю экспедицию, как действующих лиц.

Остались на месте Макс, Аконт и Генрих. Когда песня ушла далеко и ухо уже не различало звуков, оставшиеся принялись за работу.

Через два часа и они оставили место, где прошла короткая, но такая красочная полоса жизни.

Приступили к проверке труб. Едва прошли некоторое расстояние вдоль них, как услышали шум раскачиваемых

деревьев. Достаточно было одного взгляда, чтобы убедиться в присутствии свидетеля. Этим свидетелем была Лора. Дело осложнялось. Надо было изолировать ее до того, как она успеет рассказать своим обо всем, что видела.

Генрих лучше других научился изъясняться на гортанном языке. Он вынул из кармана какую-то безделушку, назвал имя Носа и объяснил, что Нос передал ей это в подарок.

Лора, по-видимому, не понимала значения того, что видела. Она доверчиво спустилась, взяла безделушку и хотела уже вернуться к своему маршруту.

Генрих, по указанию Аконта, удержал ее и направился с нею на яхту. Судьба определяла Лоре вернуться с экспедицией на материк.

Аконт и Макс тщательно осмотрели окрестности — не было ли еще случайных свидетелей — как будто никого — и продолжали проверку труб.

Когда они подошли к истоку, там стоял уже Человек. Его просьба была удовлетворена — он возвращался с экспедицией. Впервые за 30 лет он побрился, надел костюм Аконта — и сейчас имел вид европейца, долго и настойчиво занимавшегося спортом.

Черты лица от постоянного пребывания на воздухе огрубели, движения были сильные — в общем, фигура была внушительной.

Макс объяснил ему необходимость бесперебойной подачи воды и попросил сделать семье соответствующее внушение об охране источника и целости труб. Надо было объяснить и хорошо втолковать опасность приближения живых людей к месту, где прежде был лагерь.

Человек обещал все это сделать, а сейчас он просит Макса и Аконта и пришедшего к тому времени Генриха посетить его дом и перед отъездом закусить. Когда они спустились по ступенькам, проделанным в террасе, их с шумом и волнением, выражавшемся в потоке гортанных звуков, нагнал Икар.

Генрих в это время рассказывал о том, что проделал Икар на берегу. Он вцепился в Орла, когда отряд проходил на яхту, и так сдавил ее в объятиях, что Орел побледнела.

Усилиями пяти матросов удалось оттащить его и только угроза огнестрельным оружием, которого он как-то инстинктивно боялся, хотя действия его еще никогда не видел, позволила удержать его на берегу.

Сейчас он неистовствовал, требуя, как объяснил Человек, не разлучать его с Орлом. Он хватал руками то Макса, то Аконта, то отбегал назад, то одним прыжком оказывался впереди. В глазах перебегали огоньки, то просящие, то с отблеском угрозы.

Человек с трудом его успокоил, сказав, что Орел уедет не сегодня. Все еще раздувая ноздри и беспокойно бегая, он следовал за группой, несколько уравновешенный тоном и словами Человека.

Макс и Аконт еще ни разу не побывали у Человека — никак не удавалось выбрать время.

На повороте, где в начале их работы они нашли связанных матросов, их ждала вся семья.

Жена Человека еще хранила на своем лице черты обезьяньей миловидности. Многие из человеческого обихода было ею усвоено. Она довольно прямо держалась на задних ногах, лишь очень редко становясь на передние, которыми ловко и проворно работала.

Она пожала руки пришедшим и сказала два слова, в которых слышались гласные. Человек объяснил, что слова эти значат — «Прошу пожаловать».

Остальная семья толпилась позади хозяйки, частью на земле, а большинство амфитеатром расположились на окружающих деревьях.

Дом Человека представлял поляну, густо обсаженную деревьями, настолько переплетенными лианами, что внутри была почти полная темнота.

По знаку Человека один из внуков взобрался на дерево и снял щит — сноп света ворвался в помещение — стало радостно и светло.

Посередине стоял большой стол, если так можно назвать стоявший предмет. Это был ряд стволов, довольно плотно пригнанных друг к другу. Промежутки были чем-то замазаны. Стульев не было; ели, сидя по-турецки. В углу стоял

очаг, сложенный из камней — дым выходил в дупло дерева.

Комната была просторная, потолок, из густейшей кроны деревьев, был высокий.

По стенам вились растения с крупными и яркими цветами. Когда все уселись за стол — зрелище было необычайное. Глаз переходил от одного участника трапезы к другому — какая смесь черт человека и обезьяны. Одна, большая часть, была совсем обезьяньей, другая, меньшая, очень походила на Человека. И разместились за столом соответствующим образом: подобие людей тяготело к Человеку, а обезьянья часть к его жене. Самое последнее произведение, маленькое существо 4-5 лет, очень походило на отца; этому сходству мешала только обезьянья волосатость.

Макс перекинулся с Аконтом и обратился к Человеку с предложением забрать это существо с собой.

Жена не возражала, так как его слишком человеческий вид вызывал некоторую неприязнь к нему со стороны остальных.

Сноп солнца конусом падал на середину стола, где в плетеных корзинах возвышалась колоссальной величины гора бананов и рядом стояли две корзины поменьше с хлебными плодами. Около некоторых, на большом листе, лежала птица. Часть детей вегетарианцы, часть ест исключительно сырое мясо, остальные предпочитали жареное.

Бросалось в глаза, и это подтвердил Человек, что евские сырое были здоровее, выносливее, а главное, употребляли значительно меньше пищи.

Лично Человек питался жареным, хотя чувствовал и видел, что сырое полезнее. Он уверял, что при жарении пропадают какие-то нужные составные части.

Разговор за столом носил необычайный характер. Вначале было очень тихо, а затем начал нарастать гортанный говор, который к концу трапезы превратился в необычайный шум — человеческие голоса тонули. Только громкие гортанные звуки были еще слышны, а гласные куда-то пропадали.

Чем дольше сидели гости, тем настойчивее начинал чувствоваться какой-то одуряющий запах — вначале он прият-

но щекотал обоняние, а затем становился назойливым. Это благоухали цветы, освещенные ярким солнцем.

По окончании трапезы, все шумно, по знаку Человека, поднялись из-за стола, но тотчас же были снова усажены.

Человек рассказал им об опасностях подхода к бывшему лагерю, о неприкосновенности труб. По вниманию, с каким его слушали, чувствовался его авторитет.

Когда Аконт, Макс и Генрих вышли из столовой, им показалось, что они были только что на каком-то фантастическом представлении — до того необычно было все виденное.

Икар следовал за ними неотступно, а маленький внук, по имени Гоми, все время терся около дедушки.

Со вчерашнего дня, когда Человек принял новый вид, семья чувствовала себя несколько стесненной этим необычным для него костюмом. Мать помнила еще то время, когда все тело Человека было закрыто, а дети никогда его не видели таким.

Сколько лап и руколапок коснулось его за этот день! Костюм имел примятый вид.

Мать, после перенесенной бури, питала страх к морю и судам — поэтому Человек пока ничего ей не сказал о своем отъезде.

* * *

Как быть с экипажем «Разведчика»? — вот вопрос, который в настоящее время завладел вниманием Макса.

Забрать весь с собой — нельзя, за недостатком места на яхте — оставить здесь целиком — было небезопасно для сокровищ, да к тому же подобный поступок мог повлечь за собой привлечение к суду на материке.

Посоветовавшись с Аконтом, они решили перевести оставшийся экипаж «Разведчика» на эту часть острова. Вначале была мысль воспользоваться потерпевшим аварию судном и, починив его, нагрузить сокровищами. Но затем эту мысль

оставили — взятого было вполне достаточно для начала работ, а для дальнейших придется соорудить новую экспедицию, снабженную вспомогательным оборудованием и достаточным тоннажем.

Теперь «Разведчик» вполне безопасен. Уйти с острова никто не мог и подойти к нему с моря тоже нельзя было.

Когда все вышли на берег, Макс вызвал арестованных матросов из экипажа «Разведчика».

Во время своего ареста, они случайно узнали одного из охраны, такого же матроса, как и они, с которым часто встречались на материке, в порту, в кабачке. Разговаривать было запрещено; для арестованных было ясно, что они не в руках морских разбойников, как думали раньше, а на яхте «Искатель».

К Максy они шли спокойно и уверенно. Им ничего не грозило.

Макс объяснил положение и предложил одному из них отправиться к оставшимся по ту сторону хребта и доставить их сюда.

Но как их переправить? Надо было быть хорошим пловцом для того, чтобы обогнуть хребет, а среди оставшихся таковых не было.

Когда посланный явился к экипажу «Разведчика», весть о яхте «Искатель» была встречена, как спасение от верной смерти.

От удрученного состояния и постоянного питания консервами у некоторой части экипажа началась цинга; и во взаимных отношениях начинали проскальзывать склочность, ссоры из-за пустяков.

Долго думали над тем, как перебраться. Плавать умела только команда. Остальные после шторма испытывали такое отвращение к воде, что в большинстве своем даже не купались.

Итак, с одной стороны, они чувствовали себя обреченными на медленную смерть, а с другой, для спасения надо было рискнуть — и чем реальнее представлялось им спасение, тем меньше было желания чем-либо рисковать.

Не умевающие плавать наотрез отказались от этого способа передвижения и согласились ждать прихода лодки с яхты. Посланец передаст их желание.

Восемь человек привязали к спине кой-какой скарб, сделали из наволочек подобие пузырей и отправились вплавь огибать хребет. Надо было спешить.

Они погрузились в воду и начали осторожно, где вплавь, где по верхушкам подводных скал, огибать хребет — и скоро достигли благополучно другой части острова.

Через час-другой они уже были на «Искателе». Макс принял их очень радушно и поделился своими планами.

Животный ужас охватил их. Кому остаться? Кому быть заживо погребенным? Сейчас, как никогда, жизнь представлялась прекрасной — там, на материке; все это пронеслось молнией в голове, приковало настоящее к прошлому и придало глазам то особое выражение, какое бывает, когда исчезает последняя надежда.

У одних тусклая безнадежность и покорность судьбе — у других злая воля к борьбе.

Макс пробежал глазами по лицам и оставил покорных судьбе — они безопаснее.

Он обещал, и капитан это подтвердил, вернуться не позже пяти-шести месяцев и всех увезти. Что же касается тех, которые остались по ту сторону — их тоже возьмут в следующий раз.

Таким образом, взяты были шесть человек. Среди оставшихся были инженер и геолог с «Разведчика».

Макс поставил условием возврата полную охрану и неприкосновенность водопроводных труб.

Затем все сошли на берег и произошло знакомство с семьей Человека.

Макс, насколько позволяло время, познакомил остающихся с историей семьи и географией острова, совершенно умолчав о сокровищах, тем более, что остававшимся было не до расспросов — да и зачем могли им тут понадобится сокровища?

С яхты были даны три палатки и разное оборудование, нужное в повседневном обиходе. Новые обитатели острова

провели первую ночь на новом месте.

Икар всю ночь не уходил с берега. Он не спал и не сводил пристального взгляда с яхты. Когда же наутро на палубе появилась Орел — он ринулся на яхту. Пришлось выстрелить в воздух — раз и другой и только это новое зрелище остановило Икара — Орла же с палубы пришлось удалить.

В семь часов утра яхта должна была сняться с якоря.

В пять часов Аконт с Генрихом появились на палубе с каким-то новым аппаратом. Это были трубы вроде граммофонных, затянутые с одного конца тонкой перепонкой. От другого отходили резиновые трубочки, соединенные с ящиком. На крышке ящика были часы.

Ящик установили на самом краю палубы, в том месте, где не было перил; трубы спустили в воду. Генрих надел водолазный костюм, спустился под воду и укрепил трубу справа выше винта, широкой стороной наружу. Затем вдоль корпуса приладил трубки, соединявшиеся с ящиком.

То же проделано было слева и над самым винтом.

Капитан улыбался — он привык уже к сюрпризам Аконта — догадывался часто, к чему ведет та или иная затея, но на сей раз ничего не понимал.

Он весь ушел в распоряжения, связанные с отплытием яхты; разбираться ему некогда было, и затея его забавляла, особенно теперь, когда все было кончено, и судьба экспедиции переходила в его руки — вот почему он улыбался.

В 6 часов 30 минут первый гудок. Икар вьюном забежал по берегу, куда к тому времени собралась вся семья Человека во главе с ним и оставшимися членами экипажа «Разведчика».

Человек обнял свою жену, поцеловал ее, взял на руки Гоми, который трепетно к нему прижался, и направился к яхте. На лице обезьяны изобразился ужас. Она быстро-быстро заморгала глазами, тихо повела головой из стороны в сторону, а затем со звериным ревом схватила Человека за плечи и повернула к себе лицом.

Она уставилась на него, ничего не произнося, и, впервые за всю их жизнь, он увидел на ее лице крупные слезы, скатывавшиеся одна за другой. Она положила голову к не-

му на плечо, а рыдания становились все громче — это были человеческие слезы.

Человеку стало не по себе. Оттолкнуть ее — но ведь тридцать лет привязанности за плечами, тридцать лет такого внимания, какое редко встретишь в человеческом обществе — не ее вина, что она не человек.

Голова тихо лежала на плече, а руки крепко держали Человека. Он спустил на землю Гоми, тотчас взобравшегося на плечо к матери, взял голову жены в свои руки и повернул к себе. На него глянула человеческая тоска — так вот что к ней перешло с пересаженными яичниками... да, в этих глазах светилась человеческая глубина.

Макс стоял на палубе и наблюдал. Когда он увидел, что Человек уходит с мостков, он послал Носа с предложением взять с собой и жену.

Человек на секунду остановился, перевел глаза с Носа на жену, потом обнял ее, пересадил Гоми к себе на плечо и медленно повел ее к мосткам. Она не сопротивлялась. Чувство к Человеку пересилило страх моря и яхты. Закрыв глаза, она следовала рядом с ним, покуда он не ввел ее в каюту.

Второй гудок. В каюте, занятой оживленными пиратами, раздался невероятный шум. Каюта из предосторожности запиралась, хотя пираты не могли еще достаточно хорошо передвигаться.

Макс поспешил на шум; осторожно приоткрыл дверь.

Один из пиратов лежал на полу и беспомощно двигал руками, опрокидывая все, что ему попадалось под руку, а ногами колотил по полу с силой, подобающей вполне здоровому человеку.

Он выкрикивал по-английски какие-то крепкие ругательства, отдавал слова команды. Глаза от усилия налились кровью, и он стал похож на пиратов, какими их описывают в романах. Будь ноги в его распоряжении, он натворил бы немало бед. Когда раздался третий гудок, пират пришел буквально в неистовство — невероятным усилием он поднялся, стал на ноги — и размахнулся с явной целью ударить Макса. Макс успел отскочить и пират грохнулся об закрытую дверь.

Начинали греметь якорные цепи. Иметь подобного спутника Макс считал излишним — и без него было достаточно хлопот.

Он поспешил предупредить капитана, что одного пирата оставляет на берегу, так как он, по-видимому, потерял рассудок. Остановили цепи. Четверо вошли в каюту. Пират лежал без сознания — по-видимому, от ушиба. Его связали, отнесли на берег и передали экипажу «Разведчика», как буйного, ничего не сказав о нем.

Матросы вернулись, послышалась команда:

— Поднять якорь!

Снова зашумело, и яхта, неподвижно стоявшая много месяцев, начала легонько покачиваться. Когда подняли якоря, всех удалили с палубы — это было требование капитана — секрет выхода должен был принадлежать лишь ему одному.

Все ушли — и капитан, хранитель тайны путей к острову, остался один на палубе.

Он был горд сознанием своего секрета. Но он ошибался — с каждым поворотом винта, его секрет становился достоянием Аконта.

Тихий ход, и яхта выплыла из пристани-коробки.

Капитан один за всех прощался с остававшимися на берегу.

Яхта обогнула наружную створку коробки и вышла в открытый океан. Было самое опасное место. Капитан весь ушел в работу. Каждая пядь пространства таила гибель и могла увеличить — и сейчас уже многократно — донные богатства океана.

Однако, звериный рев отвлек его внимание. По глади океана, далеко забрасывая руки, кто-то плыл и рычал — и чем дальше уходила яхта, тем настойчивее становилось рычание и тем шире взмахи.

Капитан приложил к глазам бинокль — плыл Икар.

Яхта уже была далеко от берега, и поведение Икара было довольно странным. Капитан не мог не видеть и не понимать, что вернуться на берег Икару будет не под силу, что он рискует утонуть.

Как быть? Он позвонил Максу. Минута молчания.

— Взять его на палубу? На яхте уже лишние люди — да к тому же он слишком экспансивен. Он подумает и позвонит.

Яхта продолжала свой путь. Рев Икара ослабевал, взмахи становились медленнее, но он продолжал плыть.

В бинокль видна была борьба со стихией. Макс не звонил.

Внезапно Икар исчез. Капитан машинально отдал команду:

— Стоп!

Яхта остановилась. Все высунулись из кают — но никто не решился без разрешения идти на палубу.

Капитан позвонил Максу:

— Икар исчез под водой. Надо его спасти!

Капитан вызвал на палубу нужное число людей. Была спущена шлюпка. Она обыскала окрестности, поминутно рискуя напороться на подводную скалу, но ничего не нашла.

Опечаленные, решили вернуться — команда любила сильного, стремительного и бесконечно услужливого Икара.

Рулевой заметил очертания лица, торчавшего из воды — над поверхностью были рот и ноздри — остальное было под водой. Когда подъехали ближе, поняли, в чем дело.

Икар, плывя, ударился об скалу и от боли потерял, очевидно, сознание, но удержался на воде благодаря тому, что нога застряла в расщелине.

Нос прыгнул в воду, высвободил ногу. С трудом, рискуя опрокинуть лодку, втащили Икара.

Все это задержало яхту на полчаса. Икара перенесли в лазарет для приведения в чувство — и он оказался, таким образом, на яхте.

Палуба снова была очищена, а в машинном отделении в слуховую трубку послышалась команда:

— Вперед! Тихий ход!

Капитан был один наверху. Все остальные в каютах и на своих постах. Предстоял долгий путь до гавани. Заходить в подорожные порты с подобным грузом было далеко не безопасно. Поэтому решено было плыть без остановки, пока это позволял запас угля.

Как быть с населением яхты? Как быть с экипажем? Как обезопасить себя от возможности бунта с целью захвата сокровищ? Куда пристать? Как поступить с богатствами? Вот вопросы, которые волновали Макса. Аконта, инженера и геолога занимали перспективы нового строительства, создание новых условий, где бы жизнь была радостью, а горе лишь фоном, который оттенял бы эту радость, делая ее еще ярче, еще красочнее. Аконта занимали еще новые члены экипажа.

Их везли на материк. Как их ввести в человеческое общество? Мало того — за Человеком вечная ссылка. Куда девать красавицу и пиратов из поддонного замка? Из семьи Человека, кроме него, было четверо — жена, Лора, Икар и Гоми. Надо найти какой-то общий язык.

Икара привели в сознание, но он был еще настолько слаб, что совершенно не интересовался окружающим.

Он был приятно поражен — это видно было по его лицу — когда увидел над собой лицо доктора, улыбался Аконт и Генриху, часто его навещавшим. Очевидно, где-то в сознании начинала устанавливаться связь, но картина еще была смутной.

Аконт занялся красавицей и пиратом. Ежедневные массаж и гимнастика, проводившиеся доктором, все больше укрепляли их организм и возвращали членам свободную подвижность. Красавица уже делала несколько шагов по своей каюте.

Поселили ее в одной каюте с Орлом и Лорой — это была женская половина. Когда яхта уходила в экспедицию, никто не предполагал, что на обратном пути будет такое разнообразное женское общество.

По разным причинам Аконта больше всего занимало восстановление речи. Красавица забыла очень много слов — и ее надо было учить сызнова. Но вместе с тем хотелось сохранить всю первоначальную сочность провансальского языка и образность выражений, присущих тому периоду. Надо было не обучать вновь, а вызывать в памяти забытые образы.

Несмотря на то, что с момента подъема ее из поддонного замка прошло много недель, в ее взгляде и движениях было очень много пугливости.

Она привыкла к Орлу, ухаживавшей за ней, привыкла к доктору. Но ее большие васильковые глаза настораживались, когда в дверях каюты показывалось новое лицо. Видно было, что новое положение свое она не осознала, а старое забыла.

Эту работу восстановления забытых образов и слов поручили Человеку, знавшему провансальское наречие. В его приветствии она, видимо, уловила что то знакомое, — впервые за все время на ее устах заиграла улыбка.

Человек приступил к занятиям и вел их с той настойчивостью, какая бывает только у людей, прошедших тяжелую школу борьбы за свое существование.

Гораздо труднее было с пиратом. Он был определенно флегматичен. Ни на что не отвечал, ел, пил, что давали, относился равнодушно ко всему окружающему. Он даже не мычал.

Тот, второй, которого оставили на берегу, по временам приходил в экстаз. Аконт заметил, что некоторые звуки выводили его из равновесия. Очевидно, они будили в его голове воспоминания, и мышцы реагировали на них. Так объяснил он, между прочим, случай с гудками. Вероятно, он был большим пиратом, из начальников, — и звук гудка разбудил в нем целую гамму былых переживаний, когда надо было распоряжаться, кому-то приказывать, с кого-то спрашивать.

Аконт решил попробовать идти по этой линии. Он заметил ряд звуков, которые могли встречаться в прошлом этого пирата. Он сконструировал небольшой аппарат, дававший различные звуковые сочетания и поручил Генриху наблюдать, как они действуют на пирата. Это тем легче было сделать, что поселили их в одной каюте.

Наибольшие заботы представляла семья Человека. Как договориться с ними? Как найти тот общий язык, который дал бы возможность этим новым людям усвоить начатки культуры? Аконт принадлежал к тем людям, которые не считали человека чем то высокостоящим, а были уверены,

что человечество проходит мимо животного мира не потому, что оно выше его, а потому, что его не понимает. На материке он уже начал работу по составлению собачьего словаря и сейчас решил применить тот же метод к семье Человека. Маленького же Гоми прямо обучать человеческому языку.

Аконт был уверен, что скудость животного языка объясняется тем малым числом предметов, с которыми они сталкиваются в повседневной жизни.

Аконт принес фонограф в каюту, куда поселили Человека с женой. Фонограф должен был записывать беседу Человека с женой и сыном. Перевод этой беседы на французский язык записывал другой фонограф.

Такой же аппарат установили в лазарете, где записывались звуки, произносимые Икаром. Икар чувствовал себя уже хорошо, но ушиб ноги не позволял ему двигаться и, лежа на койке, он напевал какие-то песенки. Когда были получены первые пластинки, Аконт вставил их в граммофон и пустил с сильно замедленным ходом.

Сопоставляя слова и звуки, он начал анализировать звуковой состав речи семьи Человека и составлять словарь.

Быстрее всех с новым положением освоилась собачка из поддонного замка. Это было взлохмаченное существо, полное первобытной энергии. Она была всюду, но привязанность свою изливала красавице. Запах ли платья, или что-то другое, неуловимое, говорило так много простому собачьему сердцу.

Команда была совершенно спокойна. Макс решил наблюдать и не вмешиваться без нужды в естественный ход событий.

Таким образом протекала жизнь в течение первой недели.

На восьмой день Аконт рано утром поднялся на палубу с тем, чтобы снять ящики, поставленные при выходе из гавани, и был поражен каким-то шумом, раздававшимся над головой. Он поднял глаза вверх — и застыл от неожиданности. Над яхтой кружил аэроплан.

Вахтенный уже доложил об этом капитану, капитан —

Максу, — и оба выходили на палубу в тот момент, когда Аконт далеко назад закинул голову.

Аэроплан кружил, снижался. С какой целью? Он спустился настолько низко, что можно было различить сигнализацию флажками. Теперь видно было, что это гидроплан.

— Свои. Ловите записку.

И к ногам Макса упал тяжелый предмет. Его быстро подняли. Это была металлическая коробочка. В ней записка. В записке написано:

«Мы летим в район острова Ло-Хо спасти “Разведчика”. Очевидно, вы оттуда — других судов мы не встретили в этом районе. Не видели ли “Разведчика”? Какое направление? Сигнализируйте флажками».

Тем временем, шум аппарата привлек на палубу все свободное население яхты. Человек впервые в жизни увидел аэроплан, а Лора легла на спину, закрыла лицо руками и согласилась открыть глаза только тогда, когда стихли звуки пропеллера,

По распоряжению Макса, капитан сигнализировал:

«“Разведчик” — на острове Ло-Хо. Направление норд-ост. Будьте осторожны при посадке».

Гидроплан сигнализировал благодарность. Пилот стал забирать высоту и через несколько минут превратился в маленькую точку с тем, чтобы совершенно исчезнуть в следующую минуту.

Человек еще долго стоял на палубе, словно зачарованный, и слушал рассказ Аконта о достижениях авиации. Лора, как только стих шум, стремглав бросилась в каюту и зарылась с головой в подушки.

Все ушли с палубы, и Аконт подошел к своему ящику — осторожно приоткрыл крышку. Прекрасно проделана исключительная работа. Он опустил крышку, но что-то, по-видимому, попало в шарнир. Крышка не закрывалась — он обошел аппарат сзади, поскользнулся и упал за борт,

К концу следующего дня аэроплан достиг острова. Надо было снизиться. Подступы к морю были в подводных скалах. Два-три круга, сделанные вокруг острова, не дали ничего положительного. Сверху, в бинокль, можно было разглядеть какое-то судно, лежавшее на боку.

Приближалась ночь, надо было как-нибудь решить вопрос о спуске.

Пилот сузил диаметр кругов и на третьем — увидел ровную водную поверхность внутри острова. Это было прекрасное место для спуска. Суживая круги, аэроплан сел на воду в тот момент, когда солнце скрылось. Быстро наступила темнота. На этой водной поверхности они заночевали.

Утром внимательно осмотрели окрестности. Нигде не видно было подступов к берегу. Они медленно двигались вдоль скалистого берега. Скалы и скалы, уходившие прямо в водную глубину. Лишь в одном месте пологий спуск. Пилот изменил направление и взял курс на спуск. На него пахнуло теплом. Дальше стало настолько жарко, что пришлось дать задний ход. Сколько раз ни повторялась попытка подойти к берегу, каждый раз приходилось отступать. Ни пилот, ни бортмеханик, ни корреспондент американской газеты, бывший на борту гидроплана, не могли объяснить, в чем дело. В этих бесплодных попытках они провели весь день, а на утро решили пройти противоположным берегом. Как только пропеллер попал в полосу тепла — он обуглился. Пилот инстинктивно отдернул руки — но поздно. Они уже обожжены. Отдергивая, он машинально дал задний ход — и это спасло остальных.

Теперь положение стало безнадежным. Аппарат без пропеллера, а у пилота руки обожжены настолько, что для работы не годны — малейшее прикосновение вызывало сильнейшие боли.

Как быть? Начали пускать ракеты, стрелять в воздух. Население острова уже третьего дня приметило аэроплан, а сейчас ракеты и стрельба убедили с несомненностью в присутствии новых людей на острове.

Надо было соединиться с ними во что бы то ни стало. Пошли в направлении звуков. Дети Человека знаками объяс-

нили, что туда идти запрещено. Но экипаж «Разведчика» ничего не мог понять. Эти предосторожности тем более казались бессмысленными, что в том направлении шла дорога. Двинулись — дошли до поворота — стало тепловато, дальше еще теплее, еще несколько шагов и двигаться уже нельзя было.

Инженер, шедший впереди, остановился и выругался.

— Черт знает, что такое! Нечистая сила, не иначе.

Попробовал сделать еще шаг и отскочил. Загадка начала волновать — не из под земли же выходит тепло?

Он подозвал геолога и попробовал пойти правой стороной, а геологу предложил идти левой — то же самое.

Создавалось глупейшее положение. Свободная дорога, открытая и хорошо разработанная и вместе с тем недоступная.

Оставалось влезть на дерево и попробовать оттуда как-нибудь снестись с аэропланом. Матрос по имени Петро, лучший спортсмен в экипаже, взялся влезть. Дети Человека стояли поодаль. Когда Петро влез до половины, со стороны, где стояли дети Человека, раздался хохот — искренний, от души — они смеялись над тем, как неуклюже, по их мнению, работал Петро. Один из внуков Человека, по имени Ларс, не выдержал. Быстро вскарабкался на ближайшее дерево и перепрыгнул на то, по которому взбирался Петро. Он спустился к нему, подал руки и полез задом наперед, таща за собой Петро. На верхушке он раскачался и перешагнул далеко по направлению дороги.

— Эге, — сказал инженер, — очевидно, там прохладнее, иначе этот черт не мог бы так прогуливаться.

И, обратившись к Петро, крикнул:

— Петро, жарко там?

— Нэ.

Причина жары стала еще туманнее, но факт был налицо и им можно было воспользоваться.

— Петро, а сможешь ты перешагнуть, вон как эта обезьяна?

— На этом свете вряд ли, — ответил Петро, — а на том пошагаю.

Надо было как то сговориться с Ларсом и уговорить его

пробраться к озеру и... да толку что в том, если он даже попадет к озеру— кто там его поймет?

Однако, факт, что тепло имеет предел распространения. Надо попробовать пройти в сторону. Начали рубить ход вправо. Чем больше отходили от дороги, тем меньше чувствовалось тепло.

Исход был найден. Не было, однако, никакой возможности известить тех, на озере, что помощь идет. Весь отряд был поставлен на прокладку дорожки. Неимоверно трудной работой в течение пяти дней удалось проложить очень узкую дорожку к спуску. Ура! Теперь к озеру. Матрос Зора бросился вперед и тут же отскочил с нечеловеческим криком.

Весь изуродован. Платье местами обуглилось, а руки, вытянутые вперед (в таком виде он устремился к озеру) представляли кровавую кашу — они были буквально сварены.

Это произвело ужасное впечатление на отряд, а дети Человека, наблюдавшие сверху, со страхом бросились враспынующую — они вспомнили предупреждение отца.

— Что за чертовщина? Какое-то волшебство? Ничего не видно, а откуда-то идет колоссальный жар.

— Не на вулкане ли мы? — высказал предположение геолог.

— Но тогда тепло шло бы вверх, а не в сторону.

Приходилось прокладывать дорогу в обход, уже не пробуя продвигаться в направлении к спуску.

Зору в полусознательном состоянии отвели в лагерь, который был разбит недалеко от берега. По счастью, с той части острова перекочевал врач.

Дорожку повели к обрыву. Чрезвычайно осторожно прошли в направлении к озеру — но все было спокойно; наткнулись на одну из многочисленных дорожек, проложенных в этом месте в свое время Аконтом, и по этой дорожке пришли к обрыву.

У самого обрыва на озере стоял гидроплан. Пилот, казалось, умер, а бортмеханик едва дышал, и лишь корреспондент очень слабо откликнулся на зов.

С невероятными трудностями и усилиями втащили всех наверх и доставили в лагерь.

Когда бортмеханик пришел в себя, он рассказал все, что случилось.

— Опять этот жар — да что тут, черти на острове колдуют?

Это был факт — но объяснений ему найти не могли. Не оставалось сомнений, что гидроплан для работы не годится — да и минуты пилота были сочтены. Он весь горел, как в огне.

Уже через полчаса воцарилась траурная тишина. На острове был первый покойник — тот, который прилетел спасти. Это совпадение ощущалось всем лагерем, как нечто роковое.

Был послан гонец, сообщивший потусторонней части экипажа печальную весть. Радио заработало и оповестило мир:

«Аэроплан прибыл на остров Ло-Хо и погиб при посадке. Пилот умер. Бортмеханик и корреспондент живы».

Надо было хоронить.

Семья Человека обступила лагерь. Они впервые видели мертвого — и с неослабным вниманием следили за всем, что предельвалось.

Ларс попробовал подойти ближе, посмотрел на покойника, хотел потрогать, но на него так цыкнули, что он отскочил.

К рытью могилы их не допустили. Решили вырыть глубокую яму — такую, чтобы обезьяны не могли разрыть (лагерь окрестил этим словом всю семью Человека, не вдаваясь в детали).

К рытью могилы приступили на следующий день. Рыли ее у самой опушки леса. Вначале корни, глубоко ушедшие в землю, мешали работе, а потом пошел мягкий грунт.

В могиле стоял Петро, сменивший уставшего Николая, а сверху принимали песок. Уже три метра — еще один метр и можно спокойно хоронить. Стоявший наверху матрос ждал очередной порции песка для того, чтобы откинуть ее в сторону и, не дождавшись, окликнул:

— Петро!

Ответа не последовало. Он повторил окрик — ничего! Тогда несколько человек придвинулись к краю могилы и заглянули в нее. Там зияла дыра, а Петро не было.

Переглянулись.

— Должно, дыра, — сказал Николай.

— Надо выручать.

Побежали в лагерь сообщить. Когда оттуда пришел инженер с двумя матросами, захватившими, что было под рукой, снизу раздался голос:

— Эге, ребята, да тут целая постройка!

— Жив и цел? — спросил инженер.

— Эге! Ну-ка, дайте сюда света.

Побежали за лампами. Из лиан на скорую руку свили лестницу; инженер с Николаем спустились на дно могилы.

Петро стоял и потирал бока рукой. Он ушибся при падении. Глаз освоился с полумраком и различал кой-какие очертания.

— Да, здесь, действительно, постройка. Честь честью колонны, своды. А ну-ка посвети, Николай!

Они двинулись вперед, предшествуемые Николаем с фонарем. Несомненно, это было сооружение, имевшее какое-то специальное назначение.

Николай поднял лампу выше, — сделал шаг; раздался всплеск воды, и пламя погасло.

— Николай, — окликнул инженер.

— Жив, — ответил голос из воды, — но вот фонаря не поймаю и здорово мокро.

Инженер зажег спичку — и был поражен. Николай стоял в какой-то белой массе — воды не было; фонарь лежал сбоку. Быстрым движением инженер поднял фонарь. Он был весь покрыт какими-то белыми кристалликами, но сухой. Лампа зажглась, как ни в чем не бывало.

— Ползи!

Николай, держась руками за край бассейна, вылез, весь покрытый кристаллами.

Они обошли бассейн и уткнулись в дверь, покрытую тиснением по золоту.

— Вот так штука, — сказал Петро, к которому перешел фонарь, — жилось, видать, публике недурно.

Дверь легко приоткрылась в коридор, оканчивавшийся круглой залой. Посередине стоял столб, а на нем железное кольцо. Столб был каменный, из куска скалы, и место, где прикреплялось кольцо, было сильно натерто.

Из залы вели три двери.

— Вот что, — сказал инженер, — надо идти. Захороним, а потом вернемся осмотреть.

Когда они вышли на свет, оказалось, что под землей они пробыли почти три часа, тогда как у них было ощущение не более получаса. Проверили по часам — верно, два с половиной-три часа.

— В чем дело? Опять колдовство, — сказал инженер. — Чувствую, что увижу тут вещи, которые не снились ни одному романисту. Там прет и обжигает тепло, тут три часа за полчаса сходят.

Однако, было не до размышлений.

Надо было рыть новую могилу. Отошли на другой конец и у опушки леса, в виду пристани, начали снова рыть. На глубине трех метров лопата ударилась в камень.

Тут решено было захоронить пилота. Траурная процессия, замыкаемая «обезьянами», двинулась к могиле. «Обезьян» остановили на приличном расстоянии, опустили тело и засыпали, а землю сравнивали так, чтобы никто не мог найти места погребения.

Когда все вернулись в лагерь, инженер рассказал оставшимся обо всем виденном.

Геолог посмотрел кристаллик, положил кусочек на язык.

— Ясно, тут был бассейн с раствором какой-то соли.

Все взяли по кристаллику и попробовали; в знак согласия кивнули головой.

— Это было очень, очень давно, — продолжал геолог, — в силу сухости воздуха и хорошей тяги, вода постепенно испарялась, а раствор все крепчал. Видимо, никто не мешал процессу. Образовался насыщенный раствор, то, что называется маточным раствором. Когда Николай упал в бассейн, он дал толчок к тому, чтобы соль выкристаллизовалась. Таким

образом, образовалась та белая масса, которую вы видели. Там должно быть много интересного — завтра я иду с вами.

Наутро, после этого разговора, чуть свет, маленькая дочь Человека, Лика, лет десяти-одиннадцати, осторожно, крадучись, пробиралась к вырытой яме. Ее чрезвычайно занимало, что там делали накануне.

Она подошла к яме, оглянулась и, не видя никого, спустилась вниз по оставленной лестнице,

Вскоре наверху послышались голоса. Лика заметалась, забегала в темноте, и, уткнувшись в какую-то нишу, тихонько там притаилась.

Голоса приближались. Она слышала, как спускаются вниз.

В отверстии показалась пара ног, потом голова, затем снова ноги... и так далее. Это были инженер, геолог, Петро, Николай и американский корреспондент, мистер Нильсен.

У каждого в руках было по фонарю, а к туловищу инженера была привязана бечевка, конец которой оставался наверху — на всякий случай, если заблудятся.

— Поехали на своих, — сказал инженер.

Пошли вчерашней дорогой. Обошли бассейн и заметили, что, кроме золотой двери слева, была другая дверь из плотного дерева, мастерски сработанная.

Осторожно ее приоткрыли. Вдруг слышали чихание. Инстинктивно захлопнули. Тихо. Приоткрыли снова. Чихание.

Это было настолько нелепо, что инженер решительно открыл двери и первым вошел в помещение. Оно было пусто.

Вдоль стен шли широкие скамьи; у одной из стен стоял золотой трон. Над спинкой была эмблема, изображавшая пиратское судно с пиратами на мачте.

Вдоль стены был ряд ниш с переплетом в глубине. Для всех стало очевидным, что все здание когда-то было на поверхности земли и в силу каких-то причин засыпано песком — а песок мягкий, морской.

Начали осматривать комнату. На камнях стен были высечены картины тонкой работы. Местами картины были сделаны разноцветной мозаикой. Чувствовался вкус. Особенно художественно был сработан трон. Он был целиком пок-

рыт золотом. Тонким резцом были вырезаны и выдавлены картины из быта пиратов. Схватка с неприятелем, ограбление каравана, похищение красавиц, пир после удачного набега, а на спинке из жемчуга и алмазов было изображение Иисуса Христа, распятого на кресте.

Ручки трона поражали тонкостью работы, отчетливостью линий и вычурностью рисунка. Тут был какой-то фривольный сюжет. Вдоль ручки лежала нагая женщина. Ее ноги прикреплялись к спинке; распущенные волосы вместо бахромы спадали с ручек. Сочные груди поднимались в том месте, куда обычно кладутся руки.

Инженер взошел на трон и сел. Ничего — твердовато, но удобно. Затем поставил фонарь в ногах и уцепился обеими руками за ручки трона. Он хотел было приподняться, как вдруг вся комната поехала, один поворот, другой — и остановилась.

Четверо кинулись к двери — но ее не оказалось, а инженер так и застыл в полусидячей позе, в которой начал вращение.

Когда комната остановилась, все спутники переглянулись.

— Ну и техника! — первым сказал инженер. — Прямо вращающаяся сцена, да и только! А где моя веревка?

Веревка оказалась ущемленной меж двух стенок.

— Вон оно что! Эта комната вертится внутри другой! Но кому это надо? А вот кому, — сказал он, поднял фонарь и направил его влево, — тут открывалась новая дверь.

Спускаясь с трона, он задел рукавом за волосы, ниспадавшие с ручки. Ручка двинулась влево, и трон, повернувшись, увлек его за собой. Теперь он висел над какой-то дырой.

В это время вблизи вполне отчетливо снова слышалось чихание.

Хоть рассудок отдавал себе отчет во всем происходившем, однако, невольно становилось жутковато.

Чихание повторилось.

Инженер висел на троне, уцепившись за ручку; фонарь выскользнул из рук и упал на пол. Не успели опомниться,

как воспламенился разлившийся керосин, и яркое пламя осветило комнату. Все шарахнулись в сторону двери, которую раньше увидел инженер, надавили на нее и очутились в другой комнате. Инженер, держась за ручку, начал рассматривать место, над которым висел. Это была вполне «благоустроенная» коробка размером несколько выше человеческого роста. Прыгнуть, однако, он не рискнул и, так как керосин на каменном полу догорал, он подтянулся на руках и перебрался на трон.

Теперь он сидел спиной к двери, в которую спаслись четверо спутников. И при свете догорающего пламени он увидел жуткую картину.

В потолок было вделано много железных колец, к кольцам на цепях были прикованы железные ошейники, а в них висели человеческие фигуры. Под каждым стоял очаг, сложенный из камней, и в нем ярким пламенем горели дрова. Пламя охватывало ноги и начинало лизать туловище. На лицах было невероятное страдание.

Когда он протер глаза, чтобы убедиться, что это не сон, пламя окончательно погасло, и в помещении воцарилась полная темнота.

Он позвал геолога, слышался голос за стеной — где-то далеко. Он повторил зов — снова отозвались, но глухо, глухо.

В сознании промелькнула мысль, что он заживо похоронен. Он начал громче звать, называя всех по имени — но уже никто не откликался. Он потянул веревку — она была крепко зажата и не поддавалась.

Рассудок говорил, что его не бросят. Но как знать, быть может, они сами заблудились, быть может, и они куда-нибудь провалились.

В эту минуту снова раздалось чихание. На этот раз инженер вздрогнул — кто мог быть тут поблизости и в то же время не откликаться на его призыв?

Однако, бездейтельность была не в его натуре. При безвыходности он быстро покорялся судьбе, но если есть возможность что-либо предпринять, тогда — к делу.

Надо было ощупью найти ту дверь, куда исчезли спут-

ники.

Он потянул веревочку и очень медленно, нащупывая каждый шаг, пошел вдоль нее. Он помнил, что дверь была вправо от того места, где застряла веревка. Добравшись до стены, он начал шарить обеими руками и, наконец, нащупал подобие двери, надавил — и, о счастье, открылась. Теперь он был вне комнаты, в небольшом коридоре, а прямо перед глазами было отверстие, ведущее наружу.

Страх сразу испарился: конструкция всей постройки так заинтересовала, что он решил продолжать осмотр.

Инженер уперся руками в обе стены, чтобы лучше ориентироваться и вздрогнул, когда правая ушла во что-то мягкое, а из стены послышался жалобный стон.

Из-под руки выпрыгнуло какое-то существо и бросилось стремглав вверх. Инженер за ним. Когда он добежал до отверстия, наверху послышался хохот.

Лица в испуге прыгнула на плечи к одному матросу, с него на голову к следующему, потом третьему и, быстро вскарабкавшись на дерево, исчезла из вида.

— Черт возьми, — сказал инженер, — это чихала обезьянка.

Ему стало и стыдно и смешно.

Однако, спутников наверху не оказалось. Теперь положение запуталось — неизвестно, кто кого искал.

Взяв новый фонарь, пригласив еще одного матроса и приведя в порядок веревку, инженер двинулся на Поиски.

Его чрезвычайно занимала виденная им картина: что это — галлюцинация или ожившие образы прошлого? Когда они подошли к тому месту, где была дверь, найти ее не удалось. Все надавливания оказались безрезультатными — хода не было.

Пошли прежней дорогой. Обошли бассейн, нашли дверь, ведущую в комнату, которую только что оставил инженер; дверь не открывалась.

— От понастроили, черти! Сам сатана себе ногу сломает! И кому только понадобилась такая чертовщина?!

Однако, четырех нигде не было. Они не откликались и сами голоса не подавали.

В поисках открыли золотую дверь и нос к носу столкнулись с геологом.

— А мы вас ищем! — сказали оба в один голос.

— Вот это изоляция, — сказал инженер, отдав дань удивления строителю этого памятника старины.

Теперь, соединившись, продолжали осмотр. Они были в том зале, который вчера оставили.

Еще раз осмотрели кольцо — кто был тот или те несчастные, которых судьба приковала к нему?

Судя по стертости, вокруг столба ходили не один десяток лет.

Приоткрыли одну из дверей. Это была небольшая комната. У стены стояли три каменных столба. В них были выдолблены отверстия — одно уходило вниз до высоты колен, второе вверх. Оно оканчивалось подобием маски, в которой были отверстия для глаз, носа и рта. Три каменные колоды были рассчитаны на людей разного роста. Больше в комнате ничего не было.

Вторая дверь вела в несколько большую комнату. Тут у стены стояли три каменных ящика, один был открыт, а два другие закрыты тяжелыми каменными плитами, в которых было проделано множество мелких отверстий. Ящики были разной величины. Если они предназначались для людей, то сидеть в них можно было, только сильно прижав ноги к животу.

Усилиями четверых удалось сдвинуть одну из плит — там сидел... человек... голова с сухой, запавшей кожей упала на колени, а руки свисали по бокам. На нем было богатое одеяние, нетронутое временем. На шее золотая цепь. В этой каменной коробке время сохранило летопись жестокостей далеких времен.

Во втором ящике нашли женщину. Вокруг лба был золотой обруч, осыпанный бриллиантами.

Так как этот ящик был поместительнее, женщина сидела, вытянув ноги, а руки покоились на поясе. На пальцах были богатые перстни, а на руках браслеты. Ящики осторожно закрыли крышками.

В третьей комнате было ложе, высеченное в камне, а в

изголовье лежала каменная подставка. Окон нигде не было.

Когда вернулись в первую комнату и тщательно ее осмотрели, увидели на полу отверстие, закрытое каменной плитой.

Плита лежала плотно, так что грани ее едва обозначались, но приподнялась легко и открыла лестницу, ведущую вниз.

Гуськом спустились в подвальное помещение. Глазам представилось исключительное зрелище. Посередине стояла высокая постель, вся крытая золотом, с художественными инкрустациями из жемчуга и алмазов. Над головой в оправе тончайшей работы был алмаз величиной с грецкий орех. На подушке тончайшего кружева покоилась женская головка. В ниспадавшие волосы вплетались золотые змейки с изумрудными глазами. Руки были в свободном, непринужденном положении.

Платье редкого шелка с вышивкой высокой художественной работы. Талию опоясывал легкий пояс, соединявшийся пряжкой, в которую был вделан крупнейший алмаз. Туфельки были осыпаны мелким жемчугом.

Лицо сохранилось таким, точно женщина умерла всего лишь накануне. Кожа на вид упруга.

В комнате совершенно не чувствовалось запаха тления. Около кровати стояли две тумбы с каждой стороны, а на тумбах по ларю. Лари, судя по рисунку, работы венецианских мастеров, были богато заполнены драгоценностями.

Вокруг центрального катафалка радиусами стояли двенадцать кроватей, менее пышно убранных, но все же достаточно богато для того, чтобы эту комнату счесть за хранилище сокровищ.

Когда осмотрели первый ряд кроватей, поразились красотой и свежестью лиц — точно со всего мира подобраны были лучшие экземпляры женской красоты и тут сохранены с неподражаемым искусством.

Когда инженер приподнял руку у одной смуглой красавицы, она оказалась мягкой, точно мышцы были гуттаперчевыми.

Каких наций и рас тут не было! И бронзовые тропики,

и северные блондинки, и страстные яванки, и смуглые индианки — все были молоды и красивы — все были в том возрасте, когда добровольно не умирают.

Кто прекратил жизнь? Кто так тщательно сохранил эти эмблемы красоты и молодости? Кто и к чему так расточительно богато наградил умерших, нет, вернее, убитых?

Позы были далеко не молитвенные. Каждая лежала по-своему. Одна со строгим лицом, упрямым взглядом и сжатыми пальцами; другая, далеко раскинув руки и полуоткрыв рот; третья, закинув назад голову и вся поддавшись корпусом вперед.

Нет, положительно можно было сказать, что тут работал не только бальзаматор, высокий и тонкий знаток своего дела, но в деле участвовал и художник, и скульптор, глубокие знатоки женской души. За первым кругом шел промежуток и начинался второй круг — и тут стояли двенадцать кроватей. На шести лежали японки, на шести китаянки.

Когда геолог случайно поднял глаза на потолок, его поразила красота работы. Там были фигуры, скульптурно оформлявшие и разрабатывавшие различные эротические моменты — это было евангелие страсти. И всюду цветы и цветы; виноград гроздьями свешивался с потолка. И цветы, и фрукты были так же искусно сохранены, как лица и тела красавиц.

Над каждой кроватью был эротический сюжет из жизни племени, народа, нации, которой принадлежала красавица.

Мистер Нильсен писал в блокноте без конца. Он надеялся найти имена и фамилии — с этой целью осмотрел тщательно все кровати, громко и непосредственно восхищаясь тонкостью работы. Он залез даже под кровать — но нет! Имен история не сохранила.

В третьем ряду было шесть пустых кроватей. То же золото, но еще без рисунка — они ждали своих повелительниц.

За последним рядом шла стена, сводом переходившая в потолок. На стене были барельефы, посвященные все тем же темам.

Николай не мог отказать себе в удовольствии погладить один барельеф. К удивлению, барельеф конфузливо отступил и открыл дорогу в небольшую комнату.

Первым юркнул мистер Нильсен.

— Клянусь, — воскликнул он, — ничего подобного я не встречал!!!

Действительно, это были единственные и неповторимые произведения искусства.

На кровати набальзамированными лежали мужчина и женщина. Их позы без слов и объяснений говорили о том, что происходило. В спине мужчины торчал кинжал, на рукавке которого были выгравированы какие-то непонятные знаки.

Тут не было никаких украшений: в углу стояла простая дубовая бочка, доверху наполненная золотом в слитках и монетах.

Стены и потолок были совершенно гладкие.

Начали ощупывать остальные барельефы и нашли еще пять аналогичных комнат.

Осмотр больше ничего не дал.

Уже поднимались наверх, когда на лестнице, ведущей из подвала, появился тот мужчина, которого Макс связанным передал на берег.

Его давно развязали, он принимал участие в общей жизни, но сговориться с ним никто не мог. Угрюмый и сосредоточенный, он целыми днями бродил по острову. Впечатление было такое, точно он что-то ищет.

К концу сегодняшнего дня он набрел на разрытую яму; спустился по лестнице; потом повелительным движением взял фонарь у одного из матросов и быстрым, уверенным шагом направился в круглый зал, а оттуда вниз в подвальное помещение.

Таким его никогда не видели. В фигуре была властность. Он отодвинул Петро, шедшего впереди, и сделал жест, приглашавший следовать за ним.

Переглянулись. Ведь истории этого человека Макс не рассказал. Его считали просто не в своем уме. Приглашение было столь властным, и вся фигура дышала такой самоуве-

ренностью, что колебание было очень кратковременным, — все последовали за ним.

Он подошел к центральному катафалку, прильнул губами к губам красавицы и показал пальцем на нее, потом на себя — выходило вроде того, что «она моя».

— Парень рехнулся окончательно, придется его связать, — сказал инженер.

Еще не отзвучали последние слова, как присутствующие поняли, что пришедший хорошо знает эти места и чувствует себя тут хозяином. Он приподнял две доски вблизи кровати и все увидели новую лестницу, которая вела во второй подвал.

«Черный дядя», как его прозвали за огромную черную бороду, спустился первым.

Сойдя с лестницы, он назвал какое-то имя, но никто не откликнулся.

— У него все же чердак не в порядке, — подумал инженер и поделился этим предположением с геологом.

— Он не меньшая загадка, чем весь этот городок. И где только «Искатель» его откопал?

Пока они обменивались этими мыслями, Черный дядя обошел комнату и, не найдя, кого искал, выругался, судя по интонации голоса, и поставил фонарь на стол.

На столе лежал труп в работе. Рядом были инструменты. Труп лежал в стеклянном ящике, в какой-то жидкости, прозрачной, как вода. Ящик был законопачен. Это опять была женщина. Нагие формы не уступали по красоте всему виденному.

Черный дядя выражал нетерпение.

Он вскрыл ящик, вынул оттуда женщину, мягкую, эластичную. Положил ее на соседний стол. Затем из ниши вынул дорогую одежду, прикрыл ею труп и жестом предложил следовать за собой.

Труп он бережно взял на руки, передав Петро фонарь. С трупом в руках пошел вперед — все за ним — и, не останавливаясь, вышли наверх.

Черный дядя отнес труп к себе в шалаш из лиан, устроенный среди деревьев. Инженеру, попытавшемуся после-

довать за ним, он дал понять энергичным жестом рискованность этого предприятия.

Теперь в представлении лагеря все перепуталось. Ну, городок еще как-то можно объяснить. Но откуда этот Дядя знает его и почему он забрал к себе труп? Придумать объяснение не мог даже мистер Нильсен. Но дать корреспонденцию в газету надо было во что бы то ни стало.

Он сговорился с Петро, и тот за приличное вознаграждение согласился переплыть на ту часть острова, где оставалось радио.

На следующее утро мир облетело известие о найденных сокровищах (все сошлись на том, что это и были те сокровища, за которыми ехали) и о подземном городе мертвых красавиц.

Это известие должно было произвести сенсацию, и мистер Нильсен, забыв об острове, переживал то впечатление, какое произведет на материке его корреспонденция.

Судьбе, однако, угодно было не ограничиться одним умершим. Состояние Зоры ухудшалось с каждым днем. Произведенные ампутации не помогли, и уже все примирились с мыслью о его смерти.

Через четыре дня после смерти пилота, в тяжких мучениях, скончался Зора.

Его решили похоронить в другой части острова, у скал.

Соображения были главным образом те, что эта часть со временем, несомненно, будет предметом особого внимания археологов и присутствие трупа Зора собьет с толку.

Начали рыть могилу недалеко от скалы. На небольшой, сравнительно, глубине, лопаты упирались в каменную породу и приходилось сызнова начинать работу.

В таком порядке передвигались все вправо и вправо от первоначально намеченного места. Уже отодвинулись на три с лишним метра, когда лопаты снова ушли в мягкий грунт.

Чудное дело — лопаты скользили вдоль какой-то стены. Окопали — несомненно, это не порода, а кладка. Позвали инженера и геолога — и те всецело подтвердили это предположение.

— Знаете что, — сказал инженер, — позовем Черного дядю». Одно из двух, либо он здешний (чертовщина, сколько же ему лет?!) либо... словом, чего голову ломать — зовем.

Геолог пошел к шалашу, вызвал Черного дядю и жестами пригласил следовать за ним.

Черный дядя привалил к двери шалаша огромный камень — теперь только геолог мог по достоинству оценить его физическую силу.

Когда они пришли к раскопкам, Черный дядя зашагал в обе стороны, начал мерить шагами — раз, другой, ушел к деревьям, стоявшим вблизи, содрал с них кору, что-то искал и, видимо, был сильно взволнован.

Не найдя ничего, он вернулся к подножью скалы и там отыскал большой выступ, на котором был высечен крест. Этот выступ стал исходным пунктом всех его поисков.

Через полчаса шаганий в разных направлениях он указал место, где надо копать.

Уже десятая лопата скользнула вдоль каменной кладки и провалилась в отверстие.

Снова загадка. Раскопки пошли усиленным темпом.

Вся семья Человека была тут. Деревья были заняты и из-за них даже происходили драки.

Лика рассказала о своем приключении и возбудила крайнее любопытство в своих собратях.

Инженер, руководивший раскопками, смотрел на Черного дядю, и думал. Как сговориться с ним о той комнате, где он собственными глазами видел сожжение на кострах; после виденного, он считал уже все возможным.

Раскопки быстро подвигались вперед.

* * *

В тот момент, когда Аконт упал в воду, на палубу поднималась Орел. Она заметила мелькнувшие контуры и, когда ухо уловило всплеск воды — стрелой метнулась к борту. За кормой плыл Аконт и сосредоточенно куда-то смотрел,

совершенно не взывая о помощи. Орел, ни минуты не думая, скинула фуражку и матроску и кинулась с борта вниз, крикнув на лету: «Капитан, Аконт тонет».

Прекрасный пловец, она в два счета подплыла к Аконту... и была поражена его невозмутимым видом — он плыл спокойно и следил за чем-то.

— А вы не утонете? — спросила Орел, желая обратить на себя внимание.

— Пока нет, — ответил он, — это интересно.

Орел не знала, к чему отнести слово «это» — к случайной ли прогулке или к чему-нибудь иному.

Пока происходил этот разговор, капитан остановил яхту и по тревоге спустил шлюпку. Весть о падении Аконта в секунду облетела все население яхты — и все, включая хромящего Икара и оживленных пиратов, были на палубе..

Когда шлюпка подъехала вплотную к Аконту, он медленно влез в нее, все продолжая о чем-то думать и, только подъехав к трапу, несколько пришел в себя.

— Вам нельзя было прыгать, Орел, вы забыли о вашем положении.

Вместо ответа Орел посмотрела на Аконта с такой бездонной нежностью и лаской, что ответ показался излишним.

Когда по трапу они взобрались на палубу, первым подскочил Генрих. Отстранив всех, он повел Аконта в каюту, заставил его раздеться, сам растер его спиртом и тщательно укрыв.

Аконт о чем-то продолжал думать.

— Генрих, сними ящики с палубы и принеси их сюда. А эти поставь вместо них и соедини, как тогда, в гавани.

В дверь постучались. Вошла Орел,

— Как вы себя чувствуете?

— Ничего, легкая ванна, которая дала мне ключ к разрешению одной загадки. Вообще, — добавил он, улыбаясь, — ванны много способствуют науке — и Архимед некогда после ванны разрешил великую задачу. Однако, ваше состояние-то каково?

— Да мне ничего! Я привыкла к воде!

Она под села на край койки и нежным взглядом скользнула по Аконту.

В памяти пронесли недавно прошедшие дни, когда она собственными руками готовила если не физическую, то моральную гибель Аконта.

Как это могло случиться, она сейчас не могла понять. Теперь ее сердце заполняла бесконечная преданность и не было той жертвы, на которую она не пошла бы. Ее очень тяготила беременность и только то значение, которое придавал ребенку Аконт, заставляло ее внимательнее относиться к себе.

Икара она избегала, а при встречах была с ним нарочито груба.

Все, к чему внимательно относился Аконт, было предметом тщательных забот и с ее стороны.

Она просидела недолго, видя, что Аконт чем-то занят, оправила на нем одеяло, привела в каюте кое-что в порядок, переставила предметы на столике и тихонько вышла. Голова чуть-чуть кружилась и в ногах чувствовалась какая то слабость.

— Нет, — подумала она, — это не от плавания.

Самочувствие было необычное. Она ушла к себе в каюту, объяснила Лоре знаками, что хочет прилечь, и Лора вышла из каюты. Красавица с палубы еще не возвращалась. Это был ее первый выход. До сих пор она все время проводила в каюте, упорно отказываясь покинуть ее. Сегодня общее волнение и имя Аконта, которое звучало так почтиительно во всех устах и которое с такой нежностью произносилось Орлом, как-то сразу сломили прежнее настроение, Увлекаемая Лорой, она поднялась наверх.

Впервые она, как ей казалось, видела всех. Очевидно, раньше ее внимание скользило по людям, а сейчас оно останавливалось с любопытством на разных лицах.

Встреча с пиратом восстановила многое в ее памяти. Занятия с врачом сильно обогатили ее лексикон, и она умела уже объяснять свои желания.

Когда она вплотную подошла к пирату, сразу из каких-то забытых углов всплыли образы, слова, фразы. Подобно

сомнамбулам, которые в состоянии гипноза начинают говорить на языке, слышанном в далеком детстве, красавица заговорила с пиратом на особом языке — не на том, какому ее обучал доктор.

Пират откликнулся — и вся флегматичность куда-то исчезла. Ему, по-видимому, трудно было говорить, не хватало слов, но он понимал все, что ему говорила красавица.

Они о чем-то очень оживленно беседовали, поминутно указывая пальцами то на одного, то на другого из числа стоявших на палубе.

Этот день был поворотным в жизни представителей поддонного замка.

С этого дня они все теснее сближались с экипажем.

Когда красавица спустилась вниз, она первым делом, при помощи Лоры, разыскала каюту Аконта. Вошла не постучавшись, чем немало его смутила. Затем села к столу и, как ни в чем ни бывало, точно давно и хорошо знала Аконта, стала расспрашивать его о состоянии здоровья и выяснять роль и значение отдельных членов экипажа.

Эта перемена приятно поразила Аконта, а ее вопрос «Как я очутилась среди вас? Где вы меня нашли?» привел его в такое возбуждение, что он совершенно забыл об утомлении и как мог рассказал ей, что видел и как ее оживил.

К его удивлению, оживление не особенно поразило ее.

— У нас это бывало.

Эта реплика привела Аконта в полное недоумение.

— Когда бывало?

— Тогда, когда мы жили в замке.

— Вы умирали, — спросил Аконт, — и вас оживляли?

— Да.

Аконт забыл, что он раздет и так энергично двинулся на кровати, что одеяло сползло с него. Он и не обратил бы на это внимания, если бы по лицу красавицы не пробежала легкая тень.

— Извиняюсь! Не можете ли вы рассказать подробнее?

— Охотно, — вы так много сделали для меня. Вы меня оживили. У нас в замке был такой порядок. Мужчина, ожививший женщину, становился ее повелителем. Это ваше право.

Становилось неловко. Право было предоставлено очень решительно и, по-видимому, отказ от него мог быть истолкован, как оскорбление. Надо было как-то выходить из положения.

— Если это право, то, конечно, я от него не откажусь, — сказал Аконт, — но сейчас я вас очень прошу продолжать рассказ.

— Скажите, — спросила в свою очередь красавица, — вы тоже пираты? Вы покорили нас, умертвили всех, оставив только нас двоих?

Было очевидным, что рассказа Аконта она не поняла — и не поймет. Это было выше ее понимания, выше того запаса сведений, каким она владела. Только постепенным развитием можно было поднять ее на уровень понимания всего происшедшего.

— Да, — как-то неуверенно сказал Аконт.

— Или, может быть, — и в глазах появился огонек, — вы от испанского короля — вы его солдаты?

— Нет, нет, — поспешил ее успокоить Аконт, — мы настоящие пираты, мы победили вас.

«Черт знает, куда залез», — подумал Аконт. Но он готов был бы назваться римским папой, чтобы узнать тайны поддонного замка.

— Мы считали наш остров неприступным и поэтому там не было вооруженной стражи. Мы жили без страха — подступиться к нам никто не мог. Вы первые победители — и вам принадлежат по праву все женщины и все сокровища.

— Сколько же было женщин и сокровищ?

— Двадцать шесть, я — двадцать седьмая и пять оживленных.

«Одно из двух, — подумал Аконт, — либо бредит, либо мы многого не доглядели и во многих местах не побывали».

— Старший пират владел красивейшими женщинами, которых привозили на остров. Тут были африканки, индианки, светлые северянки, японки, китайянки.

Когда яркая молодость начинала покидать женщину, ее отводили в особую комнату и там погружали в сон. О, это делалось очень искусно. Она спала, и каждый из мужчин,

которому она нравилась, мог приходить и пытаться ее разбудить. Разбудивший становился ее властелином. Если же это не удавалось, ее передавали особому человеку, который опускал ее в воду. Это была замечательная вода — от нее все живое переставало гнить и сохранялась молодость на всю жизнь. Ее укладывали в постель, наряжали в лучшие одежды.

Раз в год устраивался праздник, на который съезжались самые именитые, самые сильные пираты, отцы и деды которых сложили этот замок.

Начинались игры, состязания. Было столько разных состязаний, сколько было занятых кроватей в большом круглом зале, где спали уснувшие женщины.

Призом был поцелуй спавшей красавицы.

В этот день убивались все пленники, все враги пиратов, в этот день их судили в зале, где на высоком троне восседал старейший из пиратов,

Одних сжигали живьем, других ставили в колоды, третьих клали в ящики. Больше всего сжигали.

Глубокой ночью победители уходили в круглый зал.

Право первого выбора красавицы предоставлялось тому из пиратов, кто привозил самого вредного и знатного пленника. Как только над ним совершался суд, его владелец получал право входа в зал спящих красавиц.

Так один за другим входили пираты в зал. Последнему доставалась оставшаяся.

Оживить никому не удалось. Пират имел право трижды поцеловать в уста. Он клал драгоценности, как свою дань, в ларец красавицы.

Ты первый, — сказала красавица, — который оживил уснувшую — ты получаешь меня на всю жизнь — никто не смеет отнять меня у тебя.

С этими словами она порывисто встала и обвинила сильно и страстно шею Аконта. Горячие и красивые губы впились в его уста.

Голова пошла кругом. Пьянило и одуряло... неизвестно, как развернулись бы события дальше, если бы в каюту не вошел Макс, за которым шел Генрих с ящиком. Он опешил

при виде этой картины.

Красавица гневно повела глазами и васильковый отлив стал темно-синим. Она резко повернулась к Максу и, сказав:

— Ты не настоящий пират, — вышла из каюты.

— В чем дело? — спросил Макс.

Аконт не сразу ответил. А затем рассказал доподлинно все, что было. Максу эта история показалась не совсем правдоподобной. Как бы невзначай, продекламировал:

— «Любви все возрасты покорны», — и прибавил: — А она, право, недурна и вкус у вас недурен.

Генрих от изумления вытаращил глаза. Это уже было не изобретение и не аппарат, а настоящий поцелуй, правда, облеченный в легенду, но слишком жизненный, о чем говорили глаза Аконта.

Создавалось фривольное настроение, несколько коробившее Аконта. Чтобы прекратить разговоры на эту тему, он быстро оделся, взял аппараты и серьезно, как будто ничего не было, начал объяснять Максу их назначение.

Рассказ сам по себе так походил на сказку, что красавица с васильковыми глазами отодвинулась на второй план.

— Всякий звук, — объяснял Аkont, — особенно хорошо распространяется в воде. Среда несжимаема, упруга, а потому и эхо, т. е. отражение звука от предметов, попадающих на пути, должно быть тоже особенно отчетливым в воде.

Винт яхты создает шум. Этот шум распространяется во все стороны и создает большое сотрясение воды. У меня на определенном расстоянии от винта прикреплены громко звучащие камертоны. Звуки, издаваемые ими от удара винтовой воды, отражаются от скал, между которыми идет яхта, и это эхо ловят трубы. Эхо ударяет в перепонку, а оттуда по трубкам звук передается в ящик, где на валике получается след той или иной глубины в зависимости от высоты эхо. Чем ближе скала, тем отчетливее эхо и тем глубже след. Теперь я вставлю эти валики в граммофон.

С этими словами он вынул из ящика один из многочисленных валиков, находившихся в нем, и вставил в граммофон, стоявший в углу.

Раздалась мелодия звучаний то громких, то постепенно ослабевающих с тем, чтобы внезапно зазвучать с новой силой.

Каждые пятнадцать минут слышался особый звук, отличный от остальных звучаний.

— Это отметка времени, — сказал Аконт, предупреждая вопрос. — На основании этих звучаний я могу вычертить весь фарватер, а когда яхта вновь войдет в эти воды, то по звучаниям можно будет дать ей безопасный путь.

Это было не менее легендарно, чем рассказ красавицы, но звучащий граммофон подтверждал это не менее, если не более ярко, чем отзвучавший поцелуй красавицы.

— Значит, вы совладелец секрета?

— А со мной и вы, — сказал Аконт.

Они обменялись очень теплыми рукопожатиями и направились в лабораторию, где Аконт показал прибор, переводивший звуки в линию, т. е. графически изображавший звучание.

— Вот тут, — он указал на кривую, лежавшую на столе, — вы видите записанной речь жены Человека, а вот перевод этой речи. Сопоставляя отрезки, я составил вот этот словарь и еще до того, как мы вернемся в наш город, маленький Гоми научится говорить по-нашему, а Нос понимать Лору и с нею объясняться.

К вечеру Аконта вызвали к Орлу. Она уже лежала в лазарете и около нее хлопотал доктор. Мучительные боли бороздили временами лицо. Когда вошел Аконт, боли прорезала улыбка счастья и от смешения этих двух волн лицо у Орла стало беспомощным и детски наивным. Через минуту боли прошли, и Орел улыбкой выразила радость по поводу прихода Аконта.

У двери кто-то скреб. Доктор приоткрыл дверь. Там стоял Икар. Он виновато моргал глазами и, видимо, хотел войти.

— Кто там? — спросила Орел.

— Икар, — сказал доктор.

— Нет, нет, не надо, я не хочу его видеть, я ненавижу его, прогоните его!

— Зачем же так резко? — вмешался Аконт. — Я перего-

ворю с ним, он сам уйдет.

Выйдя за дверь, Аконт медленно, вспоминая свой словарь, объяснил Икару положение и опасность его присутствия.

Каким маленьким и беспомощным показался этот сильный человек-обезьяна! Он покачал головой и заковылял к себе, опираясь на палку.

На лице у него Аконт впервые увидел выражение обиды и покорности. Вообще, Икар сильно изменился после болезни. Он с изумительной четкостью перенял жесты, мимику и движения тех, кого он любил, к кому привязался. Он стал покорным — это сделала та отчужденность, которой окружила его Орел.

Аконту стало больно за него. Он нагнал его, погладил и попросил зайти к нему завтра в каюту.

Какой человеческий взгляд! Эти огоньки человеческих чувств, перебежавшие временами в глазах Икара и жены Человека! Какое-то осознанное чувство взаимной связи, тонкая реакция на сочувствие — это так роднило с Икаром, так приближало к нему.

Аконт вернулся к Орлу.

— Не надо гнать Икара. Не его вина.

— Но я не люблю его. Там, на острове, я сошлась с ним. Он, как зверь, чутьем угадал во мне женщину. Там я была одна со своим преступлением и мне дорого было чувство дружбы и любви, а теперь... — она притянула к себе руку Аконта и поцеловала ее с бесконечной нежностью.

Аконт хотел что-то сказать, но на лице Орла изобразилась такая мука, что слова застряли в глотке.

Аконт взором спросил у доктора, в чем дело.

— Преждевременные роды, — прыжок в воду с целью спасти вас не прошел безнаказанно.

«Досадно, — подумал Аконт, — вряд ли когда-либо красивая женщина, да и женщина вообще, сблизится с подобным существом».

Но вслух ничего не сказал.

Он отвел доктора в угол, что-то шепнул ему на ухо, на что доктор утвердительно кивнул головой.

Он с минуту постоял около Орла, провел рукой по ее лбу и лицу. Орел просияла — она хотела приподняться, но схватки лишили ее сил.

Аконт пожелал ей покойной ночи и вышел, провожаемый счастливым взглядом.

В коридоре он столкнулся с пиратом. Тот отошел в сторону, выразив почтение своим движением и, дойдя до лазарета, приложил ухо к двери. Видя, что за ним наблюдает Аконт, он прошел дальше к лестнице, ведущей на палубу.

Аконт недолго постоял и направился к себе в каюту.

* * *

На следующий день яхта, впервые за все время, вошла в порт для возобновления запасов угля.

Макс один съехал на берег и через час вернулся, встревоженный и взволнованный. Он привез кучу газет.

На первой странице стояло жирным шрифтом: **«Сокровища на острове Ло-Хо найдены. Подробности завтра»**. В скобках значилось: **«корреспонденция по радио от Нильсена»**.

Это известие донельзя запутывало положение и ломало намеченные планы.

Кто этот Нильсен? Как он попал на остров? О каких сокровищах шла речь? Правда, перед отъездом он сказал экипажу «Разведчика», что сокровищ найти не удалось, что «Искатель» возвращается ни с чем.

Может быть, на острове натолкнулись на оставленный резерв или жилу?

Макс не допускал мысли, что охраняющие аппараты подведут и «Разведчик» рискнет тронуть трубы. Теперь все будут уверены, что «Искатель» везет сокровища, и их могут конфисковать, как собственность «Разведчика».

Надо было быстро и энергично действовать. Была дорога каждая минута. Так блестяще завершенное дело могло погибнуть.

Макс вызвал Аконта и капитана и вместе выработали план дальнейших действий.

* * *

Усилиями копающих, чрезвычайно заинтересованных возможностями новых находок, удалось очистить от песка всю переднюю стенку. Лопата ударила и скользила вдоль двери, окованной толстым железом. Когда вся дверь была очищена, пират — Черный дядя — надавил плечом раз, другой — дверь легко поддалась, открыв далеко идущую черную дыру.

Зажгли фонари и двинулись, предшествоваемые пиратом. Ход все время был широкий — только местами дорогу прекращали большие глыбы, отколовшиеся непонятным образом от стены.

Это был, несомненно, подземный ход; по-видимому, он вел под скалу. В одном месте Черный остановился, опустил на землю фонарь и выругался.

Судя по интонации голоса, он нашел, что искал. Когда к нему подошел инженер, он ткнул пальцем в череп и сделал презрительный жест. Около скелета были предметы домашнего обихода, а в скале выдолблена ниша, по форме напоминающая ложе.

Черный продолжал что то бормотать, а затем начал укладывать костяк в нишу — ему помогли. Что это, жилье отшельника или одиночная камера? Эту загадку хранил Черный.

Инженер попытался знаками спросить его, но это оказалось безнадежным. Черный становился все интереснее, он был хранителем тайны острова — надо было найти какой-либо общий язык.

Когда костяк был уложен в нишу, процессия двинулась дальше.

Прошло около часа — шли очень медленно, так как геолог проверял надежность свода. Уперлись снова в какую-то

преграду.

Тут была навалена груда камней. Черный отвалил самый большой — его примеру последовали спутники, и минут через двадцать вся куча была разобрана. Снова была дверь.

Черный пропустил вперед инженера, видимо, предоставляя ему честь открытия. Инженер осветил фонарем; дверь, окованная железом — такая же, как при входе.

Куда ее открывать? К себе или от себя? Он попробовал надавить плечом, но Черный зарычал — значит, прием был неверный.

Вообще, в устройстве дверей была система. На материке все двери стараются делать открывающимися наружу на случай пожара или других несчастий — тут, наоборот, двери открывались внутрь с тем, чтобы, спасаясь, можно было их закрыть, привалив бревно, камни.

Надо было тянуть к себе. Но как? Ручек не было и ухватиться не за что.

Инженер осветил внимательно контуры двери, не нашел ничего, за что можно было бы уцепиться. Черный стоял с торжествующим видом. Он подошел вплотную, соскреб сверху и снизу по слою и обнажил две дырки, в которые свободно входили пальцы и можно было просунуть какой-нибудь инструмент.

Нет, Черный дядя был хозяином здешних мест — сомнений уже не оставалось. Его положение и отношение к нему с этого момента резко изменились.

Пока возились с дверью, геолог соображал:

«Ладно, хозяин. Допустим. Но сколько ему лет, если он так хорошо знает расположение комнат в том замке, засыпанном песком?»

Нет, вероятно, он тут не один. И этот секрет ему передали отцы и деды».

Эта версия очень подкупала — но так не ведет себя человек, посетивший место по сведениям, полученным из рассказов — нет, эта версия не годится — так ведет себя живой хозяин в своем собственном владении.

Оставалось поближе сойтись с обезьянами, авось что-либо удастся узнать от них.

Пока геолог размышлял, дверь начала поддаваться и в образовавшуюся щель сползли камни и песок.

Черный дернул дверь — она распахнулась и камни завалили проход. Сквозь шум падения послышался отчаянный крик,

Начали убирать землю. Но куда? Сначала хотели тонким слоем разбросать по коридору, но Черный приостановил исполнение этого плана и, взяв из рук Петро лопату, начал скидывать землю тут же сбоку.

В его движениях и во всей фигуре была властность, чувствовалось, что этот человек привык повелевать — и невольно в его присутствии создавалось настроение подчиняться. Ведь властность состоит в каком-то гипнозе, внушающем окружающим состояние подчинения.

Начали перекалывать землю и камни. С места на место. Прошел час — показался просвет, еще пять-шесть лопат, и выход был открыт.

Когда Петро высунул голову, он увидел, что место выхода окружено экипажем «Разведчика».

Вначале напуганные, теперь они радостно приветствовали Петро и помогли ему вылезть.

Оказалось, что на том месте, где показался Петро, час тому назад сидел капиталист. Он вскрикнул, когда под ним начала оседать земля, и побежал к остальным с паническим криком: «Землетрясение!»

Общими усилиями расчистили ход, выбросили наружу весь песок и камни, сложенные в коридоре — и отпраздновали — криками и пляской — не было никаких иных возможностей отметить этот торжественный момент — открытие туннеля, связавшего север с югом.

Когда первые восторги прошли, представитель правительства поинтересовался узнать, где же яхта и аэроплан, который они видели над островом.

Сразу стало как-то грустно. В сущности, открытие туннеля ни на шаг не подвигало вопроса о спасении — оно только облегчало переправу на южную часть острова. Радоваться-то нечему было. Упало настроение. Инженер и геолог по очереди рассказывали главные события последних дней.

Яхты нет, нет и аэроплана. Ведь от Петро, прибывшего от Нильсена, они уже знали кое-что. Да, но не хотелось верить — а сейчас приходится поверить.

— Чего носы опустили? Берите пример с Нильсена.

Действительно, было чему удивляться — он уже был у радиоаппарата и диктовал очередную сногшибательную корреспонденцию. Найденный скелет он отнес к допотопным обезьянам. На все уверения геолога он только махал рукой — вы, дескать, не понимаете соли корреспонденции. Просто скелеты — их и в Лондоне и в Нью-Йорке много, а вот допотопная обезьяна только у одного мистера Нильсена.

Переубедить его нельзя было — тем более, что известие уже странствовало в эфире.

За всей работой и суматохой забыли о Зоре. Труп его лежал недалеко от того места, где начали копать.

Надо было захоронить. Отрядили четверых, которых переправили на юг.

У южного входа застали всех обезьян. Они сгрудились так, что закрыли просвет, но входить не решались. Лица возилась около покойника — она его щупала, поднимала голову — и никак не могла понять его состояния.

Четверо отошли вправо от входа шагов на тридцать-сорок и начали рыть у самой опушки леса. Вначале трудно было — мешали корни, а потом пошел песок.

Вырыли, захоронили при полном молчании — обезьяны были ошеломлены всем виденным и не проронили ни звука. Землю сравнили.

— Спи, товарищ!

Медленно вернулись в лагерь. Там еще никого не было.

Поздно, к вечеру, вернулась часть экипажа вместе с Черным, остальные заночевали на севере. Пришедшие сообщили, что решено всем перебраться на юг и разбить большой лагерь. В ожидании же прибытия помощи заняться археологическими раскопками.

Геолог решил сблизиться с обезьянами, инженер с Черным дядей и, таким образом, приоткрыть таинственную завесу, спускавшуюся над островом.

Радио перетасили с собой, приспособили громкоговоритель. С ближайшей радиостанции слушали концерты, лекции. Сообщали о себе... и вот однажды радио принесло весть, взволновавшую даже Нильсена.

* * *

На следующий день после прихода в порт экипаж «Искателя» из утренних газет узнал все, что произошло на острове после их ухода. Изумленный Аконт глазам своим не верил, когда читал сообщение Нильсена. Выходило, что красавица не бредила — ее рассказ был сущей правдой.

Газеты успокоили Макса — этими сокровищами он не дорожил — да, по существу, и запасы его мало интересовали, а о поддонных богатствах знали лишь они, а фактически владел их секретом один Аконт. Его покой и безопасность составляли теперь предмет особых забот со стороны Макса.

Все это несколько изменило первоначальный план. Спешность уже не представлялась столь настоятельной. Выгоднее было даже несколько задержаться в порту.

В последние дни печатались новые вести с острова. Все газеты были полны догадок и предположений. Только и говорили об экспедиции на остров — остановка была за малым: для судов не знали фарватера, а для аэроплана места посадки. Сами же потерпевшие не давали никаких указаний на этот счет.

Переполох был полный.

Согласно разработанному плану, яхта ушла на третий день в неизвестном направлении, запасшись бельем и костюмами, как мужскими, так и женскими. В порту остались Макс, Икар, пират и Нос с Лорой, ни за что не соглашавшейся, хотя бы на время, расстаться с Носом.

Икар был одет в европейский костюм. Вид у него был экзотический и оригинальный. Особенно, когда проходил своей хромающей походкой, опираясь на палку.

Он был доволен, что с ним Лора и Нос. Макса он побаи-

вался.

Лора была одета женщиной — и когда депелятуаром ее тело было очищено от волос, Нос прыгал, как ребенок. Она, действительно, была очень интересна.

В закрытом авто Макс отвез их в заранее нанятую виллу.

План был таков. Сначала опровергнуть все сообщения с острова. С этой целью через три дня Макс отправился в телеграфное агентство и, получив у директора аудиенцию, сказал ему следующее:

— Владелец сокровищ острова Ло-Хо являюсь я. Сообщения с острова столь же неверны, как и фантастичны. Обилие раскинутых кладов могло навести оставшихся там на случайные ценности, представляющие ничтожную величину по сравнению с тем, что я там нашел.

Мои сокровища следуют на яхте «Искатель», три дня тому назад оставившей порт в направлении, известном только мне одному.

Директор внимательно выслушал. Снял телефонную трубку.

— Алло! 75-22. Начальник порта? Была ли у вас яхта «Искатель»?... Какой груз?

Он получил ответ, который, по-видимому, лишь отчасти его удовлетворил,

— Хорошо, какое же доказательство вы можете представить в подтверждение ваших слов? — обратился он к Макс.

— А каких доказательств вы требовали от мистера Нильсена? Где гарантия, что он не сидит где-либо на острове в Тихом океане в комфортабельной вилле и оттуда наводняет прессу сногшибательными известиями?

По лицу директора пробежала тень. Мистер Нильсен — американский корреспондент, а от американцев можно ожидать всего.

Действительно, как это раньше он не подумал об этом? Теперь надо спасать положение.

— Мистера Нильсена знает весь газетный мир, он отважный корреспондент. В его корреспонденциях, в их правдивости, в основном, конечно, не в деталях, мы до сих пор не имели оснований сомневаться. А вы, мистер?

— Я тоже могу вам представить доказательства не менее солидные, чем репутация мистера Нильсена.

Он положил на стол небольшой чемоданчик, открыл его маленьким ключиком и вынул оттуда несколько слитков золота, монеты разной чеканки, несколько жемчужин величиной с яйцо и горсть алмазов. Выложив все это перед директором, Макс добавил совершенно невозмутимым тоном:

— Это мои доказательства!

— Да, — промычал директор, — доказательства неопровержимые.

И уже совершенно в ином тоне обратился к Макс:

— Чем же может быть вам полезно наше агентство?

— Вы должны дать радио следующего содержания... — Макс вынул из бумажника записку и передал ее директору.

Пробежав ее глазами, директор несколько выпятил губы и расширенными глазами посмотрел на Макса.

— Но это значит погубить репутацию агентства. Мы первая крупная радиостанция к острову Ло-Хо. Волна радио, бывшего на «Разведчике», по своей длине достигает наших приемников — и не дальше.

— Я передаю в ваше личное распоряжение весь чемодан со всем его содержимым.

Директор изменился в лице, на лбу выступили капли пота. Такие подарки мог делать только тот, кто владел большими сокровищами.

В молчании прошло несколько секунд — Макс стоял с раскрытым чемоданом, а директор обшаривал глазами его содержимое.

— Хорошо.

— Честь имею кланяться.

На следующее утро мир облетело радио:

«Сообщения мистера Нильсена утка; подлинны сокровища в руках экспедиции "Искателя". В распоряжении агентства имеются тому несомненные доказательства».

К вечеру того же дня к ректору местного университета явился Макс, безукоризненно одетый, в сопровождении Лоры.

Макс представился ректору, как глава экспедиции «Ис-

кателя», о которой сообщало радио, и просил у него разрешения ознакомить профессуру с теми открытиями, какие сделаны его экспедицией на острове. Во время беседы ректор не сводил глаз с Лоры, только из вежливости иногда поглядывая на Макса и поддакивая ему.

Опытный глаз биолога с обширным багажом археологических знаний сразу подметил особенные черты, отмечавшие Лору.

— Виноват, мисс, — обратился он к ней, — вы тоже были в экспедиции?

Впервые за все время Макс увидел на ее лице густую краску. Она понимала, что к ней обращаются. Это привело ее в такое смущение, что не положи ей Макс под столом руку на колено, она несомненно сбежала бы.

— Мисс не говорит по-английски? — спросил ректор у Макса.

— Нет, мистер, она изъясняется только на языке обезьян.

— Обезьян???

Ректор придвинул стул к самому столу. Вероятно, впервые в жизни досадовал, что стол так широк и не позволяет ему подойти вплотную к Лоре.

Макс продолжал:

— Эта мисс произошла от брака человека с очеловеченной обезьяной.

Такое сообщение выше всяких этикетов; ректор встал из-за стола, обошел его, подошел к Лоре.

Присутствие нового человека, его стремительные движения так подействовали на Лору, что она, позабыв обо всех наставлениях Макса, сорвалась со стула и одним прыжком очутилась в конце комнаты — и, так как туфли сильно стесняли движения, она их скинула. От быстрого движения лопнула спереди юбка.

Ректор, забыв свое положение, кинулся за ней. Одним прыжком она очутилась на письменном столе, где ее за ногу поймал Макс. Никакие окрики не помогали. На шум прибежала жена ректора, худенькая женщина, и широко открытыми глазами смотрела на эту картину. На столе, среди разлитых чернил, стояла Лора в одних чулках, с разорванным

платьем; Макс держал ее за ногу, а поодаль стоял ректор с расставленными руками, точно он хотел поймать что-то, что не давалось в руки.

Приход новых людей как-то парализовал дальнейшее развертывание событий — Макс снял Лору со стола, оправил платье, усадил ее. Ректор принес туфли.

— Не извиняйтесь, — сказал он, видя, что Макс хочет что-то сказать. — Я должен перед вами извиниться за недоверие и научную бестактность. Я и мои коллеги к вашим услугам.

На следующий день вечером состоялось соединенное заседание всех научных обществ совместно с факультетами университета. Корреспонденты были в полном составе.

Макс, стараясь обойти вопрос о сокровищах, рассказал доподлинно все, что было, продемонстрировав Икара и Лору. Икара раздели, Лора же наотрез отказалась раздеться.

Максу задали бездну вопросов. Он извинился — он только начальник экспедиции. Отец и мать Лоры и Икара уехали на яхте — поэтому он может ответить только на ограниченное число вопросов.

Да, там, на яхте, последнее поколение, маленький Гоми. Когда яхта вернется на материк, он предоставит научным силам полную возможность изучить вопрос. Он очень жалеет, что у жены Икара беременность случайно закончилась преждевременными родами — но ребенок прекрасно сохраняется в спирту.

После доклада их окружили ученые и корреспонденты. Помня историю с Лорой и боясь внезапных вспышек гнева Икара, очень опасных при его исключительной силе — Макс держал обоих около себя, почти за руку. В помощь был Нос.

Когда окончился доклад, и Макс уехал на виллу, к нему тотчас же явилась вереница корреспондентов — и беседа затянулась до рассвета. 188

Следующие дни газеты только и говорили о Максе и экспедиции «Искателя».

Из радио экипаж «Разведчика» узнал, что за «люди» те «обезьяны», среди которых они жили на острове.

Это сообщение было сногсшибательным даже для мис-

тера Нильсена.

Получив это известие, он тотчас решил отправить на материк интервью... но тщетно — сговориться с обезьянами он не мог.

Однако, это радио резко изменило отношение со стороны экипажа «Разведчика» к потомству Человека,

Макс долго колебался, не зная, оповестить ли мир о поддонном замке. Теперь каждое слово его делалось достоянием мира.

За последние четыре дня он прочитал восемь лекций и докладов перед самыми разнообразными аудиториями.

Наконец, он решился. Это был последний козырь. Теперь на время он станет в центре мирового внимания — а это было чрезвычайно важно для проведения задуманного плана.

Он направился с пиратом к тому же ректору и рассказал ему подробно о поддонном замке, не упомянув ни словом о сокровищах.

Но это уж было чересчур. Где же Аконт? Аконт на яхте «Искатель», ушедшей в неизвестном направлении, с ним красавица, а сюда он привез вот этого пирата. С этими словами он снял с него жилет и особые брюки на застёжках, покрывавшие костюм, и представил его во всем блеске первоначального наряда, во всем вооружении, заменив предусмотрительно стальные клинки картонными (но это не нарушало картины, так как их не было видно).

— Скажите, это последняя тайна?

— Почти, — сказал Макс, и в углах его губ зазмеилась улыбка.

— Моего терпения, — сказал ректор, — до завтра не хватит. Разрешите сейчас созвать узкий кружок выдающихся знатоков тех областей знания, о которых вы упоминали. Кстати, тут есть, в научной командировке, единственный в мире знаток эпохи пиратов.

Последнее замечание не совсем понравилось Максy. Все ставилось в зависимость от этого единственного знатока — ибо такова психология толпы, все равно, как бы высока ни была квалификация ее членов — довольно одного слова — и

ты осмеян. А иногда тысячи компетентных слов отскакивают, как мячи, от стены слепой веры в чудо.

Делать было нечего. Раз игра начата, надо ее продолжать.

Через три часа начался доклад. Макс добросовестно изложил все, что видел и слышал от Аконта и геолога, стараясь обходиться без отсебятины, — она могла бы исказить рассказ.

Когда двухчасовой доклад был окончен, Максу трижды пришлось повторить, что он кончил. Зал задвигался — но ни единого хлопка: точно какое-то оцепенение охватило слушателей.

— В чем дело?

Из третьего ряда поднялся человек: волосы на голове коротко острижены ежиком, ясная проседь, чисто выбритый, в пенсне. Обращаясь к Максу и слушателям, он произнес:

— Разрешите обнажить пирата до пояса.

«Каверза», — подумал Макс. Он начинал сильно, до дрожи, волноваться; стоило большого напряжения воли не выдать волнения.

Макс начал раздевать пирата. Руки дрожали. Это могло выдать его беспокойство. Поэтому он «в целях полной объективности» предложил раздевание проделать сказавшему.

Тот спокойно подошел к пирату, обнажил его до пояса, осмотрел спину, а затем, обратившись к зале, следившей за всем происходившим с затаенным дыханием, сказал громко и отчетливо:

— Да, это подлинный пират, — и, повернув его спиной к аудитории, показал знак под левой лопаткой. Это был треугольник с рассеченными углами. На скрещении линий, деливших углы, было темное пятно величиной с мелкую серебряную монету.

Затем, обратившись к Максу, он попросил разрешения сказать аудитории пару слов.

У Макса от волнения пересохло в горле; он хотел что-то сказать, но смог лишь промычать; только кивком головы вышел из неловкого положения. Руки и все туловище были сведены — точно они были чужие.

Он не расслышал даже речи — в ушах звенели слова «подлинный, подлинный». Ухо Макса уловило только следующее:

— У этого объединения — род пиратского ордена — центр был на острове Ло-Хо, а все члены ордена получали вот эту метку. Я случайно наткнулся на эти данные в одной испанской летописи.

Затем, обратившись к пирату, он сказал несколько слов на старинном английском наречии. Пират ожил. Глаза забегали, и он начал говорить и говорить, как могут говорить только люди, скованные долгим молчанием. Он говорил минут пять, страстно жестикулируя.

Когда он кончил, знаток пиратов обратился к аудитории и сказал:

— Я не вдаюсь в объяснения геологические и прочие — это дело специалистов, но могу заверить, что в остальном, по моим материалам, описание, данное докладчиком, целиком соответствует действительности.

Заседание было объявлено закрытым.

Трудно описать переживания, переливавшиеся по аудитории. В этот вечер много людей безмолвно пожимали руку Максу — многие пожимали пирату.

Он чувствовал себя именинником и безостановочно о чем-то говорил.

На следующий день пресса поставила Макса и Аконта в центре внимания всего мира. Полгазеты было занято докладом и интервью.

Макс, наконец, получил от правительства своей родины предложение возможно скорее вернуться домой. Он не заставил дважды повторить это предложение. На ближайшем пароходе члены экспедиции отплыли.

Проводы носили исключительно торжественный характер. В сотнях снимков Макс, Икар, Лора, Пират и Нос облетели весь мир. В течение ближайшего месяца не было ни одного журнала, где хотя бы одна страница не была посвящена им.

На пароходе Макс и его спутники продолжали оставаться в центре внимания, а щедрость Макса, его крупные по-

жертвования научным обществам, были предметом многочисленных разговоров.

Приезд на родину был триумфальным шествием, а прием на месте превзошел по торжественности все, что Макс когда-либо себе представлял.

* * *

Сообщения радиоагентства, лекции, доклады и интервью, передававшиеся по радио, совершенно сбили с толку мистера Нильсена и весь экипаж «Разведчика». Инженер понял теперь, откуда Черный дядя знал все ходы и выходы на острове и чего он искал, бродя по целым дням.

Но где были сокровища, которые, как теперь несомненно, вывез «Искатель»? Вот это представляло очередную загадку. Теперь все верили в свое близкое спасение, тем более, что в своем последнем радио Макс извещал мир и их, что через шесть месяцев он с новой экспедицией будет на острове.

Яхта «Искатель», выйдя из порта, обогнула материк и остановилась в открытом океане в том месте, где была назначена встреча.

Было жарко, воздух был раскален, и отсутствие ветра делало жару еще более несносной.

Вся жизнь была у радио. Там Макс, здесь экипаж жили одной жизнью и переживали одни и те же волнения.

Когда радио передавало доклад и Аконт услышал слова «да это подлинный пират» — он был так же взволнован, как и Макс на докладе.

Две каюты были соединены и из них сделан зал. Там стоял громкоговоритель. Из этого зала заставляла уходить только вахта. Но работавшие в смене так нервничали, что пришлось расставить несколько громкоговорителей. Они сокращали время; делали менее чувствительной даже жару.

Известие, что Макс уже на родине, было встречено громким — «Ура!» — и маршем, кто во что и на чем горазд.

«Искатель» жил душой на материке. Капитана качали при каждом упоминании его имени — старик ходил ежедневно именинником. Ему не терпелось. Он готов был тронуться — даже шепнул об этом Аконту.

— Разве Макс потерял ваше доверие? — ответил ему на это Аконт.

Да, он понял всю несуразность своего предложения. Надо терпеливо ждать.

Приближался день встречи, вернее, день, с которого начиналось ожидание встречи.

Красавица жила общей жизнью. Она начинала понимать, что ее объяснение ошибочно и, по-видимому, все произошло иначе. Но ее чувства к Аконту уже опередили всю научную часть происшествия. Она гордилась Аконтом, как некогда гордилась могуществом того пирата, которому принадлежала. Чутье говорило ей больше, чем ум. Аконт был главный, и это кружило голову. Она не отходила от него.

Утонченностью ласки она не уступала современным женщинам, а внимание и заботы, какими она окружала Аконта, могли сравниться лишь с исключительной заботливостью Генриха.

Орел страдала глубоко. Она не претендовала на чувства Аконта. Ведь она же сама делала то, что должно было погубить его; ведь только счастливый случай оставил его в живых.

Как вырвать это из прошлого? Как стереть из памяти? Каким каленым железом можно вытравить это из сознания?

Да, но любовь, такая любовь, которая залила ее сейчас всю; разве эта любовь не имеет права на прощение? Разве безграничное, беспредельное чувство, которое владеет ею, не имеет права на забвение прошлого?

Аконт был чрезвычайно внимателен, ласков, но и только. Она ловила глазами каждый его взгляд. Лежа, прежде чем заснуть, она перебирала в памяти все сказанное им, восстанавливала все его жесты... но... нет, это не то.

Теперь она была одета по-женски и все свое жалованье пустила на туалеты, чтобы быть одетой не хуже красавицы — и она достигла в этом отношении многого. По внешности

она не уступала красавице. Темная, она была так же прелестна, как светлая красавица, и матросы заглядывались на нее все чаще и чаще. Но для нее существовал лишь один недоступный Аконт.

Жара сменилась ливнями и яхту поливало как из ведра.

Радио затихло. Макса сменили обычные концерты и доклады.

Это говорило за то, что день встречи приближался.

Дни шли, а Макса все не было. Подъем сменился упадком и на яхте от безделья начиналось разложение. Тогда Аконт, посоветовавшись с капитаном, собрал всех и изложил им дальнейшие планы. По мере того, как он говорил, экипаж приходил в неописуемое волнение, а когда он кончил, у всех было одно желание — скорее за новое дело.

* * *

После окончания официальных торжеств, Макс был вызван к главе правительства.

Он сделал сжатый доклад и указал размеры привезенных сокровищ. Страна в это время усиленным темпом развивала свою промышленность и чрезвычайно нуждалась в деньгах.

Макс изложил план дальнейших работ. Глава правительства нашел их несколько фантастичными, но тут же прибавил:

— Вы хозяин клада — и ваше право им распоряжаться.

Макс передавал драгоценности в распоряжение правительства с тем, чтобы на национальных заводах, национальными средствами были выполнены все его заказы.

— Это на три года займет все наличные силы, оставит лишь минимум времени на удовлетворение текущих потребностей, — сказал Макс.

— Но это создаст исторический момент в индустриализации всей страны, — ответил глава правительства.

— Итак, — сказал Макс, — я могу рассчитывать на проведение моего предложения в законодательном порядке, после чего я попрошу вооруженную силу. Лишь под ее защитой мне удастся доставить все драгоценности. Прошу иметь в виду, что привезена едва десятая доля того, что мы видели; возможно, что очень многого мы еще не знаем.

Да, — прибавил Макс, — у меня просьба. Жизнь некоего гражданина находится в зависимости от судьбы экспедиции. Так как драгоценности поступают в ваше пользование, я прошу об его освобождении, тем более, что его дело связано с работами Аконта.

Макс назвал имя возлюбленного Орла. Освобождение было обещано.

Теперь надо было подготовиться к встрече с «Искателем». Глаза, сотни глаз, с сотнями намерений следили за Максом — и, не будь вооруженной силы, ему не удалось бы соединиться с «Искателем».

Государства, которым в разное время принадлежал остров, предъявляли свои требования — сначала правительству, а затем Максу, и угрожали отвоевать силой оружия право хозяина на половину и даже две трети найденного.

Дело осложнялось — и в настоящем и в будущем. Вокруг «Искателя» разгорелись страсти. Нашлись даже наследники пиратов, подавшие иски о наследстве.

Надо было всех обмануть и исчезнуть незаметно.

Военные суда, назначенные к отплытию, стояли в порту под парами, а в море стерегла орава судов различных наций. Ни войти, ни выйти.

«Искатель» шифром был об этом извещен по радио, но эта весть, объяснявшая задержку Макса, очень мало способствовала успокоению экипажа.

Оказалось, что доставить сокровища в порт не легче, чем их найти.

Макс придумывал комбинацию за комбинацией, но все отвергал, как непрактичные. Он по привычке помышлял о каком-либо аппарате Аконта, но Аконта не было, а без него не придумаешь. Приходилось не изобретать, а комбинировать уже изобретенное.

Исход был найден. По радио дано было знать, что экспедиция отплывает пятого ноября в сопровождении таких-то военных судов, а первого ноября погрузились в воду и ушли шесть подводных лодок в сопровождении Носа, снабженного письмами Макса.

Пятого ноября вышла в море экспедиция в ложном направлении, а за ней на приличном расстоянии следовал международный флот. Все было честь честью — преследователи были хорошо замаскированы.

Пятнадцать дней уже плывал Макс по океану и, когда получил сведения-шифр, что в лодки погрузили драгоценности, а на яхте оставлен только младший состав, он резко изменил курс и пошел к месту назначенной встречи. Теперь он был спокоен за судьбу драгоценностей.

Была инсценирована встреча. И в тот момент, когда «Искатель» поднял пары, из международного флота отделилось несколько судов тех наций, которые считали себя хозяевами острова в прошлом и настоящем. Они подошли к «Искателю» и объявили груз арестованным. Макс вступил в пререкания, отказался показать трюмы и с оставшейся командой перешел на военное судно.

Поспешили удрать, так как обман грозил сильным озлоблением.

Пока вскрывали заколоченные трюмы, экспедиция с Максом ушла далеко. Одно судно осталось в качестве хозяина «Искателя».

Поняв, что они обмануты, капитаны передали «Искателя» и, не сказав ни слова, удалились на свои суда.

«Искателя» взяли на буксир и, таким образом, все благополучно прибыли в порт.

Когда драгоценности были свезены в кладовые государственного банка и об этом оповестили мир, посыпались сотни солиднейших предложений с большими сроками кредита. Предупредительность к послам дотоле игнорируемой нации выросла, точно по мановению волшебной палочки. Спрос на валюту возрос невероятно и ее котировка сделалась необычайно устойчивой. Требования на иностранные паспорта многократно возросли.

Теперь республика диктовала свои условия. Никакого кредита — все оплачивается золотом и редкими камнями. Срочность, точность и добротность исполняемых заказов — вот что требовалось.

Когда экспедиция приехала в столицу, началась новая эра чествований и докладов. Макс предоставил им проводить время по их собственному желанию.

Только через десять дней после окончания разгрузки все собрались вместе.

Макс изложил цель собрания. Правительством утверждено общество под названием:

«Общество по постройке подводного
города»,

в распоряжении которого числится все вывезенное с острова.

Сейчас надо выбрать правление. Все прошло быстро, так как на стоянке все были подготовлены Аконтом.

Пожизненным председателем выбрали капитана, директором Макса, а научным руководителем Аконта. Были утверждены и остальные, намеченные Максом, кандидаты в разные органы общества.

Все, кто был на «Искателе», все стали пожизненными членами Общества. Кто был с «Разведчика», зачислили кандидатами. Это распространялось и на пирата, оставшегося на острове.

Запнулись при голосовании Орла. Предатель. Тут снова выступил Аконт. Его авторитет был слишком велик. Собрание утвердило Орла, но потребовало у Аконта в самом недалеком будущем рассказать об его тайне.

Так состоялось первое заседание первого в мире

«Общества по постройке подводного
города».

Члены его восходили к 13-14 веку с одной стороны, с другой, как Гоми, начинали новую, освеженную породу лю-

дей.

Со следующего дня началась лихорадочная работа, невиданная в истории по своему размаху, работа по постройке первого в мире

города под водой.

Книга публикуется по первому изданию (М.: Пучина, 1927). В тексте исправлены очевидные опечатки; орфография и пунктуация приближены к современным нормам.

POLARIS

ПУТЕШЕСТВИЯ · ПРИКЛЮЧЕНИЯ · ФАНТАСТИКА

Настоящая публикация преследует исключительно культурно-образовательные цели и не предназначена для какого-либо коммерческого воспроизведения и распространения, извлечения прибыли и т.п.

SALAMANDRA P.V.V.